

Региональная общественная организация
«ИНСТИТУТ ПЕТЕРБУРГА»

Открытые слушания «Института Петербурга»

Ежегодные конференции
по проблемам петербурговедения
2014–2016 гг.

Санкт-Петербург
2017

Открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодные конференции по проблемам петербурговедения, 2014–2016 гг. / Отв. ред. А.И. Чепель. СПб., 2017. – 120 с.

Составители: **А.В. Князькина**
А.И. Чепель
Ответственный редактор: **А.И. Чепель**

Рисунок обложки **В.Б. Айзенштадт**

Контактные данные:
РОО «Институт Петербурга»
191123, Санкт-Петербург, Захарьевская ул., 14, пом.43
E-mail: institute_spb@mail.ru
Веб-сайт: www.institutspb.ru

© РОО «Институт Петербурга», 2017
© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>А.В. Князькина</i> Наполняем душу Петербургом (25 лет Региональной общественной просветительской организации «Институт Петербурга»)	7
<i>Н.В. Аляева</i> Смольный институт в эмиграции.	13
<i>Н.Н. Гольцов</i> Тихомиров или Шнейдер: Задача с двумя неизвестными	23
<i>Н.Н. Гольцов</i> Усадьба Гуслистых у Нарвских ворот	27
<i>Т.Ш. Рослякова</i> Одна из первых работ Джакомо Кваренги в Петербурге – возрождённая церковь в Пулковско.	36
<i>Л.Ю. Сапрыкина</i> «Домики с знаком породы...»	42
<i>Л.Ю. Сапрыкина</i> Отель «Росси» – времён связующая нить	56
<i>А.Е. Сербина</i> Современное православное зодчество Санкт-Петербурга	63
<i>С.Ю. Силаева</i> Архитектор Дмитрий Викторович Покотилов и его роль в формировании пространства Инженерной улицы.	77

<i>А.И. Чепель</i> Об общественной деятельности художника-архитектора Дмитрия Андреевича Крыжановского . . .	85
<i>А.В. Чернега</i> Кудрово. От деревни к городу	93
<i>А.А. Штерич</i> Штерич Пётр Алексеевич. Художник Академических театров	100
<i>Н.Т. Юлтыева</i> Иоганн Бернгард и Бернгардовка	107
Приложения	
Список сокращений названий учреждений и организаций	118
Дипломные работы 2014-2016 годов	119

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, перед Вами очередной сборник Института Петербурга, в котором собраны материалы докладов сразу нескольких ежегодных конференций (2014–2016 гг.). В него вошли работы наших выпускников, которые не были опубликованы в других краеведческих изданиях, но заслуживают внимания и будут интересны всем интересующимся историей и культурой нашего города.

Открывает сборник краткий исторический обзор 25-летней деятельности Института Петербурга. В сегодняшней петербургской культурной жизни нашей организации удалось найти свою нишу, определить своё направление деятельности, выйти на свою аудиторию. Несмотря на то, что сегодня нет недостатка в краеведческой литературе и других информационных ресурсах, посвящённых городу, практика последних лет показывает, что интерес к проекту не ослабевает, а потребность в системных знаниях о городе возрастает теперь уже в новое время и в новом качестве.

В год 100-летия Русской революции напомним об этом трагическом времени стала статья Н.В. Аляевой о судьбах смолянок во время этих событий и в первые послереволюционные годы.

Н.Н. Гольцов продолжает изучать историю Кировского района. В своих статьях он ставит перед нами топонимическую задачу и возвращает забытые имена, связанные с историей местности севернее Нарвских ворот. Л.Ю. Сапрыкина традиционно открывает неизвестные биографии домов Петроградской стороны.

Работы С.Ю. Силаевой и А.И. Чепеля дополняют личные и творческие портреты малоизученных архитекторов Д.В. Покопилова и Д.А. Крыжановского.

Две статьи Т.Ш. Росляковой и А.Е. Сербиной посвящены храмовому строительству – возрождённой церкви Д. Кваренги в Пулковско и современной культовой архитектуре. Авторы поднимают вопрос о целесообразности реконструкции исторических памятников, знакомят нас с современными направлениями православного зодчества Петербурга.

Для наших изданий тема петербургских судеб – одна из важнейших. В этом выпуске опубликована статья Л.Ю. Сапрыкиной о судьбах обитателей одного из домов на набережной реки Фонтанки, ныне отеля «Росси»,

среди которых были артисты Александринского и Малого театров, торговцы Апраксина рынка, Гостиного двора и чиновники Министерства внутренних дел. А.А. Штерич открывает для нас имя своего предка, художника Академических театров Ленинграда. Казалось бы известная информация о последнем владельце Бернгардовки была дополнена Н.Т. Юлтыевой новыми сведениями о потомках этого известного рода.

Санкт-Петербург – развивающийся мегаполис, в границы которого постепенно вливаются близлежащие старинные деревни и поселения. Судьба деревни Кудрово стала сюжетом исследования А.В. Чернеги.

Приятного Вам чтения!

А.В. Князькина

НАПОЛНЯЕМ ДУШУ ПЕТЕРБУРГОМ
(25 лет Региональной общественной просветительской
организации «Институт Петербурга»)

25 лет назад в культурном пространстве нашего города появилась общественная организация «Институт Петербурга». Сам город, любовь к нему и верность ему, тревога по поводу его сегодняшнего состояния и за его завтрашний день, стремление глубоко разобраться и в истории величия Петербурга, и в мировой значимости его культуры и традиций – вот что объединило людей, принявших в апреле 1991 года решение о создании организации.

С самого начала членами Института Петербурга стали представители тогда ещё ленинградской интеллигенции – инженеры, учителя, врачи, музейные работники, библиотекари – те, кто всегда очень трепетно относился к своему удивительному городу, кого волновала необходимость сохранения его культурных традиций. Идея создания общественной организации, которая будет заниматься изучением родного города и распространением знаний по его истории и культуре была высказана в январе 1991 года в газете «Невское время» бывшим инженером, а на тот момент бизнесменом А.Б. Смоленским.

Воплощением в жизнь этой идеи занялась Ирина Михайловна Сергеева, в прошлом тоже инженер. Поиск соратников, формулирование целей и задач устава будущей организации стали началом новой жизни для Ирины Михайловны и одновременно началом необычного, истинно общественного объединения, в котором помогают горожанам почувствовать себя Петербуржцем, независимо от их возраста, профессии, образования приобщиться к великой культуре нашего любимого города, а порой и начать совсем новую жизнь, поменяв профессию.

Главным направлением деятельности Института Петербурга стало петербурговедческое образование. Сразу же в 1991 году создается Университет Петербурга – учебное заведение, дающее универсальные системные знания о Петербурге. Идеологом, научным руководителем, создавшим программу Университета, стал Густав Александрович Богуславский – историк, педагог, человек, обладавший поистине энциклопедическими знаниями в области пе-

тербурговедения. Его идея о создании учебного заведения, в основе которого лежали бы заветы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова, заведения, использующего для преподавания лучшие научные силы города, была полностью реализована Институтом Петербурга.

Надо отметить, что эта идея была «услышана» в мэрии города. Торжественное открытие Университета Петербурга состоялось 3 октября 1991 года в Белоколонном зале Аничкова дворца, напутственные слова произнесли председатель Комитета по образованию д.п.н. О.Е. Лебедев и зам. председателя Комитета по культуре и туризму А.Н. Константинов.

У самых истоков Университета Петербурга стояло Санкт-Петербургское отделение ВООПИиК, в здании которого на Шпалерной улице Университет просуществовал первые четыре года. В организации занятий все годы помогает старший консультант ВООПИиК Ирэн Александровна Мартыненко. За 25 лет просветительские курсы сложились в целую систему дополнительного петербурговедческого образования и в структуре проекта сформировалось три факультета – взрослый, юношеский и детский.

Детский факультет открыт для маленьких петербуржцев в возрасте от 6 до 12 лет. Программа обучения базируется на методиках доцента РГПУ им. А.И. Герцена, к.и.н. Любови Константиновны Ермолаевой, рассчитана на несколько лет и строится таким образом, чтобы дети могли подключиться к обучению в любой момент, независимо от уровня знаний. Именно на Детском факультете Университета Петербурга впервые была предложена методика совместных занятий родителей с детьми. Все преподаватели Детского факультета – выпускники взрослого отделения Университета Петербурга. А Наталья Геннадьевна Шейко, к. пед. н., в настоящее время является доцентом кафедры культурологии СПб Академии постдипломного педагогического образования и консультантом-методистом нашего Детского факультета.

Юношеский факультет создан совместно Институтом Петербурга и Городским дворцом творчества юных. Школьники старших классов обучаются работе с книгами и документами в библиотеках и архивах, учатся писать рефераты, выступать с сообщениями и докладами на конференциях, посвящённых истории города. Все годы деканом Юношеского факультета является старший методист Городского дворца творчества юных, к.п.н. Владимир Ильич Аксельрод. Благодаря его неиссякаемой энергии осуществляется обширная лекционная программа, проводятся экскурсии в музеи, по городу и пригородам, организуются конференции учащихся.

Несомненно, главная гордость Института Петербурга – Взрослый факультет. Двухлетняя программа вечернего обучения для горожан вне зависимости от возраста, профессии и образования даёт системные знания

об истории и культуре Санкт-Петербурга, знакомит слушателей с самыми разными сторонами жизни Петербурга за всю историю его существования. Все это позволяет осознать знаменитый феномен Петербурга. В программу оперативно вносятся изменения, включаются новые темы, отслеживаются современные тенденции.

Высочайший уровень лекторского состава достигается привлечением к чтению лекций ведущих учёных города: историков и архитекторов, археологов и искусствоведов, генеалогов, литературоведов, философов, специалистов архивов и музеев. Лекторы сочетают в подаче материала академичность и простоту изложения, делающую доступной иногда достаточно сложную для слушателя информацию.

Имена докторов наук историка архитектуры В.Г. Лисовского, историков А.С. Мыльниковой и Ю.Н. Беспярых, философа М.С. Кагана, знатока русского языка В.В. Колесова известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Многие выпускники вспоминают встречи с известными знатоками города, такими как Г.С. Вежель и С.С. Бортин, Б.И. Антонов, А. Урес и В.А. Коренцевит. Блестящие лекции В.М. Файбисовича, М.М. Сафонова, С.В. Семенцова, А.Л. Реймана, А.В. Краско, М.В. Отрадина, Н.А. Гуськова, Б.И. Колоницкого, Я.А. Гордина, А.Г. Булаха, Ю.В. Зобнина и многих других и по сей день буквально «завораживают» аудиторию.

Появляются и новые имена, которые завоевывают новых поклонников – Е.К. Блинова, А.С. Сухорукова, А.А. Буров, П.П. Котляр, С.В. Андрияйнен, В.В. Станкевичус. Наши выпускники тоже становятся авторами лекционных тем основного курса.

Знакомство с историей города, его культурными богатствами продолжается во время экскурсий, организуемых специально для слушателей Института Петербурга. Обращение к лучшим экскурсоводам города, эмоционально, нетривиально проводящим свои экскурсии, возможность посетить зачастую закрытые для широкого доступа культурные сокровищницы Петербурга позволяют слушателям осознать свою причастность к уникальной петербургской культуре.

Интерес слушателей с самого начала работы Института не ограничивался простым получением системных знаний. Для получения специальных знаний (навыков) были созданы уникальные спецкурсы по источниковедению (руководитель Г.А. Богуславский), краеведению (руководитель д. и. н. Г.С. Усыскин), экскурсоведению (руководитель к. арх. И.И. Лисаевич), преподаванию курса «История и культура Санкт-Петербурга» (руководитель к. и. н. Л.К. Ермолаева). Это дало возможность профессионального использования полученных в Университете Петербурга знаний.

В первые годы существования Университета приобретение новой профессии позволило очень многим бывшим инженерам, оказавшимся без работы, начать новую, интересную жизнь. Если сначала большинство выпускников становились педагогами, затем постепенно возрос спрос на профессию экскурсовода. Некоторые из выпускников стали создателями известных в городе краеведческих клубов, малых музеев, ведущими спикерами краеведческих лекториев, сотрудниками Центра Петербурговедения. Выпускники Института Петербурга всегда выделяются среди коллег своими глубокими, разносторонними, систематизированными знаниями и искренней влюблённостью в наш прекрасный город.

Традиция семинарских занятий совершенствуется в новое время и в новых условиях. С.Д. Мангутова, к. пед. н., ведущий специалист по созданию библиографических баз данных по Петербургу, является автором программы «Школа начинающего исследователя». На занятиях слушатели знакомятся с источниками достоверной исторической информации и технологией её получения и в архивах, библиотеках, музейных фондах. Этот цикл – своего рода «навигация» в сегодняшней обширнейшей краеведческой информации. На выходе у нас получается «профессиональный читатель».

Сегодня есть нужда в квалифицированных экскурсоводах, имеющих серьезные базовые знания о городе, рассказывающие о нём как о живом организме не сухими фактами, а в сопоставлении прошлого и настоящего. Для этих практических целей предусмотрен спецкурс «Методика создания и проведения экскурсий», созданный О.В. Слепенковой, зав. сектором по научно-методической работе Государственного музея истории С.-Петербурга. Звание «Выпускник Института Петербурга» сегодня в профессиональной среде экскурсоводов является признанным «знаком качества». Ярким примером являются Л.Ю. Сапрыкина, Н.М. Силичева, И.П. Бурлакова, В.К. Анненков, Т.А. Покопцева. Их поклонники приходят на экскурсии в любую погоду.

За 25 лет работы Институт подарил радость познания более чем двум тысячам горожан. Выпускники становятся членами организации и не теряют связи с Институтом Петербурга, который помог им обрести новый смысл существования. Исследования, которые делают наши выпускники в качестве дипломных работ, пополняют краеведческие ресурсы библиотек. Коллекция работ сегодня насчитывает более 600 интереснейших исследований по самым разнообразным аспектам жизни Петербурга.

Ежегодно в Концертном зале Всероссийского музея А.С. Пушкина на Мойке, 12 собираются на Открытые слушания Института Петербурга его питомцы и все те, кому интересно познакомиться с новыми страницами истории города, «открытые» очередными выпускниками. На этот своеобраз-

ный «день встречи» приходят и выпускники разных лет, чтобы услышать новые доклады, а, главное, снова ощутить чудесную ауру, которая существует в Институте Петербурга. В зале, вмещающем почти 200 человек, в эти дни не бывает свободных мест. По итогам конференций Институт Петербурга выпускает сборники, которые уже давно сумели оценить любители истории Петербурга.

Выпускники, продолжающие заниматься краеведческими исследованиями, печатаются на страницах популярных краеведческих изданий, таких как журнал «История Петербурга», альманах «Фонтанка», в сборниках «Анциферовских чтений», становятся авторами отдельных монографий. Особая заслуга в подготовке большинства публикаций принадлежит ее неизменному редактору и корректору Наталии Владимировне Скворцовой.

В юбилейные дни мы вспоминаем о знаменитых «Вечерах на Фонтанке», авторами которых стали учредители Института Петербурга Маргарита Яковлевна и Владимир Борисович Айзенштадты. На основе своей многолетней исследовательской работы по изучению истории Фонтанки они воссоздавали перед аудиторией картины культурной жизни светского общества Петербурга XVIII–XIX веков. Их рассказ оживал в звуках музыки и фрагментах литературных произведений того времени в исполнении артистов петербургских театров. Не меньшим успехом до сих пор пользуются многолетние лекции-концерты, которые создает для Института Петербурга известный музыковед Наталья Леонидовна Энтелис.

Сегодня в Институте создаются новые образовательные циклы и проекты. Ярким событием в петербурговедческой жизни города стал запуск «СРЕДЫ Петербурга», которая является сегодня не только местом встречи с лучшими лекторами города, но и становится клубом единомышленников, влюбленных в Петербург.

Деятельность Института Петербурга и её основателей получила заслуженное признание:

– в 1997 году Г.А. Богуславский был награжден премией представителя Президента РФ «За воспитание подрастающего поколения», а в 1998 году – Анциферовским дипломом «За личный вклад в петербурговедение». В 2003 году награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

– заслуги РОО «Институт Петербурга» и лично руководителя были отмечены «Анциферовским дипломом» 2003 года «За выдающийся вклад в краеведческое образование», а также многочисленными грамотами культурных общественных организаций Петербурга и России. В 2007 году И.М. Сергеева включена в «Национальную энциклопедию личностей Российской Федерации».

– Более 20-ти фамилий основателей и выпускников Института Петербурга вошло в словник «Петербургские краеведы».

В сегодняшней петербургской культурной жизни Институту Петербурга удалось найти свою нишу, определить своё направление деятельности, выйти на свою аудиторию. Родной город, интерес к нему и забота о нём – вот что оказалось объединяющим мотивом, который сформировал замечательное объединение представителей петербургской интеллигенции, включающее и тех, кто учится в Институте, его слушателей, и тех, кто ведёт занятия. Несмотря на то, что сегодня нет недостатка в краеведческой литературе и других информационных ресурсах, посвященных городу, практика показывает, что интерес к проекту не ослабевает, а потребность в системных знаниях о городе возрастает теперь уже в новое время и в новом качестве.

Н.В. Аляева

СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В ЭМИГРАЦИИ

После Февральской революции 1917 г., на заседании Временного правительства от 9 июля, было принято решение «об отводе части здания Смольного института под помещение Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов». В институте в это время оставались сироты и воспитанницы, перешедшие в выпускной класс. Последние обыкновенно летом уезжали на институтскую дачу в Сестрорецк или Ораниенбаум, где начинали подготовку к выпускным экзаменам, совершенствуясь в иностранных языках, учились кулинарному искусству. Но в 1917 г. на дачу никто не поехал.

Вопрос согласовали с министром государственного призрения. В Таврическом дворце, где находился Петроградский Совет, начался ремонт: подготовка к Учредительному собранию, а Смольный – рядом; здание, построенное Д. Кваренги, просторное и удобное в стратегическом плане.

Императорское Воспитательное общество благородных девиц было ликвидировано в дни Октябрьской революции 1917 г. Но благодаря энергичным мерам, предпринятым Попечительским Советом института во главе с начальницей княгиней Верой Васильевной Голицыной и при поддержке инспектора классов А.П. Петрова, институт эвакуировался 4 октября 1917 г. По согласованию с Министерством государственного призрения были заключены договоры о найме помещений для Смольного института в Мариинском Донском институте в г. Новочеркасск. А.П. Петров, прежде состоявший инспектором классов в Мариинском Донском институте, приглашённый в Смольный, как образцовый инспектор, объявил в своём докладе Совету института от 29 сентября 1917 г., что на текущий счёт Мариинского Донского института перечислили средства со счёта Воспитательного общества благородных девиц. Из доклада: «...признать выезд Института в Новочеркасск – частичною эвакуацией... перевести на текущий счёт Донского института <...> на закупку угля и т. п. 10 000 рублей...». Ещё летом 1917 г. 63-летняя начальница Смольного княгиня Голицына собиралась уйти в отставку. 25 июля Совет института обратился к ней с «...единодушною от имени всех <...> просьбою в особо тяжёлое для Института время остаться во главе его...». Княгиня, «превозмогая расстроенное здоровье», взяла на себя «временное исполнение обязанностей».

Воспитанницы младших классов института (5-6-7-е согласно принятой нумерации) вывезены не были. Списков эвакуируемых воспитанниц в ЦГИА СПб не сохранилось, и ответить с точностью, сколько их уехало, невозможно. Зато в архиве сохранились рукописные списки с именами воспитательного персонала, служащих Смольного и прислуги, эвакуированных с воспитанницами. Списки, видимо, составляли второпях, «на слух», и некоторые фамилии в них разнятся. В своей книге «Дорогие мои смолянки» (СПб., 2015) я привожу фамилии согласно спискам, сверяя с исследованием Н.П. Черепнина «Императорское Воспитательное общество благородных девиц» (СПб.-Петроград, Т. 3., 1914–1915), отмечая разночтения. С женой и 3-мя детьми уехал инспектор А.П. Петров. Из воспитательного персонала – 18 человек: две инспектрисы (Е.П. Малиновская и В.Н. Кологривова) и 16 классных дам. Эвакуировались 3 учительницы: французского языка, английского языка и рукоделия. «С эвакуируемым Смольным Институтом громадное большинство преподавательского персонала ехать не может, так как связано в Петрограде с другими учреждениями». Из служебного персонала Смольного эвакуировались 7 человек, не считая членов их семей. Среди них 2 надзирательницы лазарета, столовая дама и др. Уехали 5 служителей мужского персонала с семьями. Из женской прислуги со смолянками эвакуировались 42 казённых девушки-служанки, в основном из питомиц Воспитательного Сиротского дома и 3 вольнонаёмных. 4 октября 1917 г. с Николаевского вокзала в 11 час. вечера, провожаемые родными, смолянки уехали в Новочеркасск. Им отвели 4 вагона, по 11 человек в купе. Охрана – 11 солдат Петроградского запасного полка с юнкером во главе. Только на 6-е сутки подъехали к Новочеркаску. Начальница кн. Голицына, проводив воспитанниц до вокзала, возвратилась в Смольный, куда 24 октября 1917 г. с конспиративной квартиры пришёл В.И. Ленин. Княгине пришлось сдерживать натиск, когда революционерам понадобился весь северный флигель Смольного (к главному зданию по обе стороны пристроены 2 флигеля), по праву занимаемый институтом. 31 октября к начальнице Голицыной пришли Управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич и секретарь правительства Н.П. Горбунов. 1 ноября она получила письменное требование: «Управление Делами правительства предлагает вам не позже утра пятницы освободить пустующее помещение III этажа, занятое складом мебели...». 2 ноября требование: «...оставить в помещении освобождаемого Вами III этажа Смольного Института все казённые стулья, столы, шкапы, 15 кроватей (лучших), 15 матрацов, все электрические лампы; составить список оставляемых вещей...». 3 ноября кн. Голицына отправила в Министерство государственного призрения бумагу с жалобой на чинимый произвол: «2-го числа после

обеда явились какие-то одетые в военную форму люди и начали выносить вещи из помещения верхнего этажа <...> считаю долгом высказать свои опасения, что новые посягательства на Смольный Институт не ограничатся одним 3-м этажом, а распространятся на весь флигель... придётся принять экстренные меры к спасению имущества, в состав коего входят такие ценные вещи, как дорогие рояли, масса медной посуды, старинной мебели и т.д. <...> Совет просит главное Управление... оградить институт от посягательств...». 4 ноября 1917 г. кн. Голицына выехала из Петрограда в Новочеркасск к эвакуированному Смольному. С ней были: дочь – княжна Мария, инспектриса, 2 классные дамы и 10 воспитанниц, при них 10 девушек-служанок.

В 1918 г. был ликвидирован Александровский институт (в XVIII в. он же – Мещанское училище, с 1842 г. – Александровское, с 1891 г. – институт). Смолянки Александровского института рассеялись кто куда. Кто-то нашёл временное пристанище в Екатерининском институте благородных девиц (училище ордена Св. Екатерины, на наб.р.Фонтанки, 36), другие в Мариинском институте (современный адрес: Кирочная ул., 52).

В Новочеркасске, в Мариинском Донском институте, куда эвакуировались смолянки, всеми делами стал управлять временный местный Совет, возглавляемый начальницей Смольного кн. Голицыной (в Мариинском Донском институте была своя начальница). С мая 1918 г. на Дону установилась власть правительства Всевеликого войска Донского (ВВД) и положение Мариинского Донского института, находившегося в подчинении Отдела народного просвещения ВВД, несколько улучшилось. Институт располагал собственным зданием и загородной дачей. Смолянки и часть учениц Мариинского Донского института жили в интернате-пансионе, другая часть была «приходящей». Преподавательский состав включал 26 чел. с университетским образованием. Трудности возникли в связи с возросшим в 1918–1919 гг. числом эвакуированных воспитанниц. Часть территории института занимал военный госпиталь. Смолянки и мариинки оказывали посильную помощь ВВД и Добровольческой армии: вязали носки, шили рубашки и т.п. На нужды армии делались пожертвования. 25 октября 1919 г. утверждён «Устав женских институтов находящихся на Земле Всевеликого войска Донского». В нём говорилось: «институты существуют <...> для более полного и совершенного усвоения новых языков, для распространения женского воспитания и образования... являются всеобщими полуоткрытыми учебными заведениями; в них принимаются девицы не только на полное содержание, но и полупансионерками и приходящими ученицами <...> на бесплатном содержании или за установленную плату».

Зимой 1919 г., в связи с приходом красных, ВВД и Добровольческая армия покинули Новочеркасск. 23 декабря 1919 г. был частично эвакуирован Мариинский Донской институт. В сохранившихся списках эвакуируемых – 58 воспитанниц, не считая воспитательно-учебного персонала. Погрузка в товарные вагоны происходила в предместье Новочеркаска Хатунок. В вагоны сели предположительно 6 девушек не из Донского института. Не исключено, что это были смолянки. Новый 1920 г., эвакуированный не в полном составе институт встретил в Екатеринодаре – в Кубанском институте, где провели около 2-х недель, до отъезда в Новороссийск.

Накануне взятия Новочеркаска большевиками город покинули некоторые смолянки и немногие из воспитательно-учебного персонала института. Однажды в класс пришла инспектриса и сказала: «Дети, казачий круг выбыл из Новочеркаска. Смольный никем не будет больше субсидироваться. Возьмите тёплое платье и выйдите ночью через калитку. В городе тревожно». Те, кто уехал, «в течение нескольких дней и ночей, меняя поезда, добирались до Петрограда», сопровождаемые бывшей классной дамой «бесстрашной фройляйн Козински» (из воспоминаний смолянки З.К. Манакиной). Новочеркасск, по новому летоисчислению, в Рождественскую ночь, был взят кавалерийской бригадой комбрига Д.П. Жлобы в составе конно-сводного корпуса командира Б.Д. Думенко.

После установления советской власти занятия в Мариинском Донском институте некоторое время проходили по прежней учебной программе. Однако вскоре стали раздаваться голоса, призывающие ликвидировать его, как «осколок прежнего мира». В марте-апреле 1920 г. институт был реорганизован в Донской интернат трудовой единой школы. В него стали принимать мальчиков. Численность составляла более 300 чел., а воспитательницами в интернате остались в основном институтские классные дамы. Начальницу Смольного института кн. Голицыну большевики уволили, оставив работать её дочь. Уроженка Новочеркаска Е.В. Калабина, учившаяся со смолянками, вспоминала о Голицыной: «...она казалась старой и больной, но при белых часто появлялась на большой перемене в коридоре, где все гуляли в сопровождении инспектрис или кого-либо из учителей. И мы при встрече склонялись перед ней в низком реверансе. Вскоре, кажется, в июне, княгиня умерла и, несмотря на то, что она уже не была начальницей, в последний путь её провожал весь Смольный. Шли пешком, хотя до кладбища было довольно далеко. Похоронили княгиню почти рядом с могилой атамана Каледина».

Ещё в сентябре 1917 г., по распоряжению Министерства государственного призрения, смолянок принял и Харьковский институт благородных девиц. Т.Г. Морозова вспоминала: «В нижнем коридоре института стали мелькать

девичьи фигурки в платьях незнакомого густо-голубого цвета. Оказалось, из Петрограда привезли к нам воспитанниц Смольного института. <...>. Сначала их перевели в Ксеньевский институт в Петрограде, а затем девочек-сирот отправили к нам в Харьков <...>. Вскоре смолянок переодели в наши платья и распределили по классам. В наш класс пришло 15 девочек <...>. Александровских к нам прибыло значительно больше...». В Харьковском институте появилась новая начальница Мария Алексеевна Неклюдова, его бывшая выпускница. Она 11 лет служила в Смольном институте классной дамой, а с 1906 г. была его инспектрисой. Начальница Неклюдова буквально спасла Харьковский институт, когда в декабре 1918 г. город заняли большевики, распорядившиеся в 3-дневный срок ликвидировать институт. Благодаря Неклюдовой в 3 дня в институте, в котором около половины воспитанниц были сиротами, никого не осталось: их передали в известные институту семьи харьковского общества. В здании института большевики устроили приют для подкидышей. 9 июня 1919 г. Харьков был освобождён армией генерала А.И. Деникина. Начальница Неклюдова полностью восстановила институт к началу 1919–1920 учебного года. Но в связи с наступлением красных, 22 ноября 1920 г., институт спешно покинул Харьков в составе 157 воспитанниц, 38 человек персонала и 46 членов семей служащих. Началось страшное время эвакуации. Сначала – Новочеркасск, где в течение 3-х недель находились в здании Мариинского Донского института, затем Екатеринодар, потом Новороссийск. Племянница начальницы Неклюдовой Е. Фолькерт вспоминала: «...ехали черепашьим шагом, в сопровождении верховых казаков <...>. Кругом нас стреляли, на остановках всюду вагоны с сыпнотифозными, а мы девочки, лазили и собирали, где могли уголь и ломали заборы, чтобы хоть немного обогреть наши теплушки».

В Новороссийске начальница Неклюдова посетила представителя Сербского Королевства г. Ненадовича, напомнив ему наше Русское отношение к Черногорскому институту (6 дочерей короля Черногории Николая I воспитывались в Смольном в 1870–80-е гг.). Неклюдова просила связаться с Белградским правительством и принять в страну на смутное время Харьковский институт. Через несколько дней институту выдали визы в Сербию, транзитом через Болгарию. 20 января 1920 г. в Новороссийске Харьковский институт погрузили на пароход «Афон», вместе с прибывшим сюда Мариинским Донским институтом. 29 февраля они были в Варне, в Болгарии, где пересели на поезд в Сербию. 4 марта 1920 г. оба Девичьих института прибыли в Белград.

Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС., с 1929 г. Королевство Югославия) правил православный монарх Александр I Карагеоргиевич, сын смолянки княжны Любицы Черногорской (Зорки), выпускник Па-

жеского корпуса в Петербурге. Его называли «король-рыцарь», он говорил: «...есть в мире народ, который жертвует хлебом для духовных благ, которому искусство, наука, театр – также кусок хлеба. Это – наши русские». Король Александр носил на груди только один орден – Георгиевский крест, часто приходил в русскую церковь в Белграде. Королевство СХС – достаточно бедная в сравнении с другими европейскими государствами страна – оказалась самой гостеприимной для русской эмиграции. Институты благородных девиц и Кадетские корпуса из России стали субсидироваться с лета 1920 г. Государственный комитет Королевства СХС выдавал ежемесячно суммы из расчёта 400 динаров на каждую институтку и кадета. Девичьи институты правительство позаботилось направить в «житницу» страны – Воеводину, в хлеботородный край, где никогда не испытывали нехватки питания.

Мариинский Донской институт нашёл приют в г. Белая Церковь на севере Воеводины, возле границы с Румынией. Правда, среди институток смолянок поначалу почти не было. Они появились, когда для большинства русских эмиграция состоялась. Смолянки, учившиеся в институте до революции 1917 г., стремились отдать своих дочерей, внушек, родственниц, родившихся уже в эмиграции, в Мариинский Донской институт, считая его преемником Смольного. Харьковский институт, эвакуированный почти в полном составе, 8 марта 1920 г. оказался в г. Новый Бечей (Нови-Бечей). Состав института был смешанным, часть его составляли смолянки. Когда во время эвакуации институт оказался в Одессе, к нему присоединились смолянки, добравшиеся в Одессу с родными. Харьковский Девичий институт имени императрицы Марии Фёдоровны, так его стали называть, по-прежнему, возглавляла начальница М.А. Неклюдова. Увидев поступившую в распоряжение института пустую казарму, она энергично принялась превращать её в жилое для воспитанниц помещение. Благородным девицам было не привыкать к солдатским койкам, ведь в Смольном институте кровати были наподобие солдатских. Вскоре появились: своя церковь, библиотека в 10 тысяч томов; приобрели музыкальные инструменты (рояль, пианино), швейные машинки для занятий рукоделием. Больных воспитанниц отправляли для лечения в санаторий «Вурбург». В 1932 г. Харьковский институт, в котором за 12 лет получили образование около 400 воспитанниц, из-за сокращения бюджета был закрыт. Оставшиеся воспитанницы влились в состав Мариинского Донского института в Белой Церкви.

В ноябре 1921 г. на территории Воеводины, в г. Великая Кикинда (Велика-Кикинда) была создана первая Русско-Сербская гимназия на 180 воспитанниц с интернатом на 60 детей. Её основательницей и начальницей стала смолянка, выпускница 1905 г., Наталия Корнелиевна Эрдели (урожд.

Тхоржевская). После революции она вывезла из России «часть персонала и девочек». Гимназию назвали Русско-Сербской для того, чтобы «принимать и сербских девочек». В 1924 г. от вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, последней покровительницы Смольного института, Эрдели получила разрешение на основании «второго Смольного института» в Великой Кикинде. Этот план не осуществился, но основанную Эрдели Русско-Сербскую гимназию негласно называли «вторым Смольным институтом». Покровительницей гимназии стала супруга короля Александра I Карагеоргиевича королева Мария – правнучка императора Александра II. В отличие от Девичьих институтов в Царской России, где срок обучения со 2-й половины XIX в. был 7-летний, в Русско-Сербской гимназии и 2-х эмигрировавших институтах обучение продолжалось 8 лет. Это было связано с расширенной программой, в которую входило обязательное изучение сербского языка и литературы. Но главное внимание уделялось русскому языку, истории и культуре России, что было особенно важно для оторванных от Родины детей. Русские преподаватели этих учебных заведений прилагали для этого все силы. Огромной утратой для гимназии стала безвременная смерть начальницы Н.К. Эрдели в 36 лет. Их – русских девушек, оказавшихся на чужбине, она воспитывала в безграничной вере в скорое возрождение России, в её великое будущее, в готовности служить Родине «всеми силами души и сердца подлинно русской женщины». После Эрдели Русско-Сербская гимназия просуществовала недолго, закрывшись в 1931 г., в связи с недостатком финансирования. За 10 лет работы гимназии Аттестат зрелости в ней получили около 200 выпускниц.

После закрытия Русско-Сербской гимназии и Харьковского института, оставшиеся воспитанницы попали в состав единственного теперь Мариинского Донского института в Белой Церкви. С 1921 г. им руководила начальница Наталия Владимировна Духонина. Её муж, генерал Н.Н. Духонин, исполнявший обязанности Верховного Главнокомандующего Российской армии, был зверски убит в ноябре 1917 г. Вдова полностью сосредоточилась на интересах института, стараясь сохранить в нём вместе с воспитательно-педагогическим персоналом уровень преподавания и заветные традиции Смольного института даже в мелочах. Это выражалось в сохранении институтской формы; соблюдении режима дня с обязательными молитвами – утренней и вечерней; в торжественных богослужениях в дни двенадцатых праздников; говении в Великом посту; в уроках – продолжительностью 50 мин. и 10-минутными переменами; даже в повседневном рационе питания. Однако в Мариинском Донском институте, в силу обстоятельств, кормили скромнее, нежели смолянок в России. Сладкое, к примеру, давали

только 2 раза в неделю. В институте царил строгость: «ни пошалить, ни побегать нельзя». «В классе 35 человек, – вспоминала Н.С. Белавина. – Балл за поведение сбавлялся иногда совсем из-за пустяка: за разговор в столовой! – а девочка только попросила передать соль, за чуть слабее завязанный бантик на пелеринке, за «плохую причёску».

Как и смолянки, воспитанницы умели дружить. Белавина: «Невозможно сказать, кто учил нас светлому закону Товарищества, но все мы строго следили за этим. Помочь в чём-то подруге, подежурить за неё в столовой, поделиться редким в те годы, драгоценным кусочком шоколада, дать переписать урок – всё это было обязательно для всех». Пожаловаться друг на друга или выдать подругу было просто невыносимо. Если такое случалось, такую воспитанницу подруги наказывали бойкотом, и уже трудно ей было восстановить своё «доброе имя». Институт находился в большом красивом 2-этажном здании в самом центре Белой Церкви. Воспитанниц ежедневно парами водили гулять в город или на каштановую аллею, «ведущую от города к Рудольф-парку». Иногда на аллее классная дама «распускала» пары, но только, «если на горизонте не было кадетских фуражек». Переписка с кадетами считалась смертным грехом, пойманных за перепиской девочек наказывали вплоть до исключения из института. Однако между кадетами и институтками возникла настоящая дружба. У многих институток были братья-кадеты, приходившие их навещать в приёмные дни. В Рождество старшие классы приглашались на бал в Кадетский корпус «и много тех полудетских отношений переросли в настоящую любовь и окончились браком». В Мариинском Донском институте царил творческая атмосфера, выражавшаяся в абсолютной любви ко всему русскому: ставили спектакли на русском языке, устраивали литературные вечера: «Вечер памяти Достоевского», «Пушкинский вечер». Для празднования «Дня русской культуры» снимали городской театр «Бург». В 1930 г. в Белую Церковь с гастрольями из России приезжал МХАТ. Институтки видели «Вишнёвый сад» А. Чехова, на следующий день после спектакля вся труппа была приглашена в институт на ужин, а после можно было побеседовать с актёрами, взять автографы. В институте бывали известные писатели и поэты И. Северянин, Б. Зайцев и др. Институтками издавался журнал «Голубой Цветок», в котором печатали лучшие стихотворения воспитанниц, в частности Н.С. Белавиной, в будущем поэтессы русского зарубежья, воспевшей в своём творчестве институтский мир, а значит и мир смолянок.

Белизна пелеринок к Заутрене Светлой,
Юных душ фанатично-ликующий взлёт...
И мечты... и мечты... и мечты до рассвета
О далёком, о том, что нас в будущем ждёт.

Что ждало нас? Потери, страдания, разлуки...
Безысходность войны, безотрадность труда...
В непривычной работе усталые руки...
Бесприютная жизнь по чужим городам...

Только мы не сдались, мы не стали иными,
Не боялись отчаянья чёрных путей.
Мы, как знамя, несли наше русское имя
И по-русски растили мы наших детей.

Мы и ныне храним института заветы,
Белый цвет пелеринок мы носим в сердцах... (1957 г.)

В 1940 г. Мариинский Донской институт по требованию властей был вынужден оставить обжитое годами здание, где классные комнаты носили названия русских городов («Москва», «Киев» и др.), а столовая была расписана эпизодами из русских сказок. Институтки переехали в небольшое здание напротив вокзального парка. Занятия продолжались до конца марта 1941 г., когда от Министерства просвещения была получена телеграмма с предписанием прекратить занятия, распустить девочек по домам, а в апреле началась война: Гитлер напал на Югославию. В июне обратно вернулись только ученицы 8-го класса, чтобы сдать последний экзамен на Аттестат зрелости. За 21 год существования Мариинского Донского института в эмиграции из его стен вышло около тысячи выпускниц.

Литература и источники

1. Белавина Н. Стихи. Избранное. Нью-Йорк, 1985.
2. Воспоминания институтки // Русское прошлое. 2006. № 10.
3. Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост. В.М. Бокова, Л.Г. Сахарова. М., 2001.
4. Казачья семья Хрипуновых. Воспоминания Е.В. Калабиной // Вопросы истории. 1996. № 11–12.
5. Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987.
6. Манакина З.П. Я из «бывших». Рассказывает секретарша А. Керенского // Памятники Отечества: альманах. 1992. № 4.
7. Русские в Сербии. Белград, 2009.
8. Савчук Г.В. История Мариинского Донского института по документам ГАРО // Донской Временник. 2003. № 4.
9. Чернова Е.Б. Последний выпуск // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 10.

10. «Я одна из последних смолянок». Из записок и воспоминаний Инны Калининой, жены кадета // Российская кадетская переключка: общественный периодический журнал для кадетских корпусов России. 2008. № 6.

11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. III; Ф. 6792. Оп. 2. Д. 387.

12. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 759. Оп. 101. Д. 205, Д. 211.

13. ЦГИА СПб (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 2. Оп. 1. Д. 18766, Д. 19055, Д. 19119; Оп. 2. Д. 359.

Н.Н. Гольцов

ТИХОМИРОВ ИЛИ ШНЕЙДЕР: ЗАДАЧА С ДВУМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Вдоль южной границы Сада 9-го Января пролегает Тихомировская улица. Первое её наименование – улица Шнейдера.

В мае 1911 г. землевладелец, член правления двух железнодорожных обществ Евгений Павлович Тихомиров, обратился в уездную земскую управу с просьбой об образовании в своём имении по Петергофскому шоссе под № 46 новой улицы «с присвоением ей наименования „Шнейдер“» и получил разрешение проложить улицу, уступив «в общественное пользование полосу земли шириною в 10 саж. и длиною в 106,1 саж. на протяжении от Петергофского шоссе до двора Тентелевского химического завода»¹. Одним из основателей завода и был В.В. Шнейдер.

К 1913 г. Тихомиров стал потомственным почётным гражданином, избран председателем совета железнодорожного общества взаимного кредита и членом правления общества Владикавказской железной дороги². В апреле 1915 г. он вновь обратился к властям с просьбой... переименовать улицу Шнейдера, «основателя Тентелевского химического завода, моего соседа по владению», в Тихомировскую, и через месяц получил согласие «улицу Шнейдера переутвердить, переименовав её в улицу Тихомирова»³. Вероятно, после августа 1914 г. на волне «борьбы с немецким засильем» уважаемый прежде директор соседнего завода с немецкой фамилией показался ему врагом.

Кем же был этот Шнейдер? По архивным материалам, Владимир Васильевич (Александр-Вольдемар-Адольф) Шнейдер родился в августе 1844 г. в многодетной семье «ревельского гражданина», профессора столичного университета Августа-Вильгельма (Василия Васильевича) Шнейдера и Екатерины-Вильгельмины (Екатерины Карловны) Рашет, внучки скульптора Я.И. Рашета. После окончания в 1862 г. училища Св. Анны (семья проживала неподалеку на Пантелеймонской, ныне Пестеля, улице, в доме Плеске № 12, кв. 5)⁴. Владимир Шнейдер продолжил образование за границей.

¹ Весь Петербург на 1911 г. Отд. 3. С. 887; ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 30. Д. 85. Л. 1, 2, 6.

² ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 3. Д. 2226. Л. 1; Весь Петербург на 1913 г. Отд. 3. С. 630.

³ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 30. Д. 85. Л. 5.

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 911. Л. 6, 7; ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 4196. Л. 1.

Советом Гейдельбергского университета в 1867 г. он был удостоен учёной степени доктора философии. Через год, защитив диссертацию, получил степень магистра химии и был командирован за границу «для приготовления к профессорскому званию». В 1870–1872 гг. «состоял доцентом аналитической химии при мюнхенской политехнической школе» и был ассистентом известного химика-органика Ю. Либиха; результаты своих исследований в Лейпцигском, Цюрихском и Мюнхенском университетах опубликовал в научных журналах. После защиты в Дерптском университете очередной диссертации «О строении некоторых углеводов» молодой учёный был удостоен учёной степени доктора химии.

В 1872 г. Владимир Шнейдер женился на девице Софии Михайловне, дочери художника Михаила Спиридоновича Эрасси. После возвращения в Петербург Шнейдер в мае 1872 г. был назначен «исправляющим должность управляющего химическою частью» СПб Монетного двора, через год утверждён в этой должности с присвоением чина коллежского асессора⁵.

В январе 1873 г. у В.В. Шнейдера родилась дочь Евгения, которую крестили в Петропавловском соборе, а «восприемниками» были учитель 3-й гимназии надворный советник Адольф Васильевич Шнейдер и жена профессора Императорской Академии художеств Софья Андреевна Эрасси⁶. Через три недели жена скончалась. Летом 1873 г. по просьбе барона Либиха Шнейдеру подыскивали место для продолжения химических опытов в... «Воспитательном доме искусственного вскармливания младенцев».

В феврале 1875 г. два доктора химии, Владимир Шнейдер и Александр Баг, задумали построить завод по производству «серной и азотной кислот и побочных химических продуктов». Получив разрешение, предприниматели выкупили участок земли в глубине имения купца А.А. Синелобова по Петергофскому шоссе под тогдашним № 28 и начали строительство. Участок занимал «в ширину 100 сажень, в глубину до 193 сажень, т.е. в смежности до 8 десятин, – указали они. – Для проезда к месту существует дорога на земле, принадлежащей Синелобову, от шоссе...»⁷. 30 сентября того же года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление: «В среду, 1 октября, на Петергофском шоссе, возле дер. Тентелева, последует освящение и открытие тентелевского химического завода, директором которого состоит известный доктор химии В. Шнейдер».

Первые заводские постройки коллеги передали учрежденному ими же и «Высочайше утверждённому» 18 июля 1875 г. «Товариществу Тентелевского химического завода» с уставным капиталом в двести тысяч рублей,

в котором стали членами правления. Директором-распорядителем пайщики избрали 30-летнего В.В. Шнейдера.

Товарищество, первоначально выпустив сто паёв по тысяче рублей, «открыло свои действия 1-го ноября 1875 г., – объявил он в той же газете 16 января 1876 г. – Заказы на серную, азотную и соляную кислоты, железный купорос и другие химические продукты принимаются в конторе правления товарищества, в Фонарном пер., в доме № 3, а также на заводе, по Петергофскому шоссе, у дер. Тентелевой».

Через полтора года после смерти жены Владимир Васильевич Шнейдер обвенчался в церкви Св. Анны с Александриной-Эрнестиной (Александрой Фёдоровной) Мерц и вскоре поселился с дочерью от первого брака в доме тёщи, вдовы действительного статского советника Луизы фон Мерц, на углу Фонарного и Максимилиановского переулков под № 3/8, кв. 28. Здесь же в 1884 и 1886 годах родились его сыновья⁸.

Уже через два года Тентелевский завод изготовлял «ежегодно, сверх других химических продуктов: 1) серной кислоты от 120 000 до 140 000 пудов, 2) азотной кислоты от 8000 до 9000 пудов и 3) соляной кислоты до 7000 пудов», – отметил в начале 1878 г. чиновник особых поручений Министерства финансов, надворный советник Шнейдер в письме губернатору⁹.

«За особые труды» по организации Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г. в Москве он был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени. В феврале 1888 г. статский советник Шнейдер стал одним из первых пяти российских предпринимателей (среди которых был Л.Э. Нобель), которые удостоились почётного звания инженер-технолог «в признание заслуг, имеющих общегосударственное значение»; «...благодаря трудам В.В. Шнейдера, Тентелевский химический завод достиг такого состояния, что представляется одним из наиболее благоустроенных и обширных заводов Европы, – говорилось в представлении. – Главнейшая заслуга В.В. Шнейдера, по отношению к внутренней промышленности России, состоит в том, что была введена фабрикация продуктов, которые до того времени доставлялись исключительно из-за границы, таковы: платиновые изделия, химически чистый серноокислый глинозем (до 130.000 пуд. в год) и дымящаяся серная кислота (до 80.000 пуд. в год). <...> Добываемая в количестве 70.000 пуд. в год дымящаяся азотная кислота служит предметом в Военное и Морское министерства, для изготовления взрывчатых составов». Вскоре Шнейдер был назначен членом Совета торговли и мануфактур¹⁰.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 4822. Л. 4 об.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 4822. Л. 2.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 5. Д. 16. Л. 4–4 об.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 4822. Л. 2 об.; 3–3 об., 6.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 5. Д. 16. Л. 27–27 об.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 4822. Л. 4 об.; Ф. 492. Оп. 2. Д. 3355. Л. 1, 6, 8, 8 об.

Продукция Тентелевского завода в 1882 г. завоевала право изображения Государственного герба, была награждена медалями Всероссийских и Всемирных выставок. В одной из лабораторий получали и обрабатывали платину, служившую катализатором при изготовлении серной кислоты. Действовали цеха для производства фармацевтической продукции. К 1910-м годам предприятие стало одним из крупнейших химических заводов империи с капиталом в три миллиона рублей. Число рабочих перевалило за тысячу. Патенты товарищества на право распространения изделий и привилегии на производство серной кислоты по контактному способу приобрели многие государства, от Австрии до Японии.

От Петергофского шоссе к заводу со дня его образования вдоль границы земель крестьян деревни Тентелевой вела узкая проезжая дорога, которая постепенно застраивалась и в 1890-х годах получила название Химического переулка. Завод расширялся, и второй дорогой, по которому от завода к шоссе следовали подводы с бутылками кислот и другой продукцией, стал узкий безымянный проезд, а затем улица Шнейдера, с 1915 года Тихомировская.

В годы Первой мировой войны завод выполнял крупные оборонные заказы. В конце 1918 г. его национализировали, а в 1923 г. возрождённый после гражданской войны завод переименовали в «Красный химик». В начале 1930 г. там закончилась постройка «сернокислотного завода, рассчитанного на годовую производительность в 16 тыс. тонн» по способу Шнейдера¹¹. В годы блокады полуразрушенный завод, выпуская химическую продукцию, был и филиалом Кировского завода.

Вероятно, исторически справедливым ответом задачи с двумя неизвестными будет возвращение улице первоначального названия – улица Шнейдера (тем более, что здания по Тихомировской не имеют нумерации).

Н.Н. Гольцов

УСАДЬБА ГУСЛИСТЫХ У НАРВСКИХ ВОРОТ

На Старо-Петергофском проспекте на месте домов №№ 42 и 44 находилась усадьба, принадлежавшая трём поколениям семейства Гуслистых. Она располагалась по соседству с временными деревянными Триумфальными воротами, сооружёнными в 1814 г. по проекту Дж. Кваренги в честь возвращения «Победоносной Российской Императорской Гвардии».

Первым из Гуслистых в усадьбе поселился чиновник 8-го класса Григорий Гуслистый. 8 июня 1828 г. он купил имение с деревянными строениями за 20 тысяч рублей ассигнациями у жены чиновника 9-го класса Пелагеи Афанасьевны Яковлевой, которая, в свою очередь, приобрела этот участок у коллежской советницы Дарьи Крестьяновой (Доротеи Христиановны) Орловской. Площадь имения по плану, утверждённому 16 июля 1815 г., составляла 10.900 кв. саженей¹.

Григорий Яковлевич Гуслистый (1796–1862), выходец «из духовного звания», после окончания Медико-хирургической академии в 1819 г. был назначен в Санкт-Петербургский физикат. Служил врачом для бедных в Нарвской части города, «частным лекарем С.-Петербургской полиции», врачом Обуховской больницы, дополнительно «исправляя должность» ветеринарного врача; не раз был командирован «для прекращения повальных болезней». В ноябре 1823 г. его произвели в штаб-лекари и в следующем году перевели в Медицинскую экспедицию Морского министерства на должность письмоводителя. В январе 1827 г. он был назначен в «Комитет для рассмотрения положения о морских госпиталях...», а после преобразования Медицинской экспедиции в Канцелярию флота генерал-штаб-доктора «по Высочайшему повелению утверждён в чине 8-го класса».

В дальнейшем он служил в медицинском департаменте Морского ведомства, входил в состав нескольких комитетов. Был награжден орденами Св. Станислава, Св. Анны и Св. Владимира различных степеней, пятью знаками отличия беспорочной службы (за XV–XXXV лет), «за отличие» был пожалован бриллиантовым перстнем и «денежными суммами». В 1844 г. получил чин статского советника, а завершил карьеру управляющим кан-

¹¹ Ленинградская правда. 1930. 4 января. С. 4.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 83. Д. 94. Л. 6–7.

целярией медицинского департамента в чине действительного статского советника, но вскоре, в декабре 1856 г., «за болезнь уволен от службы с мундиром и пенсией по 980 рублей в год»².

После женитьбы на девице Прасковье Евграфовне у четы Гуслистых родились дети – Пётр, Мария и Александра. В конце 1834 г., став чиновником 7-го класса, Г.Я. Гуслистый с женой и детьми был возведён в потомственное дворянское достоинство. После смерти жены Григорий Яковлевич в конце 1830-х гг. женился второй раз на дочери умершего купца Петра Зайцева Елизавете (1810–1880). В этой семье появилось трое детей – дочь Екатерина и сыновья Фёдор и Дмитрий. Летом 1862 г. он подал прошение о сопричислении к его роду второй жены с детьми. Оно было утверждено Правительствующим сенатом в январе 1863 г., члены семьи были записаны в 3-ю часть дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии уже после его смерти – Григорий Яковлевич умер в декабре 1862 г. на 67-м году жизни и был похоронен на Волковом кладбище³. Усадьба перешла в пожизненное владение Елизаветы Петровны Гуслистой.

Кроме усадьбы на окраине столицы, Г.Я. Гуслистому с конца 1830-х гг. принадлежала загородная дача на Петергофской дороге в трёх верстах от городского имения⁴.

Еще в 1854 г. городское имение было разделено на две неравные части, и бóльший участок за рекой Таракановкой был продан «по соизволению Их Императорских Высочеств государя наследника и великой княгини Марии Николаевны». Великой княгине досталась заречная часть по левому берегу реки, а во владении Гуслистого осталось около двух тысяч кв. саж. между Таракановкой и Петергофским проспектом, граничивших слева по проспекту с землями бывшего гальванопластического заведения герцога Лейхтенбергского (вскоре Главного общества российских железных дорог), а справа с двором купца Северова, доходившего до Нарвской площади.

Вдова Г.Я. Гуслистого отказалась от наследства в пользу сыновей, и в 1874 г. имение «под № 36 по Петергофскому проспекту» её дети – титулярный советник Фёдор и губернский секретарь Дмитрий Григорьевичи Гуслистые разделили вдоль пополам, а «цену всему делимому имению по совести объявили в 10 тысяч рублей». В марте 1875 г. они стали собственниками

² ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 3225. Л. 5–6.

³ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 3225. Л. 15; Петербургский некрополь. Т. 1. СПб., 1912. С. 711.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 12. Л. 2; Описание СПб губернии по уездам и станам. СПб., 1838. С. 6; Списки населённых мест Российской империи. Т. XXXVII. СПб., 1864. С. 5: дача Гуслистого. 3 двора, 9 душ м.п. и 2 ж.п.

участков: Дмитрий – под № 1 (соседним с зданиями Главного общества железных дорог), а Фёдор – под № 2⁵.

Фёдор Григорьевич Гуслистый (1842–191?) после учёбы во 2-й гимназии в 1861 г. поступил на юридический факультет столичного университета, а после его окончания начал службу в департаменте общих дел МВД⁶. В феврале 1869 г. коллежский регистратор Фёдор Гуслистый женился на купеческой дочери Марии Николаевне Паской (1844–1904) (поручителем жениха и невесты были д.с.с. Павел Яковлевич Ростовцев и д.с.с. Дмитрий Фомич Кобеко), у них родились дочь Лидия (14.12.1870-?) и сын Борис⁷.

В 1870-х гг. коллежский асессор Ф.Г. Гуслистый, живший на Петергофском пр., 36, стал владельцем дома «по 2-й роте Измайловского полка, № 3» (скорее всего, это событие связано с его женитьбой); в начале 1876 г. он подал прошение о перестройке этого дома и вскоре получил от Городской управы «дозволение» «на лицевом каменном доме надстроить третий этаж и возвести трёхэтажную пристройку с надворным флигелем, а во дворе построить каменные нежилые службы»⁸. В июле 1881 г. по прошению надворного советника Ф.Г. Гуслистого к его роду были сопричислены жена Мария Николаевна и дети.

После смерти в августе 1880 г., на 70-м году жизни его матери Елизаветы Петровны⁹ Фёдор Григорьевич заложил имение в городском кредитном обществе для получения ссуды в 5 тыс. руб. на 25 лет. Стоимость земли (участок на плане похож на параллелограмм с наименьшей стороной в 31 сажень по Петергофскому проспекту) при этом была оценена в 13.238 руб., а строений (двухэтажный крытый железом дом с 48 окнами и 44 дверями площадью около 70 кв. саж. и одноэтажная каменная служба – «прачешная и дворницкая») – в 11.357 руб.

Ф.Г. Гуслистый, произведённый в 1888 г. в коллежские советники, в 1893 г. разделил свой участок на два дворовых места (пустопорожний в 430 кв. саж. слева и застроенный в 567 кв. саж. по правой границе участка). В ведомости о доходах владельца за 1893 г. указано, что 8 комнат первого этажа дома нанимал потомственный почётный гражданин Я.Ф. Гофман за 800 руб. в год, столько же комнат на 2-м этаже занимало семейство Гуслистых¹⁰.

Тогда же дом на участке № 44 расширили – появились ваннные комнаты, были устроены водопровод и канализация, сооружён осадочный колодец. На

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 69. Д. 432.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 3225. Л. 2.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 4458.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 20. Д. 61. Л. 1, 3–4.

⁹ Петербургский некрополь. Т. 1. 1912. С. 711.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5876.

плане показан большой дом с тремя крыльцами в 8 сажнях от проспекта, за домом – десятиугольная клумба, от дома и служб вдоль правой границы участка указаны канализационные трубы к р. Таракановке, на берегу – осадочный колодец¹¹.

В 1895 г. Фёдор Григорьевич подарил свою часть недвижимого имущества сыну Борису. Тогда же нижний этаж дома, а после пристройки там было уже 10 комнат, с зимним садом и ванной за 1500 руб. в год занимал инженер-механик Люциан Антонович Бишлягер, в те годы начальник артиллерийской технической конторы Путиловского завода, один из создателей в 1900-х гг. «путиловской» полевой трехдюймовой пушки образца 1902 г., впоследствии член правления Общества путиловских заводов, инициатор сооружения Путиловской верфи¹².

Избранный гласным Городской думы, Ф.Г. Гуслистый в 1898 г. выступил с предложением переименовать Большую Спасскую улицу на Петербургской стороне в Павловский проспект в честь грядущего в декабре 100-летия Павловского военного училища «и в память основателя сего заведения, в Бозе почивающего императора Павла I» и «засадить его деревьями, т.к. ширина улицы это позволяет». Однако Городская управа высказалась против «ввиду недостаточных оснований», Дума в октябре 1902 г. также единогласно отклонила предложение¹³.

После смерти в марте 1904 г. жены Ф.Г. Гуслистый, ставший членом оценочной комиссии С.-Петербургского городского кредитного общества, переехал к сыну Борису в д. 16 по ул. Гоголя, а в д. 44-б по Петергофскому проспекту (и № 25 по наб. р. Таракановки) жила его старшая сестра Екатерина Григорьевна (1837–?).

Сын Фёдора Григорьевича, Борис Гуслистый (1871–1915), после учёбы в 5-й гимназии, а затем в 1888–1893 гг. в Институте гражданских инженеров, начал службу в общем отделе МВД, затем стал членом хозяйственно-технической комиссии Императорского Человеколюбивого общества. Совместно с архитектором М.Ф. Гейслером построил на Васильевском острове главное здание Ольгинского детского приюта трудолюбия и десятков построек в Царской Славянке. Б.Ф. Гуслистый более известен как соавтор реконструкции (с Гейслером) дома матери В.В. Набокова на Большой Морской ул., 47.

Летом 1905 г. большая часть имения Гуслистых, прилегающая к проспекту, перешла во владение соседа, французского гражданина Армана Франце-

вича Азибера по акту купчей крепости, утверждённой 21.06.1905 г., и участок был разделён на два: № 44-а и № 44-б¹⁴.

В 1911–1913 гг. Ф.Г. Гуслистый с дочерью Лидией жили на Большой Коношенной ул., 11 у сына, надворного советника Бориса Гуслистого, который был тогда и смотрителем зданий Певческой капеллы, и архитектором больницы Всех Скорбящих.

Деревянный дом № 44-б Гуслистых стоял в глубине участка, на берегу Таракановки, и был утрачен, вероятно, в годы блокады. В 1967 г. на участке № 44 было построено здание для Ленинградского отделения Музыкального фонда СССР. Сейчас там находится отдел этого фонда и офисы различных фирм, в т. ч. НПП (научно-производственное предприятие) «Фотограмметрия», занимающаяся комплексными архитектурными обмерами на основе новейших технологий¹⁵.

Вернёмся к истории левой половины разделённого имения Григория Гуслистого. Младший брат Фёдора, Дмитрий Григорьевич Гуслистый (1845–1913), после раздела заложил и вскоре продал свой участок. Он был служащим в Обществе доставления дешёвых квартир и жил в доме Общества (Измайловский полк, 3-я рота, д. 7), дослужился до статского советника. С конца 1890-х гг., находясь в штате Придворной конторы вел. кн. Михаила Николаевича, жил на Миллионной ул., 6, в служебном корпусе Ново-Михайловского дворца с женой Верой Ивановной и дочерью Зинаидой. Умер действительным статским советником в 1913 г.

Дальнейшая история застройки его бывшего участка связана с деятельностью нового владельца, французского подданного Азибера. В 1860-х гг. Франсуа (Франц Степанович) Азибер одним из первых в России наладил производство консервированных овощей, фруктов и ягод в «заведении» по соседству с караульным домом у Нарвских ворот, затем перенёс свою фабрику в одно из производственных зданий у Мало-Калинкина моста¹⁶.

В 1877 г. Ф. Азибер давал объявления: «Роскошные и экономические консервы. – Честь имею напомнить многоуважаемой публике, что изготовляемые мною консервы продаются в розницу отдельными жестянками во всех лучших зеленных лавках и фруктовых магазинах, а оптом в моём депо, находящемся у гг. Мелье и Ко, у Полицейского моста, в доме Голландской церк-

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 1. Д. 5876.

¹⁵ Реставрационный ежегодник. СПб., 2012. С. 64–65.

¹⁶ См. в путеводителе: *Михневич В.О.* Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 481. – «Азибер, у Нарвской заставы, д. Стрельцова. Овощи, грибы и плоды в консервах, концентрированный кофе, мармелад абрикосовый и сок смородиновый без сахара. Приготовление консервов производится по способу Апера». – Метод Николя Аппера заключался в стерилизации герметически закупоренных продуктов.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 142. Д. 363. Л.3.

¹² Весь Петербург на 1898 г. Отд. 3. С. 52.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 82. Д. 130.

ви. <...> Для заключения контрактов <...> прошу обращаться на мою фабрику: Ф. Азибера у Нарвской заставы, д. Стрельцова, № 13, против Триумфальных ворот»¹⁷. Вскоре Азибер разместил в «СПб ведомостях» такую рекламу: «Сухие овощи (ими очень выгодно заменять свежие овощи без всякого ущерба), консервы F. Azibert. <...> Фабрикант считает долгом предупредить, что на всех консервах <...> находится его имя, <...> Фабрика на Петергофском пр., № 20. (Новый Калинин мост)» (В «Табеле домов г. СПб...» в 1875 г. указано: Нарвский пр., 19 – Стельцовой, а Петергофский пр., 20 – Циммермана. – Н.Г.).

Качество его продукции постоянно улучшалось и в 1870 г. было отмечено бронзовой медалью на Всероссийской мануфактурной выставке. В 1886 г. Азибер получил заказ от военного министерства на пищевые консервы для нужд армии. В 1886 г. процесс изготовления его консервов контролировала особая комиссия. В 1889 г. Д.В. Тяжелов защитил докторскую диссертацию «Материалы к вопросу о питательности жестячных консервов Азибера» (Столбова Е. Консервная империя Азибера // V Андиферовские чтения. СПб., 2012. С. 135: Доктор Тяжелов отметил, что «1. Степень сохранности консервов Азибера удовлетворительна. 2. Распределение питательных веществ равномерно»). Для расширения производства он выстроил на своем новом участке в 1889 г. каменное двухэтажное здание для консервного завода в виде каре. На заводе производили мясные и овощные консервы для снабжения войск – жареную говядину или баранину, рагу, кашу, мясо с горохом и гороховую похлёбку¹⁸. В 1896 г. на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде фирме Азибера было присуждено право изображения Государственного герба, на Всемирной выставке в Париже 1900 г. его консервы были отмечены большой золотой медалью. После смерти Азибера-старшего в 1903 г. дело подхватил его сын Арман.

Весной 1906 г. Арман Францевич Азибер, «жительствующий Старо-Петергофский пр., д. 44» (в деревянном доме, пристроенном вплотную к каменному зданию), обратился в Городскую управу с просьбой о «надстройке второго этажа фабричного здания флигеля А со сломкой существующей дымовой трубы». Через месяц ему разрешили производить работы «с устройством около этой надстраиваемой части здания наружной металлической лестницы и металлического балкона, с кронштейном над ним для блока». Летом участковый архитектор потребовал «проверить на месте правильность новых каменных построек во дворе Азибера (и на берегу Тараканов-

ки), возводимых у реки – не выступают ли стены на набережную за линию бечевника?». В декабре Городская управа сообщила, что постройка «за линию бечевника не выступает». В том же году в доме 42 Азибер открыл цех «металлическо-жестяжных изделий»¹⁹. Во второй половине 1900-х гг. объем заказов уменьшился. А.Ф. Азибер взял крупную ссуду на несколько лет под залог этого дома.

Вероятно, по финансовым причинам к 1909 г. заводское здание было перестроено под доходный дом по проекту гражданского инженера В.В. Козьмина. По данным справочника «Весь Петербург» на 1912 г., управляющим домами 42 и 44 был Н.Н. Андреев, а в доме 42, например, в начале 1910-х гг. жила семья мастера Путиловского завода И.А. Шиповского²⁰.

С 1912 г. городские власти, обеспокоенные переполнением больницы для умалишённых св. Николая Чудотворца, поскольку «при 950 штатных кроватях – 1249 больных» – положение больницы св. Николая было «нетерпимым дальше, т.к. около 100 человек больных не имеют даже собственных кроватей и размещаются на полу», вели переписку с Азибером о долгосрочной аренде его каменного и деревянного зданий с приспособлением под очередной, пятый филиал больницы. Владелец предложил городу арендовать дома на 12 лет с платой по 24 тыс. руб. в год и выплатой после окончания срока 27.000 руб. «на восстановление», при условии, что «в домах его могут быть помещены больницы, детские приюты, городские училища или канцелярии, но отнюдь не ночлежные приюты или казармы для полицейских или других чинов», с правом приобретения в собственность в течение двух лет после немедленного подписания контракта. При осмотре строений городской больничной комиссией с изучением планов оказалось, что основной дом № 42 имеет «внутреннюю площадь 732,30 кв. саж. В деревянном доме на участке № 44 <...> общая площадь 124,85 кв. саж. В каменном флигеле в двух этажах общая площадь 61 кв. саж.». Было определено, что в д. № 42 «при устройстве рекреационных комнат м.б. уместно 250 чел. больных», на участке № 44 м. б. «помещены три врача, в каменном флигеле службы больницы, квартиры же низших служащих предположены в части здания № 42», причём «работы по приспособлению здания обойдутся от 10 до 12 тыс. рублей». В докладе комиссии подчеркивалось, что «к преимуществам недвижимости Азибера должно отнести значительное – двор и свободные площади между главным зданием и деревянным домом под № 44, что важно для прогулок больных, и двухэтажность всех зданий».

Предложение владельца выкупить здания с землёй за 450 тыс. руб. было отвергнуто, т.к. оценочная комиссия оценила землю по 60 руб. за кв. саж.,

¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1877. 18 марта. № 77.

¹⁸ Шустов А.С. Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города. СПб., 1903. Ч. 2. С. 20.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 151. Д. 69; Ф. 513. Оп. 35. Д. 172.

²⁰ Весь Петербург на 1911 г. С. 999.

«что при 2400 кв. саж. земли даст 144 тыс. руб.», а зданий «большом каменном = 2080 куб. саж., малом каменном 170 кубов, деревянном = 330 куб. саж., считая по 80 руб. = 2580 кубов), составит 206.400 руб., а всего 350.000 руб.» (когда Ф. Азибер в 1888 г. прикупил у соседа, Ф.Г. Гуслистого, участок земли «мерюю в три сажени по улице» для расширения складских помещений, оценочная комиссия определила цену кв. сажени «означенной земли по 5 руб. серебром»²¹, т. е. за четверть века земля подорожала в 12 раз!).

В марте 1913 г. Азибера даже пригласили в Больничную комиссию («Садовая, 55) для подписания договора на наём Вашего дома», но вечно стеснённая в средствах Городская управа согласилась оплачивать аренду лишь 5 лет и... не возвращая «в первоначальное состояние» после перестройки. Наконец, летом 1913 г. Азибер объявил, что такое предложение «совершенно неприемлемо», а «я уже более полугода несу значительные убытки», и прекратил переговоры²².

В 1914 г. после объявления войны Арман Францевич Азибер отправился во Францию, где и был призван в армию. Из документов, любезно предоставленных В.И. Ходановичем, видно, что «soldat Azibert Armand» (16 февраля 1878 г., СПб.–26 февраля 1915 г.), солдат 130-го пехотного полка, скончался от ран в деревушке Перт-ле-Юрлю провинции Марна. Ему было 37 лет. Он был женат на сестре художника Павла Филонова Екатерине Николаевне. В 1900-х гг. П.Н. Филонов выполнил несколько эскизов этикеток для консервов Азибера. В Русском музее находится «Портрет А.Ф. Азибера с сыном», созданный Филоновым в 1915 г. Вглядитесь в этот портрет, написанный специально для сестры после объявления Азибера без вести пропавшим! П.Н. Филонов бывал в её доме в 1915–1916 гг. перед призывом в армию, а в 1918–1919 гг., вернувшись с фронта, жил на Петергофском пр., 44, где оставил на хранение свои картины.

После национализации домовладений вдова Азибера с родственниками эмигрировала во Францию. В начале 1920-х гг. на первом этаже дома № 42 размещалась администрация Нарвско-Петергофского района – районный исполнительный комитет Совета депутатов (райисполком). На первом этаже находились отделы социального обеспечения и землеустройства, отдел здравоохранения с подотделом охраны здоровья детей и «Новосивковской» врачебно-контрольной комиссией подотдела медицины, экспертизы и протезирования и районный кооператив лечебников (кв. 1), на втором этаже – президиум райсовета (председатель Афанасьев, кв. 2), отделы: коммунального хозяйства, народного образования с райполитпросветом, финансовый,

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 73. Д. 87.

²² ЦГИА СПб. Ф. 211. Оп. 1. Д. 185.

рабоче-крестьянской инспекции и отдел милиции с военным отделением²³.

В 1920-х гг. жители дома № 42 образовали так называемый дом-коммуна, одним из активных членов которой был Иван Иванович Газа, известный партийный работник Ленинграда, бывший комиссар Путиловского бронепоезда; до 1932 г. он жил с семьёй на втором этаже дома (в кв. 31, ныне 56). Вероятно, в конце 1930-х гг. дом был надстроен двумя этажами.

Осенью 1922 г. Старо-Петергофский пр. переименован в пр. Юного Пролетария (т. к. в д. 28 находился районный клуб рабочей молодёжи). «Петроградская правда» тогда сообщила: «Вчера, 18 ноября, состоялось торжественное переименование Старо-Петергофского проспекта в проспект „Юный пролетарий“. Комсомольцы и беспартийная молодёжь Московско-Нарвского района, собравшись у Райкома союза, двинулась с музыкой и пением по „своему проспекту“, к площади Коммунаров, где состоялся митинг, посвящённый переименованию проспекта».

После смерти секретаря горкома партии И.И. Газа в 1933 г. проспект стал носить его имя; в следующем году на фасаде д. 42 появилась посвящённая ему мемориальная доска. В 1991 г. проспекту Газа возвращено историческое название – Старо-Петергофский.

От бывшей городской усадьбы Гуслистых, которая «съеживалась» с каждым поколением рода, не осталось и следа, но история сохранила память и о петербуржцах Гуслистых, живших там десятки лет, и о других известных горожанах.

²³ Весь Петроград на 1922 год. Стб. 348–349, 513.

Т.Ш. Рослякова

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ РАБОТ ДЖАКОМО КВАРЕНГИ В ПЕТЕРБУРГЕ – ВОЗРОЖДЁННАЯ ЦЕРКОВЬ В ПУЛКОВО

Первое упоминание о храме в «селе на Полколе» относится к 1500 г. По данным Писцовых книг здесь находилась церковь Рождества Пресвятой Богородицы, которая была уничтожена в XVII в., в годы шведского владычества¹.

Первая деревянная церковь в Нижней Подгорной слободе села Большое Пулково была построена в 1748–1749 гг. Одновременно для неё писался образ Смоленской Божией Матери. Церковь была освящена архиепископом Санкт-Петербургским Феодосием (Янковским) 14 (25) октября 1749 г., но через несколько лет сгорела. Вместо неё в 1755–1757 гг. по велению императрицы Елизаветы Петровны была выстроена новая деревянная церковь, освящённая 28 июля (8 августа) 1757 г. архиепископом Санкт-Петербургским Сильвестром (Кулябкой)². В новую церковь была перенесена часть икон с иконостаса Никольского придела Знаменской церкви из Царского Села. Деревянный храм был разобран в 1793 г.

Проект каменной церкви в Пулкове, представленный Кваренги императрице Екатерине II, отличался зальной структурой и отсутствием купола как неотъемлемой части церковной постройки. В первом варианте архитектор предложил соорудить четыре открытые круглые звонницы по углам здания. Вероятно, Екатерина II принимала активное участие в разработке проекта. Не случайно в письме на родину к художнику Картоджио Кваренги сообщал: «Иногда Её Величество снисходит дать мне программы, и она сама набрасывает мне эскизы». Первый вариант императрица отвергла, поскольку было очевидно, что четыре колокольни не имели смысла. После этого Кваренги переработал проект. Он убрал две колокольни с восточной стороны, окна на северной и южной стене заменил нишами, а входы с запада, севера и юга

оформил двухколонными портиками. Затем зодчему пришлось убрать ниши и сделать северную и южную стены гладкими. В окончательном варианте, одобренном императрицей, архитектор заменил круглые колокольни на западном фасаде восьмигранными и убрал портики с колоннами перед всеми тремя входами. После этого Кваренги составил смету на строительство церкви. На этом этапе проектирования был завершён.

Необходимо остановиться на самой идее постройки двухколоколенных храмов. Первый известный проект церкви с двумя башнями-колокольнями создал в середине XVI в. итальянский архитектор Андреа Палладио, реализовавший его в маленькой церкви (*tempietto*) на вилле Барбаро-Вольпи в Мазере (Тревизо)³. Полвека спустя архитектор К. Мадерна повторил эту композицию фасада в церкви Сантиссима Тринита деи Монти в Риме. В 1632 г. над входным портиком Пантеона Агриппы в Риме по проекту Дж.Л. Бернини были возведены две миниатюрные звонницы (прозванные римлянами «ослиными ушами Бернини»), которые были разобраны при реставрации памятника в 1852 г. Таким образом, в эпоху классицизма Пантеон также принадлежал к кругу двухколоколенных церквей и являлся одним из источников архитектурных вариаций на эту тему.

В России роль своеобразного ключа, открывшего дверь для проникновения типа двухколоколенных церквей в православное церковное строительство, сыграл Троицкий собор Александро-Невского монастыря, созданный по проекту архитектора И.Е. Старова в 1776–1790 гг.⁴ Проект, поднесённый Старовым Екатерине II в феврале 1776 г., очень понравился императрице. Классические формы палладианского стиля были созвучны античному духу проектов Екатерины II. Не случайно, когда в начале 1780-х гг. императрица решила в четырех сёлах вокруг своей парадной летней резиденции в Царском Селе построить взамен деревянных каменные церкви в новейшем вкусе, она поручила составление проектов только что приехавшему из Италии архитектору Джакомо Кваренги, верному последователю Андреа Палладио.

12 (23) октября 1782 г. в Конторе строения Села Царского был заключён контракт с подрядчиком Германом Афанасьевым. Контракт предусматривал завершение всех наружных и внутренних работ к 1 (12) сентября 1784 г. 29 мая (10 июня) 1783 г. Контора строения Села Царского приказала «назначенную в Пулковской слободе вновь каменную церковь Ея императорское величество повелеть соизволила построить на другом месте и как на оном

¹ История храма // Благотворительный фонд воссоздания памятников христианской культуры: [сайт]. URL: <http://pulkovo-church.ru/about/churchhistory/> (дата обращения: 26.04.2015).

² Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии: в 10 вып. / [вступ. ст. А.И. Раздорского]. Репр. воспр. изд. 1869–1885 гг. СПб., 2007. Вып. 8. С. 452–453.

³ *Геттаивили Н.* Андреа Палладио. Великие Архитекторы. М., 2015. С. 35.

⁴ *Чекмарёв А.В.* Троицкий собор Александро-Невской лавры как иконографический образец // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 7. Санкт-Петербург и архитектура России. М., 2007. С. 317.

имеются крестьянских три двора... на другое место со всем имевшимся строением перенести». Как видно из процитированного документа, императрица Екатерина II сама выбрала место для постройки новой каменной церкви. Каменная церковь была заложена 30 мая (11 июня) 1783 г. благочинным священником Стефаном Ивановым⁵. Одновременно с постройкой церкви шла работа по созданию иконостаса и написанию икон для него. 18 (29) июля 1784 г. в Конторе строений Села Царского был заключён договор с академиком живописи Императорской Академии художеств Иваном Акимовичем Акимовым, по которому «тот обязался написать иконостас» по рисункам и указаниям Кваренги. Четырёхъярусный иконостас, увенчанный золочёным распятием, также по рисунку архитектора Кваренги вырезал мастер Франц Брюлло (родственник знаменитых живописца и архитектора Брюлловых) в 1784–1785 гг. Постройка и отделка церкви Смоленской иконы Божией Матери в Пулкове на казённые деньги, выделенные императрицей, были завершены к концу 1785 г., тогда же состоялось освящение церкви. Ветхая деревянная церковь простояла рядом с каменной ещё несколько лет и была разобрана в 1793 г.⁶

Храм был построен в стиле классицизм. Его непривычный для русской церковной архитектуры внешний вид полностью соответствовал увлечению императрицы «оживлением античности». Кваренги воплотил образ небольшого храма, ориентированного по стилю на раннехристианские образцы в представлении эпохи классицизма. По композиции, организации внутреннего пространства и декору фасадов храм очень близок построенным архитектором в то же время церквям: Вознесенской в Фёдоровском посаде, Благовещенской в селе Большое Кузьмино и Преображенской в Московской Славянке.

Храм имел простой кубический объём с единым пространством, перекрытым широким цилиндрическим сводом. Здание покрыто четырёхскатной крышей без купола и шпиля. Западный фасад храма увенчан двумя квадратными башнями, в одной из которых располагалась колокольня. Угол здания для сдерживания распора сводов был усилен изнутри пилонами, что делает внутреннее пространство крестообразным. Боковые ниши внутри также перекрыты цилиндрическими сводами одинаковой высоты с основным продольным сводом, на их пересечении в центре храма образуется крестовый свод. В здании было три входа: центральный, северный и южный. Церковь однопрестольная. Иконостас был четырёхъярусным. Среди святынь в хра-

⁵ Историко-статистические сведения о С. Петербургской епархии. С. 453.

⁶ Мещанинов М.Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей. Краткий исторический справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 363.

ме почитался напестольный крест с мощами святых – святителя Афанасия Цареградского, великомученицы Варвары, мученика Василия, святителя Григория Чудотворца, преподобного Никона Сухого, преподобного Тита Печерского.

В дальнейшем церковь несколько изменила свой внешний вид. В «Историко-статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии» сообщается: «В 1823 году петербургский купец Василий Семьянов пристроил каменный притвор». В 1831 г. в церковной ограде, ближе к Петербургскому тракту, была построена каменная часовня. В 1908 г. в храме был произведён ремонт.

Одновременно с церквями строились каменные дома для священников и приходских школ также по проектам Кваренги. Сохранилось подробное описание проекта дома для священников, составленное архитектором.

Приход церкви, помимо села Большое Пулково, составляли ещё пять деревень: Подгорное Пулково, Каменка, Редкое Кузьмино, Толмачи и Катлино⁷. В 1883 г. прихожан было: мужского пола 1384, женского – 1780. С 1885 г. при церкви работала церковно-приходская школа, сначала в наёмном, а с 1903 года – в новом, специально для неё выстроенном доме.

Церковь в Пулкове была официально закрыта в 1938 г. В 1943 г. во время боёв церковь была разрушена. К началу 2011 г. сохранились лишь фундаменты храма и находившегося рядом одноэтажного каменного причтового дома. При работах по восстановлению в подвале храма были найдены остовы кроватей и дымоход для «буржуйки».

Летом 2009 г. на фундаменте храма был установлен деревянный восьмиконечный поклонный крест. Тогда же, в связи с планами создания в этой местности конгрессно-выставочного центра «ЭкспоФорум», появился проект восстановления храма. 11 августа 2011 г. на месте храма впервые был отслужен молебен.

Однако результаты обследования остатков фундаментов церкви и причтового дома показали, что возведение на их основе новых зданий невозможно из-за полной утраты несущей способности конструкций. Кроме того, исторические нулевые отметки церкви находятся существенно ниже полотна современного Петербургского шоссе, и таким образом, церковь оказалась бы заглублена в грунт. Поэтому было решено сохранившиеся элементы исторического храма музифицировать, а рядом построить по чертежам и рисункам Джакомо Кваренги новый храм, несколько удалив его от Петербургского шоссе в связи с планируемым расширением магистрали⁸. Таким

⁷ Историко-статистические сведения о С. Петербургской епархии. С. 454.

⁸ Глазова Л. По чертежам Кваренги // Петербургский дневник. 2013. 13 авг. С. 12.

образом, храм предполагалось расположить рядом с возведённым международным конгрессно-выставочным центром «ЭкспоФорум»⁹.

В составе комплекса, помимо здания самого храма, в будущем предусмотрено строительство причтового дома и вспомогательных помещений. Храм рассчитан на 350–400 прихожан.

14 сентября 2011 г. был заложен первый камень, закладку совершил епископ Петергофский Маркелл (Ветров) в сослужении протоиереев Виктора Московского и Геннадия Зверева. По мнению архитектора Рафаэля Даянова, старая церковь главенствовала над территорией, и новое здание также будет располагаться на более высокой точке. Проект строительства разработан архитектурным бюро «Литейная часть-91». Перед проектировщиком была поставлена задача – обеспечить максимальную выразительность храма, выдержав фасады в стиле классицизм с использованием в отделке скульптуры, барельефов, натурального камня, фресковых росписей стен. Строительство выполняла компания ООО «СМУ-837». 4 июля 2014 г. были установлены и освящены кресты на куполах. По состоянию на апрель 2015 г., завершено внешнее устройство храма, выполнены работы по благоустройству территории, заканчиваются работы по внутреннему убранству. Финансирование строительства велось за счёт учредителей Фонда воссоздания памятников христианской культуры и добровольных пожертвований других благотворителей.

В настоящее время приход храма относится к Санкт-Петербургской епархии Русской православной церкви, входит в состав Царскосельского благочиннического округа; настоятель – иерей Даниил Александрович Васильевский. Приписан к храму Святой равноапостольной Марии Магдалины на Васильевском острове (2-я линия, д. 47).

Среди профессионального сообщества реставраторов существуют разные, порой прямо противоположные мнения относительно восстановления полностью разрушенных зданий. Специалисты-реставраторы разделились на сторонников чистой консервации и, наоборот, полной реставрации. Конечно, вновь возведённое сооружение не является памятником архитектуры (если только не будет признано таковым последующими поколениями). «Макет в натуральную величину» может быть оправдан как одно из средств решения более широкой задачи.

На наш взгляд воссоздание церкви можно оценить положительно, так как храм несёт в себе символическую функцию. Выполнены условия допустимости реконструкции разрушенного памятника архитектуры:

⁹ История храма // Благотворительный фонд воссоздания памятников христианской культуры: [сайт]. URL: <http://pulkovo-church.ru/about/churchhistory/> (дата обращения: 26.04.2015).

- наследие утрачено в результате стихийного или спровоцированного человеком бедствия;
- есть доступ к соответствующим исследованиям и историческим документам;
- реконструкция не искажает общегородской вид;
- при реконструкции объекта не будет повреждена имеющаяся историческая структура;
- реконструкция признаётся необходимой по итогу основательных и открытых консультаций между представителями государственной и местной администрации и заинтересованной общественности.

Как православный человек не могу не радоваться появлению нового храма, ставшего истинным украшением Петербургского шоссе при подъезде к городу Пушкину. С нетерпением все мы будем ожидать открытия церкви, которое отсрочено до конца года в связи с работами по внутреннему убранству.

Всё это стало возможным благодаря сохранившемуся архиву Джакомо Кваренги со множеством рисунков, схем и чертежей его творений. Может когда-нибудь мы или наши потомки увидят возрождённым разрушенный во время войны Английский дворец в Петергофе. В послевоенное время неоднократно поднимался вопрос о воссоздании шедевра Кваренги, но безуспешно, хотя для этого имелась вся необходимая научная документация, и был даже разработан проект с учётом использования сохранившегося фундамента и части подвального этажа.

Л.Ю. Сапрыкина

«ДОМИКИ С ЗНАКОМ ПОРОДЫ...»

Домики с знаком породы,
С видом её сторожей,
Вас заменили уроды –
Грузные, в шесть этажей...

М. Цветаева

Маленькие домики Петроградской стороны... Сколько же их было раньше и как мало осталось в районе сегодня.

В последнее время как-то невольно замечаешь, что у большинства людей понижаются вкус и понятие прекрасного, очень многим свойственно безразличное отношение к облику города, а в адрес старых петербургских домов бросаются нелицеприятные реплики. Некоторые склонны считать – то, что было создано предыдущими поколениями, депрессивное и скучное. Небрежное отношение к рядовой застройке довело некоторые дома до аварийного состояния, какие-то из них перестроены или полностью разрушены. Такая бесхозяйственность вызывает страшную горечь и обиду. Петроградская сторона, такая милая и уютная, может потерять со временем своё неповторимое обаяние.

Дома, как правило, живут дольше своих создателей и владельцев, они много видели и о многом могли бы рассказать. Только не каждому удается разговорить их и заглянуть в их историю. Великая вещь – память! Можно вспоминать до бесконечности не только дома, но и дворы с лабиринтом подворотен, сараи и прачечные, конюшни и гаражи, парадные и чёрные лестницы. Воображать, что это настоящие государства, чьё население представлено дворниками и кухарками, прачками и извозчиками, врачами, адвокатами, артистами, да мало ли кем!

В блужданиях по городу, улицам невольно начинаешь осознавать, что окружающие нас дома не безликие сооружения. В них начинаешь всматриваться другими глазами и влюбляешься.

Старые уголки Петроградской стороны, с малоизученными домами особенно интересны. А так называемые постройки второстепенного архитектурно-художественного значения особенно. Изменились ли они за столетия,

тронуло ли их время переделками или надстройками? Пройдём по этому маленькому городку большого города.

Ординарная улица

И вовсе она и не ординарная (*заурядная*), а скорее неординарная (*неожиданная*)! Небольшая, но примечательная. Название своё получила ещё в конце XVIII в. по фамилии владельца земельного участка Якова Ординарцева¹.

На улице, ближе к Большому проспекту, сохранились два небольших дома, уже давно отметившие своё столетие, и, к сожалению, полностью потерявшие внутреннее убранство. Но эти свидетели позапрошлого века пока ещё стоят, как столетние деревья. Один из домов живой, в нём слышны детские голоса, чего не скажешь о другом, казалось замолчавшем навеки. Неужели это дом очередной «вишнёвый сад»?

Речь идёт о доме № 6 по Ординарной улице. Он был построен в 1886 г. архитектором П.И. Шестовым для дочери генерал-майора Любови Павловны Шафровой. Её отец, Павел Никанорович (Никифорович) Шафров (1794–1848), всю свою жизнь верой и правдой служил отечеству. Практическую службу начал гардемаринем сразу после окончания Морского кадетского корпуса. Дослужился до чина генерал-майора флота (был произведён 30 августа 1848 г.). Скончался в том же году 30 августа. Обширный участок по Ординарной ул., 6, принадлежал его дочери Любови Павловне, а соседний под №4 сыну Александру Павловичу Шафрову.

Дом №6 почти не изменился с тех самых пор, когда принадлежал Л.П. Шафровой. Но его «доконало» небрежное содержание, отчего и погибает сегодня остаток старины. Дом сразу задумывался каменным, одноэтажным, на высоком подвале. Только первоначально крыша была повыше, мансардная, венчала её ажурная балюстрада. Парадный вход украшал металлический зонтик на тонких колонках. Домик был вместительным, о семи покоях, две кухни да в мансарде ещё две комнаты и кухня. Позади простирался сад. В 1908 г. новый владелец, мещанин Александр Иванович Марков, уничтожил сад и по задней границе двора построил два флигеля – пяти- и шестиэтажные. В 1909 г. имущество перешло крестьянину Тверской губернии Калязинского уезда Михаилу Петровичу Новожилову. Новый владелец занимался продажей мебели на Сытном рынке, где имел собственный магазин. Второй магазин был на Кронверкском пр., 6. Проживал здесь же, занимая в доме на Ординарной семь комнат².

¹ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / авт.-сост. Алексеева С.В., Балашов Е.А., Владимирович А.Г. и др. СПб., 2002. С. 272.

² ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4924.

К имеющемуся одноэтажному дому Новожилов пристроил двухэтажный флигель из бетонитовых пустотелых камней. Двадцать квартир дворового шестиэтажного флигеля домовладелец сдавал Петропавловской больнице. В 1912 г. дом приобрёл австрийский подданный Иоганн Григорьевич Загмейстер, дамский портной, владелец магазина на Невском пр., 16³.

Кто сегодня вспомнит о дореволюционных владельцах этого дома? Пожалуй, сам дом да те повзрослевшие мальчишки школы № 47, у которых в этом домике проходили уроки труда.

Узкий проезд отделяет дома № 6 и № 4 друг от друга. И хотя они соседни, но построены с разницей в тринадцать лет, и это сразу бросается в глаза. Трёхэтажный дом-особняк № 4 был перестроен в 1899 г. архитектором А.Н. Векшинским для барона, коллежского асессора Георгия Георгиевича Винекена. На момент покупки участка, на этом месте уже стоял одноэтажный каменный дом, построенный в 1886 г. М.П. Львовым для капитана 2-го ранга Александра Павловича Шафрова⁴.

Векшинский полностью перестроил здание, изменил его этажность. Дом стал выше да и интереснее своего соседа (дома № 6). Архитектор использовал при отделке фасада здания неоромантическую линию модерна со стилизацией готических мотивов. Дом первоначально задумывался двухэтажным, с высокой мансардой (видимо позже перестроенной в этаж). Первый этаж облицован гранитной щепой, два верхних – гладко оштукатурены. В простенках между окнами в качестве декоративного элемента введены вертикальные вставки из гранитного окола. Фасад акцентирован угловыми остроугольными эркерами и небольшим лёгким балконом. На брандмауэре сохранился вензель владельца, с типичным орнаментом в стиле средневековой готики. Его фланкируют две слепые плечевые арки. Помимо особняка чудом уцелел небольшой ансамбль двухэтажных хозяйственных построек, в которых когда-то находились большой каретный сарай с сеновалом, конюшня, сарай для дров, во втором этаже – помещения для конюхов, кучеров, дворника, прачечная. Во всём хозяйственном комплексе особенно хороша башня-турель, круглая, с конусной крышей, с сохранившимися элементами фахверка.

Дом был вместительный (22 комнаты), дворовый флигель имел четыре комнаты для конюхов, в аренду сдавался сарай на десять экипажей и пять стойл⁵.

Род Винекенов происходил из Австрии. Отец барона, Г.Ф. Винекен (1831–1881), исполнял обязанности австрийского генерального консула в

³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8174.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 4. Д. 4023.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8172.

Петербурге, был одним из учредителей Русского для внешней торговли банка, рижский банкир, владелец банкирского дома «Винекен и К^о», имел собственный дом по Малой Московской ул., 5.

Его сын, барон Георг-Леон-Макс Винекен, построивший особняк на Ординарной ул., 4, родился 16 апреля 1871 г. в Петербурге, лютеранин. В 1889 г. окончил курс Штутгарской королевской классической гимназии. С августа 1890 г. зачислен в студенты юридического факультета Петербургского университета. Прослушал полный курс, получив в марте 1894 г. свидетельство об окончании⁶.

Жил капиталом, доставшимся ему от родителей. Родительское наследство помогло и в приобретении имения «Пробужие» в Новгородской губернии Боровичского уезда⁷. Построенным домом владел до 1913 г. Дослужился до чина действительного статского советника, камергера, служил в канцелярии Комитета министров, был членом совета Русского общества пароходства и торговли, председателем акционерного горнопромышленного общества «Тетюхе». Средства позволяли заниматься благотворительной деятельностью: барон Винекен был членом правления Попечительного общества о доме трудолюбия возле Александрово-Невской лавры на Обводном кан., 6; попечителем детского приюта Ивана Базилевского на Большом Сампсониевском пр., 34 – Гренадерской ул., 1; членом попечительского совета Общества сестёр милосердия Красного Креста⁸.

В 1913 г. имущество перешло во владение выпускнику Императорского Новороссийского университета Якову Мордковичу Фейгину, помощнику присяжного поверенного и присяжного стряпчего, юрисконсульту банка Общества взаимного кредита и страхового общества «Волга». Фейгин владел домом до 1917 г. Как выглядели интерьеры особняка, переделывал ли их для себя последний дореволюционный владелец – неизвестно⁹.

Здание давно занимает детский сад № 16 Петроградского района, интерьеры, к сожалению полностью утрачены.

Большая Пушкинская улица

Удивительная метаморфоза произошла с домом № 50 (по старой нумерации № 48а) по Большой Пушкинской улице. Сегодня это пятиэтажный жилой дом, фасад которого украшает элегантная полуротонда с балконом. Простенки

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27450.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 23. Д. 186.

⁸ Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Владимирский округ. Большая и Малая Московские улицы и улица Правды. М., 2011. С. 158–160.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4921а.

между центральным окном второго этажа заполнены пилястрами ионического ордера. Трёхгранный эркер-фонарик (бывший зимний сад) выходит во двор.

С 1860-х гг. обширный участок между Большой Пушкарской ул., 48 – Большим пр. П.С., 59 и Бармалеевой ул., 2, принадлежал семейству Голеновских – полковнику Николаю Ивановичу Голеновскому и его супруге Александре Михайловне, урождённой Достоевской (младшая сестра писателя Ф.М. Достоевского). Деревянные постройки давно исчезли, каменный с мезонином одноэтажный флигель, стоявший на углу Большой Пушкарской и Бармалеевой улиц, разобрали в 1960-е гг. Этот флигель с 1904 г. принадлежал уже Александру Николаевичу Голеновскому, их сыну¹⁰.

А.Н. Голеновский окончил Александровский лицей, служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ. В 1910 г. он продал участок, и в том же году архитектор М.М. Синявер приступил к строительству особняка для Якова Ивановича Савича (1879–1949). До 1932 г. на участке стоял домик, а не дом. И был он двухэтажным, а со стороны двора трёхэтажным. Существующая полуротонда в центре прорисована и на архивных чертежах, но с колоннами ионического, а не дорического ордера, как сейчас. Видимо первоначально предполагалось установить скульптуру на парапете крыши, но от этой идеи в дальнейшем отказались. В просторной парадной сохранились хорошо прорисованные ниши, предназначавшиеся также под скульптуру. Над входными дверями квартир, под многочисленными наслоениями краски просматриваются лепные барельефные вставки на античные темы.

Я.И. Савич был сыном потомственного дворянина, отставного гвардии штабс-капитана, действительного статского советника Ивана Ивановича Савича. Родился в Новгороде 6 июня 1870 г., крещён там же в церкви Никиты Мученика. Записан в 6-ю часть дворянской родословной книги Новгородской губернии. Учился в Петербурге, в Ларинской гимназии и на юридическом факультете Университета¹¹.

Был крупным финансистом, активным общественным деятелем – членом правления СПб Международного коммерческого банка и многочисленных обществ, Предводителем дворянства. Савич покинул Россию в 1920 г., его дальнейшая жизнь была связана с Парижем, в эмиграции продолжал заниматься финансовой деятельностью, был членом народно-монархического союза. С 1925 г. и до кончины оставался членом правления Русского национального эмигрантского комитета в Париже, профессором Оксфордского университета.

Особняк недолго пустовал после отъезда владельца. В том же 1920 г. его предоставили «Общине художников», основанной в 1908 г. группой выпуск-

ников Академии художеств при поддержке И.Е. Репина. Парадные и жилые покои новые обитатели обживали по-своему. Комнат в доме хватало, и в них устраивали регулярные выставки, участниками которых были художники Д.И. Митрохин, И.И. Бродский, А.П. Остроумова-Лебедева, П.Н. Филонов, А.Н. Самохвалов, К.И. Рудаков. Работала художественная студия; библиотеку, оставшуюся от Савича, превратили в общественную, а парадную гостиную переоборудовали под концертный зал. Коллекция антиквариата бывшего хозяина составила фонды зарождающегося музея «Общины». Главная задача объединения – повышение художественной культуры и популяризации искусства!

В 1930 г. «Общину художников» объединили с «Обществом Куинджи», переименовав в «Цех художников». Организация просуществовала недолго, в 1932 г. была вынуждена покинуть особняк и в скором времени распалась. А домик решено было надстроить ещё тремя этажами, превратив его в жилой коммунальный дом.

В 1972 г. на доме установили мемориальную доску в память о художнике К.И. Рудакове (1891–1949), проживавшем здесь с 1932 по 1949 г. С этим домом у художника были связаны и счастливые воспоминания, и долгие блокадные дни, и непростые послевоенные годы. Константин Иванович хорошо знал этот дом, так как после окончания живописного факультета Высшего художественного училища при Академии художеств в советские годы неоднократно менявшего названия, был членом «Общины художников», участвовал в культурных мероприятиях, проводимых в стенах особняка Савича. Великолепный рисовальщик, мастер острого рисунка, в 1920-е гг. Рудаков сотрудничал с сатирическими журналами «Смехач», «Бегемот», «Новый Сатирикон», выпустил серии «НЭП» и «Запад». В эти же годы художник стал иллюстрировать книги. В 1926 г. увидела свет книга К.И. Чуковского «Телефон» с его иллюстрациями. В 1930-е гг. Рудаков иллюстрировал романы Золя и Мопассана, Пушкина, Лермонтова, Тургенева. В 1944 г. художник Корнилов показал работы Рудакова А.П. Остроумовой-Лебедевой. После долгого и внимательного просмотра она сказала: «Мой друг А.Н. Бенуа так бы не сделал». Французская общественность избрала К.И. Рудакова почётным гражданином города Руана, родного города Мопассана, а улицы, ведущие к Пантеону, носят имена Гюго, Франца и Рудакова.¹²

Улица Лизы Чайкиной

С зарождением эры кинематографа Петербург занимал первое место по количеству кинотеатров. Каких только не было! Простеньких и шикарных,

¹² К.И. Рудаков. 1891–1949: каталог выставки / сост.: Т.Н. Ларина, С.С. Бородина. СПб., 2012.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4809.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27787.

длиннозальных и квадратных. Любовь к «синема» захватила всех, даже абсолютно далёких от кино людей. Петербургская сторона в 1913–1917 гг. по количеству кинотеатров соперничала с самим Невским проспектом. Её называли кинематографическим чудом, кинотеатры никогда не пустовали и выживали за счёт местной публики. Имелись комфортабельные кинотеатры, для которых строились специальные здания или полностью перестраивались существующие. В них было всё – от роскошного фойе с тропическими растениями, мягкой мебели – до собственных струнных оркестров. Большинство зданий, в которых находились кинотеатры, живы и по сей день. Они пережили своих владельцев, публику, приходившую к ним на киносеансы. Сегодня в этих помещениях находятся другие организации, продолжавшие служить искусству. Всё-таки сохранилась некая преемственность, и это приятно.

На участке между Большим пр. П.С. и Большой Пушкарской ул. до недавнего времени стояло небольшое здание с очень интересным порталом. Кессонированную конху поддерживали каннелированные колонны дорического ордера, входные массивные дубовые двери украшали зеркальные фасетные стёкла. В 1913 г. А.Е. Медведев, владелец участка по Большому пр. П.С., 25 – Гулярной ул., 2 (ныне ул. Лизы Чайкиной), решил построить одноэтажное здание большого кинематографа. Автором проекта был архитектор Ф.А. Корзухин. Кинотеатр назывался «Ассамблея». Но в результате строительства от первоначальной идеи отказались и построили двухэтажное здание с двумя залами, рассчитанными на 118 человек. При входе посетители попадали в роскошное фойе с буфетом, сзади находился вместительный зрительный зал, с хорошо оборудованной сценой. На втором этаже был ещё один зал, но поменьше. В 1916 г. опять последовали переделки, в результате которых «Ассамблея» получила один, но большой зал на 309 человек. С 1918 г. кинематограф бок о бок стал сотрудничать с Театром миниатюр под тем же названием¹³.

Артист оперетты Н.Н. Радошанский в книге воспоминаний отводит «Ассамблее» несколько строк: «Вместительный зал с хорошо оборудованной сценой прельстили меня. Взвод солдат, мастеров на все руки, помог мне в короткий срок привести зрительный зал и сцену в полный порядок»¹⁴.

В июне 1918 г. бывший театр «Ассамблея» был предоставлен для устройства спектаклей 1-му Петроградскому театру. Но вместо спектаклей в помещении чаще устраивали танцульки, поэтому Пролеткульт реквизировал театр у администрации и взял его в своё заведование¹⁵.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7299.

¹⁴ Радошанский Н.Н. Записки актёра оперетты. М., 1964. С. 44.

¹⁵ Новая Петроградская газета. 1918. № 126.

В «Ассамблее» опять зазвучали мелодии классических оперетт. На её сцене выступали знаменитые цыганские артисты – гитарист Н.Д. Дулькевич и певица Н.В. Дулькевич. В дивертисментах принимал участие К.Э. Гибшман, мастер концерта. Молодой актёр В.И. Воронов, впоследствии народный артист, выходил на сцену в своём амплуа характерных простаков.

К столетию «Ассамблеи», в 2013 г. здание прошло реконструкцию. По проекту архитектора Н.И. Явейна, при участии В.Л. Кулаченко, Г.С. Снежкина, С.И. Аксенова, М.Н. Горякина на данном участке построили новое здание для Академии танца Бориса Эйфмана. Эмблемой образовательного учреждения стал реконструированный фасад бывшей «Ассамблеи».

На Большом пр. П.С., 42, в окружении шестиэтажных домов горделиво посматривает на соседей небольшое двухэтажное здание, построенное с элементами древнерусского стиля. В центральном аттике сохранилась натурная датировка – 1878 год. Обширный участок по Большому проспекту, Колпинской и Стрельнинской улицам с 70-х гг. XIX в. принадлежал губернскому секретарю Андрею Макаровичу Васильеву. На Большой проспект выходил главный деревянный, одноэтажный дом, фасад которого пестрел от множества резных деталей. Такой же прянично-нарядной выглядела и восьмигранная деревянная беседка в глубине участка. К 1878 г. домовладелец Васильев решил на перестройку участка. Архитектор В.Г. Шаламов на месте деревянных построек возвёл каменные, практически повторив рисунок предыдущего дома. А.М. Васильев был хорошо известен жителям Петербургской стороны, слыл активным общественным деятелем. Будучи членом Городской больницы комиссии, исполнял обязанности попечителя Петропавловской больницы, был старостой Матфеевской церкви, помогал Введенской гимназии, в которой учились собственные сыновья, владел ещё несколькими домами на Петербургской стороне. К 1901 г. дослужился до чина статского советника.

В 1914 г., после кончины главы семейства, наследники задумались об устройстве в собственном доме кинематографа «Трокадеро» с эстрадой. Кинематограф должен был занимать второй и часть первого этажа и вмещать 195 человек. В 1915 г. кинематограф расширили, устроив второй зрительный зал. Последние переделки произошли с ним в 1916 г., когда решено было вернуться к одному, но большому (на 309 человек) зрительному залу. Внутренними перестройками кинотеатра занимался архитектор В.В. Шайб¹⁶.

Снова Большая Пушкарская улица

Характерным примером небольшой городской усадьбы конца XIX в. может служить камерный деревянный особняк на Большой Пушкарской ул., 14.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7316.

Правда, он скорее напоминает виллы Восточной Пруссии, чем русскую усадьбу. Особняк-вилла был построен в 1896 г. архитектором Августом Яковлевичем Рейнбергом для своей родственницы со стороны жены – Юлии Карловны Добберт. Два года позже, рядом, на углу Гулярной (ныне ул. Лизы Чайкиной) и Большой Пушкарской, им же будет построен четырёх-этажный доходный дом, с элементами неоготики в кирпичном стиле, так же принадлежавший Добберт.

Дом интересен ещё и тем, что представители одного семейства петербургских «учёных немцев» ГрEFE-Штейман-Добберт с первой трети XIX в. и до 1917 г. уверенно держали в руках эту привлекательную недвижимость.

Обширный участок между Большим проспектом, Гулярной, Введенской и Большой Пушкарской улицами имеет прямоугольную конфигурацию. Лицевым фасадом дом обращён к Большой Пушкарской. Он одноэтажный, на высоком цоколе, прямоугольный в плане, с ассиметричным фасадом, завершён высокой многоскатной крышей сложной конфигурации, которая покрыта стилизованной металлочерепицей. Дом носит черты поздней эклектики романтического характера. Правая часть фасада акцентирована угловой гранёной верандой, которую венчает высокий шатёр. На шатре металлическая решётка, в кованой раме которой «паук плетёт свою паутину», как будто бы оберегая жизнь обитателей этого дома от вмешательства извне, закрывая вход паутиной. Стены дома горизонтально обшиты доской «внахлёт». Сильно вынесенный карниз снизу подшит деревом, свес подпирают резные деревянные кронштейны, фриз также имеет накладные деревянные детали. Окна декорированы плоскими наличниками, деревянные крестообразные детали имитируют фахверк. На фасаде дома имеются декоративные элементы пропиленной резьбы. Помимо паутины, крышу дома венчают металлические шпили и флюгер на крыше эркера, в виде цветочного букета. Вход в особняк с юго-западной стороны. Над невысоким входным тамбуром двускатная крыша¹⁷.

Начиная с 1840-х гг. этот участок принадлежал действительному статскому советнику, ординарному академику греческой и латинской словесности, профессору Федору Богдановичу (Христиану-Фридриху) ГрEFE (1780–1851).

Формулярный список за 1839 г. и сведения о службе дают достаточно точное представление об этом уникальном человеке. Ф.Б. ГрEFE родился в Хемнице (Саксония) в семье пастора. После окончания лицея, с мая 1799 г. продолжил курс наук в Лейпцигском университете, где в 1805 г. получил степень магистра и доктора философии. В 1803 г. выдержал экзамен канди-

¹⁷ КГИОП. Паспорт объекта культурного наследия. 18.11.2012. Ф. 856. Д. 1660 П. Составитель паспорта – специалист ООО «Аватар» Е.С. Большакова.

дата богословия в Дрездене. С 1810 г. его жизнь неразрывно будет связана с Петербургом. ГрEFE был настоящим учёным, верой и правдой служившим только науке. Свою карьеру в качестве профессора греческого языка он начал в Александро-Невской духовной академии. Через год определился ординарным профессором латинской словесности в Педагогический институт. В 1817–1819 гг. служил в Эрмитаже, сначала помощником в отделе антиков, потом хранителем академического Минцкабинета. С 1830 по 1832 г. член комитета правления Академии наук; с 1836 по 1840 г. – декан философского факультета. Ф.Б. ГрEFE пользовался уважением среди коллег и студентов университета, оставил заметный след в истории университетского образования. За свою неутомимую деятельность и безупречную службу был награждён многими российскими орденами: орденом Св. Владимира 4-й степени (1814), Св. Анны 2-й степени (1819), Св. Владимира 3-й степени (1826), Св. Станислава 2-й степени (1836). За беспорочную двадцатипятилетнюю службу неоднократно был жалован знаками отличия, денежными средствами и бриллиантовыми перстнями от российских монархов. Был женат и имел детей: сына и двух дочерей – Мину и Паулину¹⁸.

С 1820-х гг. семья учёного проживала на Петербургской стороне. В 1822 г. ГрEFEы приобрели деревянный дом на угловом участке по Большой Пушкарской и Гулярной улицам у жены коллежского советника Екатерины Ивановны Балюстиной. В 1843 г. они выстроили здесь же второй деревянный дом.

После смерти учёного его вдова, Екатерина Карловна, в 1856 г. составила завещание на имя дочери Мины Федоровны Штейман (урожд. ГрEFE), жены надворного советника, профессора греческой словесности, доктора философии Ивана Богдановича (Иоганна Фридриха) Штеймана. Согласно завещанию, Мина Федоровна имела право полностью распоряжаться доставшимся ей имуществом. Наследство заключалось в двух деревянных домах и обширном участке земли с садом и огородом. В 1860 г. Мина Федоровна разделила участок, в результате чего территория сократилась¹⁹.

М.Ф. Штейман принадлежали два деревянных дома, один из которых – одноэтажный с мезонином – стоял на углу Большой Пушкарской и Гулярной улиц²⁰.

Её супруг, Иван Богданович Штейман (1819–1872), тайный советник, родился в Петербурге в купеческой евангелическо-лютеранской семье. В 1840 г. окончил философский факультет Петербургского университета. С 1840 по 1843 г. находился за границей, где слушал лекции в Берлинском

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3768.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 16. Д. 1060 в.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8366.

и Лейпцигском университетах. В 1845 г. был удостоен учёной степени магистра греческой и римской словесности. В этом же году вступил в брак с Миной Фёдоровной Грефе. В семье родились дети: в 1849 г. сын Фёдор, в 1854 – дочь Юлия Амалия, а в 1856 – сын Готтлиб Рудольф Карл, восприемником которого стал известный архитектор Р.Б. Бернгард.

Иван Богданович Штейман начинал службу в Ларинской гимназии в качестве преподавателя латинского языка (1845–1848). Также состоял старшим учителем во 2-й Петербургской гимназии (1846–1852), профессором греческой словесности (1853) и экстраординарным профессором по кафедре греческой словесности и древностей в Главном Педагогическом институте. С 1857 по 1865 г. – директор Главного немецкого училища Св. Петра (Петришуле). При нём в училище были отменены телесные наказания. После преподавал латинскую словесность в Императорском Училище правоведения (1865), исполнял должность директора Императорского Историко-филологического института (1867). Ученик Фёдора Богдановича Грефе, филолог-классик, антиковед, заступивший в эту должность после своего учителя. За отличную службу имел награды: орден Св. Станислава 2-й степени (1856), Св. Анны 2-й степени (1859), Св. Владимира 3-й степени (1864), Св. Станислава 1-й степени (1867), а также имел бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. на Андреевской ленте. И Фёдор Богданович Грефе, и Иван Богданович Штейман были весьма уважаемыми людьми в европейском научном мире, оставили заметный след в российской науке²¹.

После кончины И.Б. Штеймана над несовершеннолетними детьми была учреждена опека. Опекушкой стала мать, Мина Фёдоровна. Обстановку (мебель и личные вещи) в служебной университетской квартире оценили в 392 рубля. После учёного осталась уникальная библиотека, которая насчитывала две тысячи томов на латинском, греческом, немецком и русском языках²².

Старший сын И.Б. Штеймана, Фёдор Иванович Штейман (1850–1885), первоначальное образование получил в Петришуле. В 1871 г. окончил Петербургский университет по разряду естественных наук (физико-математический факультет). В 1876 г. выдержал испытание на степень доктора медицины в Императорском Дерптском (г. Тарту) университете. В Петербурге служил врачом-экстерном в больнице Св. Марии Магдалины, ординатором Елизаветинской клинической больницы для малолетних детей и сверхштатным врачом Родовспомогательного заведения ведомства учреждений императрицы Марии²³.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4811.

²² ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13601.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4222.

Был женат на Юлии Карловне Шредер, дочери известного фортепианного фабриканта и купца Карла Михаила Шредера. От этого брака в 1884 г. родился сын Иван (Иоганн). В 1894 г. Иоганн был отдан в Петришуле, где отличался безукоризненным поведением, хорошими способностями, занимаясь с большим прилежанием и усердием. В 1902 г. Юлия Карловна определила сына в третий класс Училища правоведения на собственное содержание²⁴.

После кончины Ф.И. Штеймана дом на Большой Пушкарской перешёл его вдове, Юлии Карловне Штейман. Она вторично вышла замуж за доктора медицины Ф.А. Добберта. Супруги решили перестроить старый дом, вдохнув в него новую жизнь. Архитектора выбрали из своих – А.Я. Рейнберга, женой которого в 1893 г. стала Агнесса-Мария-Луиза Шредер, родная сестра Юлии Карловны Добберт. Именно он предложил супругам не ломать старый и ещё достаточно крепкий дом, а лишь немного перестроить его, оживив композицию угловыми эркерами и верандой с башенкой.

К 1910-м гг. участок под озеленение значительно сократился, так как к этому времени Добберты решили завести хозяйство, построив птичник и деревянную теплицу в северо-западной части. Новый птичник, но уже в бетоне был выстроен в 1913 г.²⁵

Фёдор Александрович Добберт (1860–1932) родился в семье пастора Александра Николаевича Добберта, прослужившего в Царскосельской евангелическо-лютеранской церкви Воскресения Христова тридцать лет. Учился в Петербурге в Петришуле и в Дерптском университете, после окончания которого был удостоен степени доктора медицины. С 1887 г. находился на должности сверхштатного ординатора Петропавловской городской больницы, где заведовал дезинфекционной камерой. Позже состоял при терапевтическом и гинекологическом отделениях, проявив себя хорошим диагностом. Неумолимость и профессионализм проявил в холерную эпидемию. В 1891 г. Добберт получил чин надворного советника за выслугу лет, в 1893 г. произведён в коллежские советники. С июля 1898 г. занял должность врача-специалиста в лечебнице для проходящих при Комитете для разбора и призрения нищих (Английский пр., 36). Помимо занимаемых должностей, Добберт исполнял обязанности помощника директора Александровского приюта для женщин, там же заведовал родовспомогательным заведением. Дослужился до чина статского советника. Неоднократно выезжал за границу для научного усовершенствования. Был награждён медалью в память императора Александра III. Владел домами: на Съезжинской ул., 20 (1906), на Гатчинской ул., 8 (1911), на Лахтинской ул., 9 (пустопорожнее место, 1913). В 1915–

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3575.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8366.

1917 г. приобрёл ещё одно пустопорожнее место (Геслеровский пер., 8 – Плуталова ул., 1), на котором так и не успел что-либо построить. В 1892 г. Ф.А. Добберт вступил в брак с вдовой доктора медицины Юлией Амалией Анной Штейман (урожд. Шредер). Воспитывал пасынка Иоганна от первого брака жены²⁶. После 1917 г. семья уехала в Германию, где Ф.А. Добберт скончался в 1932 г.

Обособняк пустовал недолго после отъезда владельцев. Жилищный вопрос в Петрограде стоял очень остро. Первое время дом приспособили под коммунальные квартиры. С 1923 г. часть особняка по Большой Пушкарской занял 23-й детский очаг Петроградского района, но жилые квартиры остались. В 1925 г. в доме проживали: Кракау Евгений Александрович, преподаватель; Кракау Константин Александрович, служащий Государственного Оптического института; Персон Василий Фёдорович, заведующий отделом корреспонденции «Госбанка». А в 1927 г. всё здание отдали под детский очаг № 26 Петроградского района. Как показало время, детский сад остался в этом доме на долгие десятилетия.

После последней реставрации 2014 г. здание отдано под музейное пространство, в котором развернётся экспозиция, посвящённая петербургскому балету и творчеству художественного руководителя Государственного академического театра балета, народному артисту Борису Яковлевичу Эйфману. Музей будет открыт для самых разных выставок.

Работы по реконструкции начались в 2014 г. архитектурной мастерской «Студия 44» Никиты Явейна. Постарались сохранить и отреставрировать максимальное количество аутентичных интерьеров. Укрепили фундамент, сохранили деревянную конструкцию, заменив незначительную часть бруса, усилили балки перекрытий. При ремонте здания обнаружен подъёмный механизм на площадке первого этажа, который находился рядом со столовой. Некоторые входные проёмы были оформлены наподобие порталов и имели встроенные книжные шкафы, которые так же бережно восстановили. Из большого парадного зала, как и ранее, можно сразу попасть в несколько жилых помещений, перейти в эркер или на веранду. Овальный лепной потолочный плафон, практически утраченный в советские годы, опять украшает парадную гостиную. В плафоне восстановлен орнамент в виде розеток, листьев аканта, бантов и лент. Хорошо сохранилась и бережно отреставрирована вся оконная фурнитура – стержневые шпингалеты с ручкой-рычагом в виде петли. Оконные проёмы веранды имеют подлинную историческую расстекловку, как внутреннюю, так и наружную. Отделка стен и потолка веранды, как и прежняя, была выполнена в дереве. В бывшем кабинете сохра-

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 211. Оп. 2. Д. 479.

нились встроенные одностворчатые дубовые шкафы, фланирующие входной проём. Был найден небольшой фрагмент старых обоев, выполненных в технике «линкруст». По старому образцу заказали точно такие же и оклеили ими два жилых помещения. И петербургский дом, отметивший свое 120-летие, стал таким же нарядным, уютным и гостеприимным, как и прежде.

У П.Я. Чаадаева в «Философических письмах, адресованных даме» (Письмо первое) очень точно охарактеризовано человечество, не хранившее память о прошлом: «Что такое жизнь человека, говорит Цицерон, если память о прошлых событиях не связывает настоящего с прошлым! Мы же, придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Каждому из нас приходится самому связывать порванную нить родства».

Да, память порой утрачивает очень многое, поэтому необычайно важно через занавес времени впустить в сегодняшнюю жизнь воздух ушедшей эпохи.

Л.Ю. Сапрыкина

ОТЕЛЬ «РОССИ» – ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Чем дальше в будущее входим,
Тем больше прошлым дорожим.
И в старом красоту находим,
Хоть новому принадлежим.

В. Шефнер

Петербург, в котором был построен этот дом, давно уже нет. По меткому выражению В. Маяковского «он ушёл на дно, как банка из-под консервов». Не осталось в живых тех горожан, много видевших, много помнивших и знавших. Но остались их воспоминания, кипы старых газет, архивные документы, из которых можно извлечь немало полезных сведений и попробовать воссоздать ушедший город, который мы не видели, но в воображении были с ним хорошо знакомы.

«Нет ни пышности, ни восторгов, ни грандиозности – ничего. Перед вами простой Петербург, будничный край, милая человеческая жизнь. Это Петербург ласковый, притихший, интимный, домашний, семейный, скромный»¹.

Дом № 55/6 на набережной реки Фонтанки и Чернышёвой площади (ныне пл. Ломоносова) получился удивительным во всех отношениях. На его примере можно представить жизнь типичного петербургского доходного дома. Необычность дома ещё и в том, что его дореволюционные обитатели оказались на редкость постоянными жильцами, десятилетиями не менявшими насиженных мест. Местоположение дома сыграло в этом определенную роль. Основными квартиросъемщиками были артисты Александринского и Малого (ныне БДТ им. Г.А. Товстоногова) театров, торговцы Апраксина рынка, Гостиного двора и чиновники Министерства внутренних дел (бывший министерский корпус входит в ансамбль Александринского театра).

В дореволюционном Петербурге потенциальный квартиросъемщик с началом дачного сезона переезжал за город, а по окончании сезона начинал активно подыскивать себе квартиру. Квартирный вопрос в городе всегда

стоял остро, и найти хорошую и недорогую квартиру было сложно. Некоторые горожане, себе в убыток, не сдавали квартиру на летний период, скрепя сердцем оплачивали её, но таким образом получали гарантии вернуться по старому адресу. Ощущение некоей стабильности давало уверенность в завтрашнем дне. Менее искушённые начинали вести душевные разговоры с дворниками, получая от них полную информацию, как о владельце дома, так и о ценах на жильё:

«Квартира 2 комнаты, на Фонтанке.

– Отчего же так дорого?

– Рази можно дешевле? – отвечает опрошенный дворник. – Эндака квартера, на судоходной реке, помилуйте!»².

Дом по Фонтанке, 55/6 (по старой нумерации № 46) был каменным и трёхэтажным уже в 40-е годы XIX века и принадлежал г-же Жилиной, жене чиновника. Уже тогда в доме существовала гостиница «Европа», одна из старейших в городе, которой суждено было продержаться в этом доме вплоть до 1900 года. При создании знаменитого ансамбля Александринского театра архитектор К.И. Росси предполагал включить и участок с домом Жилиной, но Дирекция императорских театров видимо не смогла договориться с домовладелицей и выкупить участок. Так и остался стоять дом на Фонтанке, всем своим видом символизируя «массовость и будни».

С середины XIX века и до 1917 домом владели представители одного семейства Ветошкиных-Полежаевых. Ветошкины, выходцы из Ярославской губернии, занимались продажей овощей и фруктов. После приобретения дома на Фонтанке не только проживали в нём, но и держали фруктовую лавку. Основоположником династии был Родион Михайлович Ветошкин. После его кончины в 1839 году осталось многочисленное семейство, продолжившее отцовское дело – торговлю. В 1863 году дом на Фонтанке перешёл правнуку Родиона Михайловича Ивану Михайловичу Ветошкину (1843–1884), петербургскому купцу 3-й гильдии. И.М. Ветошкин был женат на Анне Алексеевне Тюменевой, дочери состоятельного рыбинского купца Александра Алексеевича Тюменева (1849–1876). Матушкой Анны Алексеевны была Татьяна Степановна Елисеева (1830–1899)³.

В 1863 году И.М. Ветошкин решил кардинально перестроить существующий дом, надеясь в будущем извлекать из него наибольшую прибыль. В доме появились подвалы, увеличилась этажность со стороны двора – корпуса надстроили до пяти этажей, а лицевой по Фонтанке и Чернышёвой площади стал четырёхэтажным. Строительными работами занимался архи-

² Жуков К., Клубков Р. Петербург без мундира. М., 2008. С. 311.

³ Краско А.В. Отель «Росси»: история одного петербургского дома. СПб., 2015. С. 48.

¹ Горный С. Санкт-Петербург (Видения). СПб., 2002. С. 8–9.

тектор Р.Е. Бергман. После окончания работ сам домовладелец Ветошкин занимал большую пятнадцатикомнатную (!) квартиру третьего этажа, в первом этаже были открыты собственные чайный и овощной магазины. Ему же принадлежали две кладовые и весь подвальный этаж, выходящий на площадь. Братья Зайцевы (одни из самых постоянных квартиросъемщиков) держали в доме погреб иностранных вин. Несколько лет подряд у Ветошкиных снимали квартиры и помещения под торговые лавки купцы братья Комиссаровы, занимавшиеся продажей детских игрушек в Гостином дворе. В разные годы здесь проживали – купцы Яков Герасимович Клочков, торговавший галантерейным товаром, Анатолий Иванович Маклашин, владелец оптового склада серебряных изделий, член правления Мариинского общества торговли, Семён Котов, арендовавший 36 комнат под гостиницу с номерами в первом и втором этажах⁴.

В 1864 году в доме проложили водопровод, а в августе 1865 И.М. Ветошкин заключил с Конторой Императорских театров контракт на двенадцать лет: согласно договору, узкий проулок между его домом и домом Дирекции, выходящий на Чернышёву площадь, купец намеревался застроить и сдавать в аренду, выплачивая Дирекции за наём по 150 рублей серебром ежегодно, с взносом за полгода вперед. Этот застроенный проулок сохранился и по сей день и, как и ранее, принадлежит балетной школе – Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой.

В скором времени у И.М. Ветошкина возникли материальные трудности, и дом пришлось выставлять на торги. В апреле 1877 года на переторгах дом приобрела Татьяна Степановна Полежаева, тёща Ветошкина⁵.

После смерти мужа Татьяна Степановна вышла вторично замуж за потомственного почётного гражданина, коммерции советника Николая Михайловича Полежаева, с которым, судя по всему, была знакома ранее, так как семьи Тюменевых и Полежаевых вели крупную торговлю хлебом, в торговом мире Петербурга о них отзывались с уважением.

После кончины И.М. Ветошкина в 1884 году, Т.С. Полежаева передала дом в собственность своему сыну от второго брака Сергею Николаевичу Полежаеву, потомственному почетному гражданину. Через пять лет не стало Т.С. Полежаевой. В память о матери её дочь, Анна Алексеевна Ветошкина, построила в Старой Деревне богадельню, здание которой сохранилось по сей день на Приморском пр., 22.

В 1901 году новый владелец С.Н. Полежаев поручил архитектору П.И. Гилеву надстройку дома ещё одним этажом и перделку всех интерьер-

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 648.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 648 а.

ров⁶. С.Н. Полежаев владел домом до 1917 года. Как сложилась его дальнейшая судьба, увы, неизвестно.

А дом продолжал жить своей жизнью, встречая и провожая своих обитателей. Квартиры в нём всегда снимали с охотой, особенно театральные деятели. Близость дома к петербургским театрам объясняло большое количество проживавших в доме актёров, режиссёров, чиновников от театра, технического персонала.

В 1877 году квартиру из восьми комнат снимали артистки Императорских театров сёстры Мария и Александра Брошель. Их имена сегодня практически не вспомнит никто, а когда-то о большом таланте маленькой Александры Карловны Брошель говорили все театралы. Ей прочили блестящее будущее, считали интересным и загадочным явлением в жизни Александринского театра. После окончания Театрального училища она сразу попала в труппу прославленного театра и после нескольких сыгранных ролей заняла в театре первую позицию, несла на своих хрупких плечах весь репертуар. Особенно хороша была в пьесах А. Островского: Верочка в «Шутниках», Мария Андреевна в «Бедной невесте», Аннушка в драме «На бойком месте»⁷.

Из-за болезни сердца она прослужила на сцене Александринки только два года и ушла из жизни 5 апреля 1871 года, в возрасте двадцати семи лет. Вечный покой нашла на кладбище Троице-Сергиевой пустыни. «Ей мало помогала наружность, она не была красавицей, скорее милая блестящая дурнушка, с чудесными глазами»⁸.

У Александры Карловны была внебрачная дочь, в дальнейшем вышедшая замуж за офицера Николая Волынцева. Как и мать, она выступала на сцене, писала стихи, сочиняла музыку, исполняя собственные произведения. От брака с Волынцевым в 1898 году родилась дочь Мария, крёстной матерью которой была Мария Гавриловна Савина. Мария Волынцева продолжила артистические традиции семьи, но особенно была популярна уже в эмиграции, в Париже, где под псевдонимом «Мария Вега» выступала в театрах-кабаре, исполняя романсы собственного сочинения:

*«Ведь я институтка,
я дочь камергера,
я чёрная моль
я летучая мышь...».*

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9934.

⁷ Алексеев А.А. Воспоминания актёра Алексеева. М., 1894. С. 187–189.

⁸ Боборыкин П. Три любимицы. (Из личных воспоминаний) // Артист. 1890. № 11. С. 34–42.

Мария Вега (Ланг в замужестве) напишет книгу о своей матери «О, эта женщина... Такая же, как все». Она вернётся в Советский Союз в 1975 году, последние годы жизни проведёт в Доме ветеранов сцены на Петровском острове.

Старшая сестра, Мария Карловна Брошель, после окончания Театрального училища выступала танцовщицей на сцене Мариинского театра и параллельно занималась преподавательской деятельностью, давала уроки танцев.

С 1905 по 1912 год в доме снимала небольшую квартиру артистка Александринского театра Лидия Алексеевна Чурилова, более известная как детская писательница Лидия Чарская. К этому моменту брак с мужем разладился, в театре больших ролей не давали, жалование выплачивали небольшое, на которое было трудно содержать и себя и сына Юрия. Артистке пришлось самостоятельно зарабатывать на жизнь литературным трудом. Впечатления от проведённых дней в Павловском институте благородных девиц легли в основу её будущих произведений. Повести и рассказы Чарской пользовались ошеломляющим успехом, их зачитывала до дыр детско-юношеская читательская аудитория, особенно читательницы-девочки, знавшие наизусть «Записки институтки», «Княжну Джаваху», «Люду Власовскую». Читали произведения Лидии Чарской и мальчишки. Леонид Пантелеев вспоминал: «... Свидетельствую: любил, люблю, благодарен за всё, что она мне дала как человеку и, следовательно, как писателю тоже»⁹.

На долю Лидии Алексеевны в дальнейшем выпало немало несчастий. Стараясь не привлекать к себе внимание, скрывая некоторые факты своей биографии (особенно брак с первым мужем, офицером царской армии), она всё ещё пробовала зарабатывать литературным трудом, скрываясь под псевдонимом «Лидиев» или под своей девичьей фамилией Воронова. Гибель сына в Гражданскую войну, увольнение из театра в 1924 году, нищенская пенсия только обострили старые болезни (туберкулез). Л.А. Чарская ушла из жизни в 1937 году, но наследие её продолжает жить и по сей день, воспитывая в подрастающем поколении такие понятия, как дружба, благородство, человеколюбие¹⁰.

Самой известной жительницей этого дома и самой преданной ему оказалась Екатерина Павловна Корчагина-Александровская, народная артистка СССР, депутат Верховного Совета, лауреат Сталинской премии. Актриса поселилась в доме в 1915 году и прожила в нём 36 лет, вплоть до своей кончины в 1951 году. Не было в театральном мире человека, который бы не

вспомнил эту удивительную женщину и актрису, творившую на сцене чуда, прекрасно игравшую и в драме, и в комедии. В возрасте тридцати лет она добровольно ушла на ампулу комических старух, расширив этот образ и обогатив его новыми красками. Слыла импровизатором не только на сцене, но и в жизни. Любила принимать гостей, непременно угощая всех чаем с домашним печеньем и вареньем. На доме со стороны Фонтанки установлена мемориальная доска в память о ней.

В доме во все времена весь первый этаж занимали торговые помещения (зеленая, мясная, пивная лавки). В советские годы на месте старых лавок работал продуктовый магазин со схожим ассортиментом товаров. А сам дом был национализирован и подвергся уплотнению.

Многие жильцы неплохо знали друг друга еще с дореволюционного периода и, когда встал вопрос об уплотнении, некоторые из них предлагали родственникам или хорошим знакомым поселиться в их квартире, считая, что уж пусть лучше живёт кто-нибудь из своих знакомых, чем чужой. По воспоминаниям старых жильцов, не все квартиры представляли из себя типичное коммунальное жильё 1920–1930-х гг. Жили тесно, но дружно. У многих соседей двери в комнатах не имели замков. На кухне, где с утра до вечера жужжали примусы, никто никогда не ругался. Часто взрослые собирались у кого-нибудь в комнате, чтобы обсудить прочитанные книги, новый кинобювик или послушать радио. В такие моменты женщины сидели с вышиванием в руках и млели, слушая выступления Лемешева, Козловского.

Артисты ближайших театров продолжали жить в доме и в 1920-е годы: Алексей Михайлович Труненко, Евгения Гавриловна Пашутина, Александра Константиновна Де-Лазари.

В квартире № 2 второго этажа одну из комнат с 1943 года занимал Гавриил Аркадьевич Степанов-Степняк, служащий «УНО» – Управления наружного освещения, которое находилось в здании бывшего Министерства внутренних дел на ул. Зодчего Росси, 1/3. Степанов (вторая часть фамилии к 1930-м исчезла) отвечал за всё наружное освещение города. После окончания Великой Отечественной войны он преподавал в Ленинградском институте авиаприборостроения. Вместе с ним проживала супруга Елизавета Александровна Горина – директор кинотеатра «Родина», а после войны – директор кинотеатра «Знание». По воспоминаниям бывших соседей по квартире, Степановы всю жизнь коллекционировали редкий фарфор, им были заставлены все пристенные полки комнаты.

В начале 1930-х годов в доме поселился театральный режиссер Николай Васильевич Петров (1890–1964), художественный руководитель Государственного академического театра драмы им. А.С. Пушкина. Некоторые

⁹ Пантелеев Л. Как я стал детским писателем. Собр. соч.: в 4 т. Л., 1983–1985. Т. 3. С. 316.

¹⁰ «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.): сб. ст. СПб., 2014. С. 88–95.

обитатели дома на Фонтанке нет-нет, да и вспоминали его сценический псевдоним – «Коля Петер». Николай Васильевич никогда не забывал свою театральную молодость, особенно тот период, когда ему с большим успехом приходилось выступать и конферировать на сценах театров-кабаре и миниатюр «Балаганчик», «Бродячая собака», «Приют комедиантов».

Дом не обошли стороной репрессии, немало жильцов погибло в годы блокады. Некоторые послевоенные старожилы так и остались жить в этом доме, предпочитая остаться в коммунальной квартире, но не расставаться с домом и центром города.

С 2005 года в здании располагается бутик-отель «Росси». Новые владельцы, расселив немало коммунальных квартир, не спеша приступили к реставрации помещений. По возможности постарались сохранить старые интерьеры. В ходе работ был расчищен лепной декор во многих комнатах. Не уничтожено ни одного камина и печи. Они и сегодня радуют постояльцев отеля своим керамическим декором: белые глазурованные печи завода «Драгодино», Ракколаниокского гончарного завода, терракотовые фирмы «Або». Сохранились не только мраморные каминные, но и очень необычный камин, обшитый деревом с резным декором. Поражают своими интерьерами два помещения второго этажа. Входные двери одного из них украшены свинцово-паечными витражами в стиле ренессанс. В обоих помещениях стены обиты дубовыми панелями с декоративными пристенными полками. Чудом сохранились два сейфа фирмы «Сан-Галли», старый кассовый аппарат и даже один из тяжёлых металлических крюков бывшей конюшни. Старый петербургский дом обрёл новую достойную жизнь, перекинув мостик из прошлого в настоящее!

А.Е. Сербина

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ЗОДЧЕСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Трёхсотлетняя история строительства петербургских храмов была прервана в 1917 г. Лишь с 1990-х гг., когда по всей стране культовые здания стали возвращаться верующим, стали активно строиться (в том числе, и в Санкт-Петербурге) новые храмы.

Не существует специальных работ, посвящённых современной православной архитектуре Санкт-Петербурга, хотя за последние четверть века в нашем городе появилось более сотни православных культовых объектов. Цель настоящей статьи – изучить православную архитектуру в период с 1991 г. по сегодняшний день.

Искусствовед Н.Н. Мамаева, исследовавшая современную культовую архитектуру на примере православных храмов Екатеринбурга, выделяет следующие направления: «деревянный традиционализм», «каменный традиционализм», «нео- и псевдомодерн» и «новаторство»¹. Эту классификацию мы используем в данной статье применительно к современному православному зодчеству Санкт-Петербурга.

«Деревянный традиционализм»

Среди деревянных храмов Н.Н. Мамаева особо выделяет постройки, которые «не имеют отношения к архитектуре и творчеству» и строятся в дереве лишь из-за стремления к скорости и дешевизне постройки². Примеры таких церквей есть и в нашем городе. К их числу можно отнести, например, часовню во имя Рождества Пресвятой Богородицы на Заневском пр., 65, являющуюся приходом храма Рождества Пресвятой Богородицы на Малой Охте. Она не обладает никакими художественными достоинствами. Крошечная луковичная главка и крест – всё, что роднит эту часовню с привычными нам православными церквями. В остальном часовня представляет собой лишь деревянный сруб, не пригодный даже для дачного проживания ввиду

¹ Мамаева Н.Н. Тенденции современной культовой архитектуры (на примере православных храмов Екатеринбурга) // Архитектон: известия вузов. 2006. № 15. С. 101.

² Там же. С. 103.

почти полного отсутствия окон. К древнерусской традиции нас отсылают характерные ставни, которыми декорированы окошки на двух торцах строения.

Зачастую деревянные храмы – это лишь временные церкви, не предназначенные для продолжительного функционирования. Однако очень часто строительство постоянных храмов затягивается ввиду прекращения финансирования или каких-либо других причин, и временные церкви надолго остаются на своих местах. В качестве примера можно привести храм-часовню иконы Божьей матери «Утоли моя печали» (ул. Коллонтай, 21). Постоянный каменный храм для прихода строится уже на протяжении 12 лет.

Ещё более яркий пример – это часовня во имя святых мучеников младенцев Вифлеемских. Она была построена в 2012 г. близ жилого комплекса «Северная долина» в качестве начала для будущего храмового комплекса. Ожидается, что в комплекс войдут храмы святых мучеников младенцев Вифлеемских на 600–800 прихожан и мученика Уара на 200 прихожан, детский храм и воскресная школа³. Архитектор храмового комплекса – Сергей Самушенко. Однако прошло уже три года с момента постройки временной часовни, а строительство комплекса так и не началось, и так и стоит среди зарослей травы, неподалеку от ещё не до конца заселённых кварталов одинокий сруб. В отличие от часовни Рождества Пресвятой Богородицы на Заневском проспекте, данную часовню от хозяйственной постройки не отличает даже главка. Как культовое сооружение её характеризует лишь небольшой крест над тем участком строения, где должна располагаться апсида.

Общая тенденция другой подгруппы деревянных церквей («деревянный традиционализм») – следование традициям и канонам деревянной православной архитектуры. В Петербурге это направление представлено достаточно широко, однако по большей части традиция соблюдается лишь в некоторой степени и совмещается с отдельными эклектичными элементами. Дисгармонии порой добавляет и использование в деревянной храмовой архитектуре различных современных материалов⁴.

Одним из крупнейших деревянных храмовых комплексов нашего города является церковь Иоасафа Белгородского в Парголово. Она была заложена в 1994 г. на месте разрушенного после войны старого храма, а первая литургия была совершена в 1999 г. Зачастую в подобных случаях современные храмы представляют собой повторение разрушенного ранее строения, однако

³ В Парголово построили часовню, где можно осознать «грех аборта» // Интернет-газета «Карповка»: [сайт]. URL: <http://karpovka.net/2012/04/17/40276/> (дата обращения: 17.04.2016).

⁴ Бодэ А.Б. Традиции в архитектуре современных деревянных церквей // Христианское зодчество. М., 2004. С. 750.

в данном случае это не так: храм 1912 г. был каменным (на его фундаменте в середине XX в. было построено производственное здание для разместившегося на этой территории завода). Следовательно, нынешний храм заметно отличается от первоначального в том числе по своей форме. Сейчас комплекс представлен непосредственно зданием храма, строением церковно-приходского дома, гаражом и сторожкой⁵. Церковь Иоасафа Белгородского опирается на традицию в значительно большей степени, чем многие другие деревянные постройки: шатровая звонница отсылает нас к классическим образцам деревянного церковного зодчества русского Севера. Церковь представляет собой восьмерик на четверике, по манере исполнения отсылая нас к шатровой колокольне в Кижях и к церкви Успения Пресвятой Богородицы в Кондопоге (несмотря на то, что в этом храме мы наблюдаем ещё более развитую многоярусность: на нижний восьмерик поставлен ещё и верхний). Можно сказать, что верхний восьмерик Успенской церкви в церкви Иоасафа Белгородского «заменён» на звонницу с восемью столбами, поддерживающими шатёр (по примеру колокольни Кижей). Однако многие детали отличают церковь Иоасафа Белгородского от устремлённых ввысь колокольни в Кижях и Успенской церкви: четверик в ней укрыт от глаз наблюдателя двускатной крышей, обшитой гибкой черепицей. Этот материал защищает дерево от снега и дождей, однако вносит в облик церкви некоторую дисгармонию (о нарушении гармонии вследствие использования наряду с традиционными материалами современных писал А.Б. Бодэ⁶).

Ещё одна интересная деревянная церковь нашего города – церковь Николая Чудотворца на Северном кладбище. В её архитектуре трудно усмотреть традиционализм: в одном строении соединены образцы деревянного и каменного церковного зодчества, а также образцы загородной архитектуры второй половины XIX в. Здесь достаточно ярко представлена форма восьмерика на четверике, однако церковь всё равно кардинально отличается от классических образцов деревянных шатровых церквей, в которых соотношения основания и шатра не превышает 2:1. В церкви же Николая Чудотворца эти пропорции равны примерно 4:1. Главка же совсем крохотная, и облицована не характерным для шатровых церквей лемехом, а единым со всем шатром материалом – жостью. Хотя, безусловно, и в такой форме есть своё очарование, учитывая, что все пропорции точно вымерены, и каждую часть отделяет от другой лёгкая резьба (резные пояса над звонницей, над четвериком и резное обрамление широкого крыльца).

⁵ Шкаровский М.В., Барабанова Е.В. Храм во имя святителя Иоасафа Белгородского в поселке Парголово». СПб., 2011.

⁶ Бодэ А.Б. Традиции в архитектуре современных деревянных церквей. С. 756.

Интересна церковь Антония Сийского в Калининском районе (ул. Ольги Форш, 5). Несмотря на то, что Геннадий Фомичёв, автор проекта, не является сугубо православным зодчим, эта церковь также стремится соответствовать традиции. Практически квадратный четверик переходит в очень невысокий, плоский четверик, а затем в довольно высокий и массивный шатёр. Под малой главкой устроена звонница. Однако вновь мы видим дисгармонию в образе: обшитая лемехом главка как напёрсток нанизана на отделанный жёстью шатёр.

Нетипичную форму имеет церковь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Лигово (ул. Добровольцев, 32). Этот храм вовсе представляет собой «смесь» шатровой и клетской церкви: двускатная крыша и высокие арочные, словно чердачные окна сочетаются с нехарактерной формой шатра, которую можно было бы охарактеризовать как четверик на четверике.

Пожалуй, в наибольшей мере классические образцы повторяет церковь Иверской иконы Божьей матери и иконы «Всех скорбящих Радость», расположенная на ул. Коллонтай, 36. Эта шатровая церковь очень напоминает церковь в деревне Панилово Архангельской области 1600 г. постройки: по общему облику, форме и пропорциям. Она представляет собой традиционный восьмерик на четверике, а декоративная бочка на южном фасаде повторяет форму луковичной главки. Рядом с церковью сейчас возводятся ещё две деревянные постройки: второй храм и шатровая звонница.

Церковь Василия Великого на пр. Народного Ополчения, 22 сочетает в себе традиции шатровых и клетских церквей: несколько срубов, покрытых двускатными крышами, типичная для клетского типа главка, а над западным срубом возвышается шатровая колокольня, установленная по принципу восьмерик на четверике. Шатёр поддерживается звонницей с восемью столбами. Обе главки обшиты лемехом.

Клетские храмы сегодня менее популярны среди архитекторов, нежели шатровые. Однако и таких церквей достаточно в нашем городе. Довольно ярким примером могла бы служить часовня Всех святых, в земле Санкт-Петербургской просиявших в Кировском районе (ул. Бурцева, 2): несколько срубов, крупные арочные окна и крошечная главка. Однако выстроена она не из дерева, а облицована «под дерево» современным материалом, а именно сайдингом.

Церковь Константина и Елены – ещё одна клетская церковь Санкт-Петербурга. Она была выстроена к 2009 г. на ул. Доблести, 24, к. 3, на территории специального предприятия «Новое поколение», занимающегося социальной и трудовой адаптацией сложных подростков⁷. Эту церковь смело

⁷ Храм святых равноапостольных Константина и Елены: [сайт]. URL: <http://spbhram.ru/> (дата обращения: 20.04.2016).

можно назвать традиционной. Она отсылает нас к древнейшим образцам деревянной архитектуры, в том числе к самой древней клетской церкви – Ризоположения из села Бородава. Манера исполнения словно надстроенной деревянной главки напоминает нам о том, что первые клетские церкви были безглавыми. Церковь состоит из двух срубов и крыльца. Каждая из трёх двускатных крыш украшена деревянной резьбой, а северный и южный фасады основного сруба украшены бочками.

Итак, мы увидели, что в современной деревянной храмовой архитектуре господствуют две тенденции. Первая – это стремление к скорости и дешевизне постройки. Таких церквей достаточно как во всей России, так и в нашем городе. Они не представляют собой как архитектурной, так порой и духовной ценности. Вторая же тенденция – это стремление к традиционализму. Однако это стремление зачастую приводит лишь к дисгармонии, так как классические формы сочетаются с эклектичными элементами, а традиционные материалы совмещаются с современными.

«Каменный традиционализм»

Мы будем понимать под традиционной всю русскую каменную храмовую архитектуру, исключая модернистские направления рубежа XIX–XX вв. Этим мы значительно сузим рамки и увидим, что к данной группе церквей можно отнести совсем небольшое количество храмов нашего города.

Один из достаточно ярких примеров каменного традиционализма в Петербурге – это храм преподобного Сергия игумена Радонежского на Средней Рогатке (Московское шоссе, 3). Это третий храм из группы, выстроенной в парке Городов-героев: рядом находятся церковь во имя великомученика Георгия Победоносца и храм Рождества Христова, о которых речь пойдёт ниже. Три постройки – три разных стиля. Довольно резко отзывается об этой ситуации М.Н. Микишатъев: «Все три храма относятся к одному приходу. Совершенно ошибочное, на мой взгляд, расположение трёх храмов рядом, словно это жилая застройка; храмы гасят друг друга, хотя пустое пространство Парка городов-героев позволяло получить эффектное архитектурное решение, но здесь погнались за количеством, пожертвовав качеством. Видимо, архитекторы и заказчики спутали задачи культового зодчества с приемами размещения архитектуры малых форм в садово-парковых ансамблях»⁸. Сама же Церковь Сергия Радонежского отсылает нас к традициям древнего псковского и новгородского зодчества. «Многолопастные арки. Колоколь-

⁸ Микишатъев М.Н. Новые церкви, построенные в Петербурге за последние 10 лет // Информационный портал 812Online: [сайт]. URL: <http://www.online812.ru/2010/12/28/011> (дата обращения: 05.05.2015).

ня напоминает звонницы псковских храмов», – пишет М.Н. Микишатъев⁹. Но не обошёлся храм и без «изюминки»: архитекторы И.П. Любарова и А.М. Лебедев словно играют с современными материалами: крыши и купола основного храма и звонницы покрыты зелёными листьями оцинкованной жести, а крыша и главка часовни – тёмно-алыми. Однако удивительно, но в данном случае подобная, быть может, даже легкомысленная игра не создает ощущения дисгармонии, а напротив, добавляет храму легкости и света.

Стоит обратить внимание на церковь Петра апостола в Искровском парке (парке Строителей; Искровский пр., 11). Автором проекта является А.М. Лебедев (он же архитектор церквей Сергия Радонежского и Рождества Христова на Средней Рогатке). Пожалуй, этот храм наилучшим образом вписывается в окружающий ландшафт: большой равнинный парк полностью оправдывает масштабы церкви. Высота колокольни составляет более 60 м, что делает церковь архитектурной доминантой микрорайона. Авторы материала для сайта прихода атрибутируют стиль постройки как «новорусский»¹⁰, однако мы всё равно отнесём её к группе «традиционализм», так как облик постройки не характерен для рубежа XIX–XX вв., зато облик основного храма отсылает нас к традициям псковского зодчества. Однако для псковской православной архитектуры не характерно такое пёстрое многоглавие, которое мы наблюдаем у церкви Петра апостола (одна основная, пять малых и ещё две «боковых» главки), нетипично и такое обильное количество украшений. Совершенно не характерна для псковской архитектуры и колокольня (в Пскове традиционно строились не колокольни, а звонницы¹¹), которая скорее отсылает нас к московской архитектуре. Есть мнение, что храм построен в соответствии с владимирской традицией каменного зодчества¹², однако это тоже подвергается большому сомнению. Таким образом, мы видим некоторое смешение традиций, которое, однако, лишь добавляет храму очарования.

Еще одна церковь, которую мы отнесём к группе «традиционализм» – это церковь Николая Чудотворца на Коломяжском пр., 13, возведённая в 2004 г. Она построена в стиле древних новгородских храмов, тяготеющих к византийской традиции. Прообразом послужили старые церкви Николы на Липне и Петра и Павла в Кожевниках¹³. «Одноглавая, украшенная лопатка-

⁹ Там же.

¹⁰ Краткая историческая справка // Храм Первоверховного апостола Петра: [сайт]. URL: <http://ar-petra.narod.ru/histori.html> (дата обращения: 12.05.2015).

¹¹ Брунов Н.И. и др. История русской архитектуры. М., 1956. С. 37.

¹² Храм Петра апостола, 2009 год // Храмы Петербурга: [сайт]. URL: http://templespiter.ru/view_cercov.php?id=90 (дата обращения: 12.05.2015).

¹³ Николаева О. Во имя Николая Чудотворца // Комендантский аэродром. 2008. № 24 (167). С. 2.

ми и закомарами, с золотой луковкой на барабане, она напоминает церковь Покрова-на-Нерли»¹⁴. М.Н. Микишатъев в своём интервью «определил стиль как пародию на псковские храмы XIV в., подчеркнув, что трёхлопастное завершение фасадной стены является чистым украшательством и не отражает конструкцию перекрытий»¹⁵. Однако историк не объяснил, что должно мешать архитекторам использовать декоративные элементы. Проблема храма заключается в неудачно выбранном месторасположении: он стоит посреди производственных и складских помещений, что заставляет воспринимать его как достаточно нелепую постройку.

Итак, мы рассмотрели несколько храмов, отнёсших нами к группе «каменный традиционализм». В результате мы увидели, что совсем немного храмов Санкт-Петербурга мы можем назвать традиционными, следующими основным православным архитектурным традициям. Но даже эти немногие постройки, как правило, нельзя назвать в полной мере традиционными: мы видим либо смешение разных школ и традиций, либо использование современных материалов наряду с классическими. Нужно отметить, что такая тенденция характерна для архитектуры не только нашего города, но и всей страны.

«Нео- и псевдомодерн»

Многие архитекторы полагают, что современное зодчество должно взять в качестве точки отсчёта ту стадию развития православной архитектуры, на которой оно остановилось в 1917 г. В ту пору в архитектуре господствовали различные направления модерна и эклектики, в том числе нео- и псевдорусский и нео- и псевдовизантийский стили. Храмы, построенные согласно этой идее, можно отнести к условной группе «нео- и псевдомодерн».

Н.Н. Мамаева отмечает, что архитектура подобных церквей сочетает в себе канонические формы и архитектуру русского модерна. Как правило, эти храмы оштукатурены или «непосредственно используют выразительные возможности кирпичной кладки»¹⁶.

Нужно отметить, что в этой группе культовых построек господствует стиль, атрибутируемый архитекторами как неорусский. Однако далеко не всегда с этим именованием можно с лёгкостью согласиться. Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров таких церквей.

¹⁴ Святко Н. Дорога к храму // Народный каталог православной архитектуры: [сайт]. URL: <http://sobory.ru/article/?object=08035> (дата обращения: 11.04.2016).

¹⁵ Микишатъев М.Н. Новые церкви, построенные в Петербурге за последние 10 лет (дата обращения: 12.05.2015).

¹⁶ Мамаева Н.Н. Тенденции современной культовой архитектуры (на примере православных храмов Екатеринбурга). С. 105.

Одна из тенденций современной каменной храмовой архитектуры – это редкое использование шатровой формы. Вероятно, связано это с тем, что шатровое каменное зодчество не все могут назвать традиционным, отдавая предпочтение купольной форме, а в последние два десятилетия мы наблюдаем явное стремление к традиционализму и во многом к возвращению к истокам древнерусской архитектуры. Но есть и постройки, не следующие этой тенденции. Среди них можно выделить часовню Николая Чудотворца в память храма Спас-на-Водах (наб. Ново-Адмиралтейского канала). Она была возведена на месте разрушенного в годы советской власти храма Спас-на-Водах по проекту архитектора и реставратора Д.А. Бутырина, являющегося также инициатором и автором проекта воссоздания самого храма. Храм Спас-на-Водах был посвящён морякам, погибшим в Цусимском сражении, как и нынешняя часовня, заложенная 27 мая 1998 г. – в годовщину Цусимского сражения¹⁷. Крест часовни повторяет форму креста храма, взорванного в 1932 г.: в его силуэте использованы стилизованные штурвал и якоря¹⁸. Формы часовни вызывают в памяти отдельно взятую венчающую часть храма: восьмерик и сам шатёр. Часовня облицована белым камнем – так называемым Старицким мрамором, которым облицовывались многие памятники древнерусской архитектуры.

Во многом деление на группы достаточно условно. Зачастую трудно понять, к какой группе отнести тот или иной храм. Наиболее тонкая грань – между такими группами как «традиционализм» и «нео- и псевдомодерн» и «нео- и псевдомодерн» и «новаторство». В качестве примера можно привести церковь Державной иконы Божьей матери при больнице центральной медсанчасти № 122 (пр. Культуры, 4а). Церковь строилась на протяжении 10 лет: с 1999 по 2009 г. по проекту архитектора Б.П. Богдановича. Сначала был открыт нижний храм, расположенный в полуподвальном помещении, находящемся под чем-то вроде постамента для церкви. Этот «постамент» делает храм визуально выше, благодаря чему храм играет роль архитектурной доминанты микрорайона, однако выглядит достаточно нелепо. Но самая главная особенность нижнего храма и самый грубый и смелый отход от канонов – это размещение входа в нижний храм не с западной, а с восточной стороны. Сам храм тоже достаточно нетипичен. Он состоит из двух прямоугольных ярусов. Силуэт его довольно массивен, однако узкий и небольшой купол опирается на такую же узкую звонницу. Верхний ярус

¹⁷ Храм Спас-на-Водах в Петербурге // Другой Петербург: [сайт]. URL: <http://drugouypiter.ru/lost/spas-na-vodah.htm> (дата обращения: 08.04.2016).

¹⁸ Освящение часовни // Санкт-Петербургский Комитет восстановления храма Спас-на-Водах: [сайт]. URL: <http://www.spas-na-vodah.spb.ru/> (дата обращения: 08.04.2016).

украшен довольно грубыми кокошниками, а верхняя часть апсиды – дуговой колоннадой. Автор материала на «Архитектурном сайте Петербурга» отмечает: «Здание храма, как и большинство современных церквей, кирпично-монолитное. Автор считает, что современным конструкциям должен отвечать и современный облик. Традиционными должны быть только купола и алтарная часть»¹⁹. Особо отмечается пятиметровый крест церкви: он является первым после революции зеркальным крестом, и особенность его заключается в том, что он покрыт сусальным золотом, а в конструкцию вставлены зеркальные пластины, дающие эффект сияния²⁰. М.Н. Микишатъев называет эту церковь «комичной», говоря о нелепых формах и о бездумном использовании декоративных элементов. А на фоне «мрачного здания 122-й медсанчасти, облицованного тёмным кирпичом», храм, по его мнению, выглядит ещё более нелепо²¹. Однако игумен Александр Фёдоров, председатель архитектурной комиссии Санкт-Петербургской епархии, отмечает, что храм Державной иконы Божьей матери очень хорошо вписывается в окружающий ансамбль и при этом отражает не только основные тенденции современной архитектуры, но и классические идеалы древнерусского зодчества²².

Находит отражение в современном храмостроении и неовизантийский стиль. Примером тому может служить церковь Сретения Господня у Муринского ручья (Гражданский пр., 101). Его также особо отмечает в интервью программе «Экклесия» для радио «Град Петров» отец Александр. Этот храм имеет форму так называемого тетраконха, то есть он на все четыре стороны обращён апсидами. Интересны и материалы, из которых построен храм: в основном это кирпич, однако своды выполнены с помощью металлических конструкций, облицованных деревом, что позволяет в случае необходимости сделать внутреннюю роспись. Отец Александр также отмечает хорошее пространственное решение храма: он расположен на берегу Муринского ручья, а не среди жилой застройки, и тем самым сглаживаются его достаточно

¹⁹ Церковь Державной иконы Божьей матери // Архитектурный сайт Петербурга: [сайт]. URL: <http://www.citywalls.ru/house6920.html> (дата обращения: 05.05.2015).

²⁰ Впервые после революции крест, изготовленный в уникальной зеркальной технике, установлен на новом храме в Петербурге // Седмица.ру: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»: [сайт]. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/367607.html> (дата обращения: 06.05.2015).

²¹ Микишатъев М.Н. Новые церкви, построенные в Петербурге за последние 10 лет (дата обращения: 05.09.2015).

²² Современная храмовая и светская архитектура Санкт-Петербурга. Беседа с председателем архитектурной комиссии Санкт-Петербургской епархии, настоятелем храма св. Екатерины в Академии художеств игуменом Александром (Фёдоровым) // Град Петров: радио Санкт-Петербургской митрополии: [сайт]. URL: <http://www.grad-petrov.ru/broadcast/sovremennaya-hramovaya-i-svetskaya-arhit/> (дата обращения: 07.03.2016).

большие размеры²³. Краевед, реставратор и архитектор М.Н. Микишасьев отмечает, что Сретенский храм – «это один из двух храмов, которым, на наш взгляд, можно поставить твёрдую пятёрку». В качестве единственного минуса он называет гранитную облицовку первого этажа – по его мнению, она выбивается из общего восприятия строения и не сочетается с кирпичной кладкой стен²⁴.

Достаточно обсуждаемым в архитектурном плане храмом стала освящённая в 2004 г. церковь Иоанна Кронштадского на углу пр. Стачек и Ленинского пр. Она не похожа ни на один из классических образцов каменной храмовой архитектуры, даже если считать классическими в том числе и постройки рубежа XIX–XX вв. Однако отнесём мы её именно в группу «нео- и псевдомодерн», так как, в частности, М.Н. Микишасьев атрибутирует её стиль как неорусский. После осмотра с корреспондентами одного из интернет-изданий некоторых современных православных храмов историк отметил: «Архитектура храма воскрешает образы „неорусского стиля“, одного из ответвлений модерна начала XX века. Она явно напоминает о работах А. Щусева и других мастеров этого направления. Очень стильно. Характерная для модерна мелкая расстекловка окон, нависающий деревянный карниз. Практически идеальные пропорции, цветовое решение, выделяющее храм как яркое пятно. На мой взгляд, лучшее культовое здание из тех, которые мы осматривали»²⁵. Церковь действительно выделяется из всех ранее рассмотренных нами. Однако внешне она напоминает не столько церковь, сколько дом из детских сказок. Впрочем, это не удивительно: автор проекта, И.Н. Князев, наибольшую известность получил как архитектор ряда особняков и загородных коттеджей в стиле ретроспективизм²⁶. Вот как описывается этот храм в статье, вышедшей в период его активного строительства: «Удивительный храм вырастает на углу проспекта Стачек и Ленинского проспекта, – будто с неба упала нечаянная бирюзовая слеза, но не впиталась в землю, а застыла и стала храмовым куполом. И, только подойдя поближе, увидев строительные леса, радостно удивляешься, что слеза эта – рукотворная»²⁷. Изначально этот храм планировался лишь как часовня, а основной храм должен был вырасти рядом. Однако уже в процессе строительства было решено,

²³ Там же.

²⁴ Микишасьев М.Н. Новые церкви, построенные в Петербурге за последние 10 лет (дата обращения: 10.05.2015).

²⁵ Современная храмовая и светская архитектура Санкт-Петербурга. Беседа с председателем архитектурной комиссии Санкт-Петербургской епархии, настоятелем храма св. Екатерины в Академии художеств игуменом Александром (Фёдоровым) (дата обращения: 10.05.2015).

²⁶ Князев И.И.: [сайт]. URL: <http://www.ivanspb.ru/index.htm> (дата обращения: 10.05.2015).

²⁷ Бирюзовые купола // Православный Санкт-Петербург. 2004. № 4 (147).

что и эта часовня станет полноценным храмом, но и планы возведения рядом большого собора сохранились. Расположение для церкви выбрано весьма удачно: на небольшом возвышении и в некотором удалении от жилья, однако нелегко сказать, насколько хорошо она вписывается в окружающую местность – просто в силу её необычного облика.

Храм Рождества Христова на Средней Рогатке – ещё одна интересная постройка нашего города. Он расположен в Парке городов-героев в окружении ещё двух храмов. Главная особенность храма Рождества Христова – это количество главков (их у него аж 17). Это самый многоглавый собор Санкт-Петербурга. Он состоит из основного крестово-купольного храма в неорусском стиле и высокой шатровой колокольни. Однако несмотря на стремление к традиционализму, облик этого храма несколько напоминает восточную мечеть с массивным куполом и минаретами. Неподдалеку от Рождественского храма расположилась церковь во имя Великомученика Георгия Победоносца. Она выстроена в совершенно ином стиле, что не позволяет называть эту группу храмов храмовым комплексом. В ней мы видим сочетание подражания деревянным церквям русского Севера и некоторые готические черты. По отдельности оба этих храма смотрятся достаточно интересно, однако их столь близкое расположение друг к другу делает их довольно нелепыми.

Стоит отдельно рассмотреть храм Рождества Христова на ул. Коллонтай, 17, который также называют Петербургским храмом Христа Спасителя. Первая литургия в нём была отслужена в январе 2008 г. Пробразом для него, вероятно, послужил Софийский собор в Новгороде, а в целом храм отсылает нас к культовым постройкам конца XIX в. в неовизантийском стиле. Однако по мнению М.Н. Микишасьева, этот храм словно «притворяется постройкой XIX века»²⁸. То есть, в результате такого «прямолинейного анархизма», практически полного отсутствия современных, эклектичных элементов, храм производит впечатление «плагиата». Вдобавок к этому, постройку окружают высокоэтажные жилые кварталы, что не даёт возможности в полной мере оценить архитектурные особенности храма.

Итак, среди храмов, отнесённых нами к группе «нео- и псевдомодерн», господствует стремление архитекторов взять за точку отсчёта православную архитектуру рубежа XIX–XX вв. «Лидирующую» позицию здесь занял неорусский стиль (именно так говорят о своих проектах многие архитекторы). Однако представлен в современной храмовой архитектуре Санкт-Петербурга и неовизантийский стиль. Характерной чертой многих храмов, отнесённых нами к этой группе, является смешение различных архитектурных школ и

²⁸ Микишасьев М.Н. Новые церкви, построенные в Петербурге за последние 10 лет (дата обращения: 10.11.2015).

порой даже стилей, нередкое использование современных материалов и конструкций.

«Новаторство»

К этой группе Н.Н. Мамаева относит постройки «с явным нарушением всех православных канонов». Подобный пример можно найти и в нашем городе – это церковь Алексия, митрополита Московского при госпитале ветеранов войн (Народная ул., 21, корп. 2Я). Лишь во второй половине 2000-х гг. здесь появился храм, а создан он был в бывшем морге (здание было построено в 1970-е годы)²⁹. Использование первоначального здания могло бы дать довольно интересный результат, однако экстерьер здания морга не подвергся фактически никаким изменениям, лишь сверху был словно «положен» плоский купол с высоким крестом.

Самым ярким примером, который мы можем отнести к этой группе, можно назвать храм святого праведного воина Фёдора Ушакова. Главная особенность этого храма – это то, что он является первой в XXI в. домовою церковью. Он построен архитекторами А. Шретером и А. Головиным по заказу застройщика участка по пр. Королёва, 7. Позади храма возвышается многоэтажный жилой комплекс, а сам храм заключён между зданиями торгового комплекса и фитнес-центра. Интернет-газета «Фонтанка.ру» пишет: «Фотографию строящегося дома 7 по проспекту Королёва в редакцию „Фонтанки“ прислали жители Приморского района, потрясённые небывалым зрелищем: между двумя остеклёнными полукружиями многоэтажного дома выросла сиренево-розовая часовенка, вершина креста доходит примерно до седьмого этажа (на уровне трети здания). Композицию органично дополняет украшающая вход в храм ярко-красная растяжка магазина „Диета-18“, компания сообщает о своём открытии в сентябре и приглашает желающих на работу. „Что бы это значило?“ – задаётся сакраментальным вопросом автор фотографии». Храм и правда производит довольно странное впечатление. Не случайно в народе его прозвали «Спасом на „Диете“»³⁰. Однако проект его строительства был одобрен как Комитетом по градостроительству Санкт-Петербурга, так и Санкт-Петербургской епархией: по словам председателя Санкт-Петербургской Епархиальной комиссии по архитектурно-художественным вопросам игумена Александра, храм не противоречит никаким

²⁹ Морг и церковь Святителя Алексия Митрополита Московского при Санкт-Петербургском госпитале ветеранов войн // Архитектурный сайт Петербурга: [сайт]. URL: <http://www.citywalls.ru/house22828.html> (дата обращения: 19.08.2015).

³⁰ На Королёва тушили пожар в фитнес-центре при «Спасе на „Диете“» // Интернет-газета «Канонер». [сайт]. URL: <http://kanoner.com/2014/12/30/142747/> (дата обращения: 11.04.2016).

православным канонам – а значит, вполне может существовать. «Фонтанка» отметила, что городские архитекторы отказались комментировать возведение такого храма³¹.

Таким образом, к группе «новаторство» мы можем отнести постройки, не нашедшие себе места во всех остальных группах. Для них характерен совершенно непривычный для нас облик, а их возведение непременно вызывает достаточно большой общественный резонанс.

Итак, мы рассмотрели четыре основные группы, на которые можно условно поделить все православные храмы, построенные в Санкт-Петербурге в период с 1991 г. по сегодняшний день. Эти группы можно приравнять к четырём основным тенденциям в современном храмостроении. Первая группа объединяет две тенденции в деревянной архитектуре: это, с одной стороны, стремление лишь к дешёвизне и скорости постройки (такие церкви не представляют собой никакой художественной ценности), а с другой стороны – стремление к традиционализму. Вторая группа характеризуется как «каменный традиционализм» – это храмы, опирающиеся на образцы классической древнерусской архитектуры. Проблема обеих «традиционалистических» тенденций (в деревянной и в каменной архитектуре) заключается в том, что зачастую архитекторы не в полной мере соблюдают традиционализм, а отходят от него, используя различные современные материалы, эклектичные элементы или же просто совмещая в одном проекте традиции нескольких школ древнерусского зодчества. Третья группа – «нео- и псевдомодерн». Церкви, относящиеся к этой группе, опираются на православную архитектуру рубежа XIX–XX вв. – не случайно некоторые исследователи и архитекторы считают, что современное зодчество должно в качестве точки отсчёта брать именно ту стадию, на которой остановилось храмостроение в 1917 г. Такие храмы господствуют в современной православной архитектуре Петербурга, так как различные направления модерна дают большую возможность для свободы творчества, поэтому среди этой группы можно найти наибольшее количество интересных образцов. Последняя, четвертая тенденция характеризуется как новаторство. Храмы этой группы характеризуются отступлением от канонов и поиском нового пути в архитектуре. Таких церквей в нашем городе всего несколько, и об удачности этих проектов трудно судить в силу непривычности их облика для нашего взгляда.

Все эти группы были выделены на основании исследования Н.Н. Мамаевой «Тенденции современной культовой архитектуры (на примере православных храмов Екатеринбург)». Мы увидели, что такое деление вполне

³¹ Обухова К. Торгово-храмовый жилой комплекс // Петербургская интернет-газета «Фонтанка.ру». [сайт]. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/07/28/050/> (дата обращения: 17.05.2015).

применимо и к архитектуре Петербурга. Также на примере современного православного зодчества нашего города можно проследить и другие тенденции, характерные для современного российского храмостроения. В числе этих тенденций можно перечислить стремление к традиционализму и опору на классические образцы древнерусской и русской православной архитектуры, частое использование современных материалов и конструкций, далеко не всегда становящееся достоинством в визуальном восприятии готового храма. Немаловажным является и то, что сейчас проектированием и строительством православных храмов занимаются в основном светские архитекторы – в России существует лишь несколько мастерских, специализирующихся исключительно на православном зодчестве.

В качестве вывода можно привести цитату из статьи Н.Н. Мамаевой: «О появлении каких-то новых стилей пока говорить нельзя. Но это естественно: 15 лет – слишком малый срок для того, чтобы появился какой-то новый стиль, они формируются столетиями. Пока можно говорить лишь о том, что православный консерватизм активно проявляет себя в храмостроении (те же тенденции отмечаются и по всей стране)»³² – пусть консерватизм этот проявляется по-разному и опирается на архитектурные формы разных эпох.

³² Мамаева Н.Н. Тенденции современной культовой архитектуры (на примере православных храмов Екатеринбурга). С. 106.

С.Ю. Силаева

АРХИТЕКТОР ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ ПОКОТИЛОВ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА ИНЖЕНЕРНОЙ УЛИЦЫ

Дмитрий Викторович Покотилев (1842–1899), военный инженер-строитель, окончил 1-й кадетский корпус в 1860 и Николаевскую инженерную академию в 1864 г.¹ После окончания академии, занимая с повышением различные инженерные должности и получая очередные воинские звания, руководил строительными работами и проектировал здания в Новочеркасске, Одессе и Варшаве.

С 1877 г. Д.В. Покотилев в Санкт-Петербурге, продолжая заниматься архитектурой и строительными делами, исполнял в Главном управлении военно-учебных заведений должности чиновника особых поручений 5-го класса и начальника строительной части.

В 1889 г. он стал начальником 1-ой Санкт-Петербургской инженерной дистанции и непосредственно заведовал всеми находящимися внутри его района воинскими зданиями, сооружениями, инженерными заведениями и проч., а также всеми производящимися работами.

Спустя несколько лет Д.В. Покотилев возвращается в Главное управление военно-учебных заведений на должность инспектора по строительной части. На этой должности он будет трудиться до августа 1899 г.

Кроме обязанностей по военной службе Д.В. Покотилев активно занимался общественной деятельностью. Он был одним из старейших и виднейших деятелей Санкт-Петербургской Городской Думы², в состав которой был избран в 1885 г. За 14 лет работы в Городской Думе он состоял³:

в 1885 г. – членом Кандидатской комиссии и комиссии для обсуждения вопросов, касающихся устройства коммерческого порта;

в 1886 г. – членом Финансовой комиссии и Комиссии по надзору за водоснабжением города и представителем от города в Министерстве Финансов

¹ Волков С.В. Генералитет Российской Империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 2. М., 2009.

² Некролог // Петербургская газета. 1899. 20 августа. С. 3.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 513. Оп. 13. Д. 76. Л. 2.

по вопросу об устройстве в плавучих мостах на р. Неве приспособлений для более удобного прохода судов;

в 1886–1899 гг. – гласным от города в Санкт-Петербургском губернском земском собрании;

в 1890 г. – председателем Комиссии по техническо-судоостроительной части;

в 1894 г. – председателем Санитарной комиссии, членом Больничной комиссии и попечителем Александровской больницы;

в 1895 г. – членом Комиссии об отношениях г. Санкт-Петербурга к Губернскому Земству по участию столицы в Губернских земских расходах;

в 1898 г. – председателем постоянной Финансовой Комиссии.

Д.В. Покотилов скончался 18 августа 1899 г. Учитывая длительный и весьма полезный срок его пребывания гласным, Санкт-Петербургская Городская Дума 15 сентября 1899 г. провела заседание с повесткой дня «Об увековечивании памяти покойного гласного С.-Петербургской Городской Думы Дмитрия Викторовича Покотилова». В журнале Думы о состоявшемся заседании 15 сентября 1899 г. записано⁴:

«Городским Головою доведено до сведения собрания, что 18 августа 1899 г. скончался гласный С.-Петербургской Городской Думы, инженер-генерал майор Дмитрий Викторович Покотилов. Во внимание к разносторонней, почтенной деятельности гласного, который в течение ряда лет, с 1885 по 1899 гг., бескорыстно служил делу улучшения благосостояния города С.-Петербурга, Собрание почтило память покойного вставанием и единогласно постановило: 1) выразить семье почившего соболезнование С.-Петербургской Городской Думы по поводу столь тяжкой утраты и 2) поручить Городской Управе представить, в ближайшем будущем, доклад о способе увековечивания памяти этого выдающегося общественного деятеля».

В память о благотворительной деятельности Д.В. Покотилова в качестве попечителя Александровской больницы в Петербурге в 1900 г. было принято решение выставить его портрет в зале больницы и присвоить его имя одной из её мужских палат⁵.

Спустя 117 лет после смерти Д.В. Покотилова, можно сказать, что память о нём увековечена его архитектурным творчеством и строительной деятельностью. Наследие Покотилова в Санкт-Петербурге – 9 зданий⁶. Все они дошли до нас в неизменном виде.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 13. Д. 76. Л. 1.

⁵ Московские ведомости. 1899. № 232. 24 августа; Санкт-Петербургские ведомости. 1900. № 54. 25 февраля.

⁶ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века: справочник / под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 247–248.

Одно из них – дворовый корпус на Загородном пр., 28, в котором находится музей-квартира Н.А. Римского-Корсакова. В этой квартире композитор написал 11 опер – «Садко», «Сказку о царе Салтане», «Царскую невесту», «Золотого петушка», «Кашея Бессмертного» и др. В гостях у Римского-Корсакова бывали почти все известные композиторы и музыканты эпохи. Поэтому он любил устраивать дома музыкальные вечера, превращая своё жилище в своеобразную экспериментальную лабораторию, главным испытательным полигоном которой стал беккеровский рояль. Обычно такие встречи композиторов и певцов проходили два раза в месяц, по средам, и их стали называть «Корсаковскими средами» или «нечётными средами».

Следующий дом Д.В. Покотилова – доходный дом А.П. Покотиловой, расположенный на ул. Чайковского, 81, органично вписался в её архитектурный облик, сформированный в основном в середине – второй половине XIX в., во времена господства эклектики. История постройки этого дома весьма интересна. В 1874 г. участок, на котором сейчас находится этот дом, приобрела жена Д.В. Покотилова – Александра Павловна. В 1876 г. Д.В. Покотилов к существовавшему дому в 4 этажа, шесть окон, с воротами и очень скромной отделкой пристроил новый дом в 4-е этажа и 5-й этажный надворный флигель. Построенный дом украшает обильная лепка, рустовка «под шубу», фигурный фронтон. На фасаде, в центре 2-го этажа – эркер на кронштейнах.

Судьба этого дома непростая и, как оказалось, запутанная⁷. А.П. Покотилова взяла у Александры Фёдоровны Кельчевской, жены статского советника, в долг 50 тысяч рублей, но в этом же году умерла. Её муж, Д.В. Покотилов, долг оплатить не сумел, и в 1890 г. дом был выставлен на торги. Дом приобрела дочь А.Ф. Кельчевской – Ольга Феликсовна, в замужестве – Дзичканец. А в дальнейшем в историю архитектуры Санкт-Петербурга вкралась ошибка. На популярном архитектурном сайте Санкт-Петербурга (www.citywalls.ru) дом, который построил Д.В. Покотилов (доходный дом А.П. Покотиловой), указан как доходный дом Дзичканец (год постройки – 1865, архитектор – Э.Г. Юргенс), а дом справа – как доходный дом А.П. Покотиловой, хотя к этому дому Д. В. Покотилов только пристроил свой красивый дом.

Доходный дом на ул. Марата (бывшей Николаевской), 16 построен в 1880–1881 гг. Архитектор Д.В. Покотилов включил в новую постройку старые здания генеральши Комаровой. Он и сам поселился здесь, и к тому же долгое время владел домом, о чём свидетельствует выписка из «Адресной книги СПб П.О. Яблонского за 1896 г.»⁸ (Владелец дома – Покотилов Дм. Викт., генерал-майор – Николаевская, 16).

⁷ Бройтман Л., Дубин А. Улица Чайковского. СПб., 2010. С. 445–447.

⁸ Адресная книга города С.-Петербурга на 1896 год. СПб., 1896.

Дом построен в популярном тогда стиле эклектика. Внешний фасад здания обложен красным кирпичом, который в сочетании с изысканно оформленными окнами выглядит нарядно. Внутреннее убранство дома достаточно сдержанное.

С 1910 по 1914 г. в 20-й квартире этого дома жила семья Шостаковичей с маленьким Митей, будущим великим композитором.

Жилой дом штаба Гвардейского корпуса. Миллионная ул., 38. Стиль – неоренессанс. Спроектирован и построен Д.В. Покотиловым совместно с архитектором Грейфаном Христианом Ивановичем в 1883–1884 гг. В XVIII в. на месте дома № 38 находился почтовый двор. Вступив на престол, Павел I приказал снести здание почтамта и построить на его месте манеж.

В доме штаба Гвардейского корпуса располагались служебные апартаменты генералитета штаба Императорской гвардии.

И всё же главное детище Покотилова – комплекс зданий на Инженерной улице и дом военного министра, рядом, на Садовой ул., 4. Они гармонично вошли в архитектурный облик территории Инженерной улицы, начало формирования которого положили великие зодчие Санкт-Петербурга – В.Ф. Бренна, К.И. Росси, А.П. Брюллов и др.

Территория, находящаяся возле современной Инженерной ул., начала застраиваться в середине XVIII в. Рядом с местом слияния Мойки и Фонтанки архитектором Ф.Б. Растрелли в 1743 г. был построен Летний дворец Елизаветы Петровны.

В годы царствования Павла I на месте обветшалого Летнего дворца был построен Михайловский замок (проект архитектора В. Баженова с доработкой Винченцо Бренна). В 1819 г. ансамбль бывшей павловской резиденции был передан Военно-инженерному ведомству, и Михайловский замок стали называть Инженерным, так как в нём было размещено Главное инженерное училище. Там же, в двух трехэтажных павильонах замка (левая и правая кордегардии), находились Инженерный департамент и штаб инженерной части. Здания экзерциргауза и малых (западных) конюшенных корпусов были заняты казармами Учебного Сапёрного батальона. Размещение этих учреждений показано на плане Санкт-Петербурга 1828 г., выполненном генерал-майором Ф.Ф. Шубертом⁹.

Генеральным планом Михайловского замка предусматривалось, что в зданиях, расположенных по современным адресам Садовая ул., 6, Инженерная ул., 6 и Садовая ул., 8, Инженерная ул., 7, должны были размещаться службы и жильё. В дальнейшем в этих зданиях разместился Учебный Са-

⁹ Подробный план Санкт-Петербурга 1828 г. генерал-майора Шуберта // Это место: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_1828/ (дата обращения 18.11.2016).

пёрный батальон, казармы которого показаны на плане генерал-майора Шуберта.

По ходатайству Великого Князя Николая Николаевича, вступившего в управление Инженерным корпусом, 5 сентября 1856 г. императором Александром II было принято решение об учреждении Технического Гальванического заведения и Гальванической учебной роты. Для размещения заведения и роты были отведены казармы Учебного Сапёрного батальона¹⁰.

В 1872–1874 гг. вместо здания по адресу Инженерная ул., 6 архитектор Д.В. Покотилов спроектировал и построил для Технического Гальванического заведения здание, которое вошло в архитектурную историю Санкт-Петербурга как казарма Гальванической роты (с 1894 г. – Военная электротехническая школа). Стиль – эклектика.

В ноябре 1897 г. и апреле 1900 г. были проведены работы по надстройке здания школы¹¹.

В 1894 г. Техническое Гальваническое заведение было преобразовано в Военную электротехническую школу, а в 1914 г. – в Петроградскую Офицерскую электротехническую школу. В настоящее время – это (официальное название) Военная ордена Ленина Краснознамённая академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Будённого.

В Техническом Гальваническом заведении преподавал выдающийся физик и электротехник, член Петербургской академии наук академик Борис Семёнович Якоби.

Именно он изобрёл гальванопластику, с помощью которой позднее были украшены интерьеры Исаакиевского собора, Эрмитажа, Зимнего дворца, произведены медные копии с форм для печатания денег, а также географических карт, почтовых марок, художественных гравюр. Борис Якоби в 1850 г. создал первый в мире буквопечатающий телеграфный аппарат, изобретение которого было признано одним из крупнейших достижений электротехники середины XIX в.

Техническое Гальваническое заведение может гордиться своим выпускником 1869 г. Яблочковым Павлом Николаевичем, внедрившим в мировую практику применение переменных токов, трансформаторы и дуговые светильники под названием «Русский свет». В конце 1878 г. по системе Яблочкова были освещены казармы Кронштадтского учебного экипажа и площадь у дома, занимаемого командиром Кронштадтского морского порта. 4 декабря 1878 г. свечи Яблочкова (8 шаров) впервые осветили в Петербурге Большой театр.

¹⁰ Краткий исторический очерк Технического гальванического заведения. СПб., 1869.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 914. Л. 221.

В годы Первой мировой войны окончили Петроградскую Офицерскую электротехническую школу:

- выдающиеся советские учёные в области радиосвязи и радиотехники – М.А. Бонч-Бруевич, П.Н. Куксенко, В.М. Лещинский, П.А. Остряков;
- известные советские военные инженеры – Е.В. Антулаев, Н.П. Баранов;
- знаменитые советские разведчики – Яков Файвуш, Лев Термен (учёный-радиофизик и музыкант с консерваторским образованием. Изобретатель электромузыкальных инструментов (терменовокс) и телеметрических систем. Американский миллионер и советский разведчик. Заключённый в лагере и лауреат Сталинской премии) и др.

И ещё один знаменательный факт в истории этого здания. В 2014 г. Войска ПВО страны отметили 100 лет со дня своего создания. Но как-то скромно умолчали, что своё начало они берут с адреса: Санкт-Петербург, Инженерная ул., 6, где на территории Офицерской электротехнической школы располагался штаб воздушной обороны Петрограда и Царского Села¹². А руководил воздушной обороной начальник школы генерал-майор Георгий Владимирович Бурман, известный учёный-электротехник.

В здании по Инженерной ул., 7 вместо служб Михайловского замка с 1820-х годов располагались казармы Учебного Сапёрного батальона. В 1856 г. эти помещения были переданы Техническому Гальваническому заведению и Гальванической учебной роте. В 1873 г. здание было перестроено в стиле эклектики по проекту архитектора Д.В. Покотилова и вошло в энциклопедию архитектуры Санкт-Петербурга как Казарма Сапёрного батальона.

С момента ввода в эксплуатацию (1873 г.) и до 1919 г. здание находилось в ведении Инженерного ведомства и в нём располагались Гальваническая (с 1894 г. – электротехническая) Учебная рота, мастерские Технического Гальванического заведения (с 1894 г. – Военной электротехнической школы) и служебное жильё офицерского состава¹³.

Особняк военного министра (Садовая ул., 4) – один из характерных примеров городской архитектуры второй половины XIX в. Он относится к типу зданий с усадебной застройкой участка. Проект особняка принадлежит архитектору Р.Б. Бернгарду, строительством занимался Д.В. Покотилов, а оформлением интерьеров – архитектор О.Г. фон Гиппиус. В этом доме проживали и работали все военные министры, занимавшие эту должность до 1917 г., в том числе и известный военный реформатор Д.А. Милютин.

¹² Великанов Е.Н., Голотюк В.Л., Лаишков А.Ю., Ужанов А.Е. Звёзды противовоздушной обороны России / под ред. Швеца Н.Н.М., 2004.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 914. Л. 30, 32, 93.

Продуманная, уникальная для своего времени, планировка комфортабельного дома давала возможность министру совмещать службу, работу своей канцелярии, с общественными обязанностями и с жизнью многодетной семьи в присутствии посетителей, многочисленных служащих и прислуги. Лестница особняка расписана в помпейском стиле, зал оформлен в стиле Людовика XV, дамские гостиные — в стиле Людовика XVI и т.д. В исторических интерьерах представлены прекрасные комплекты художественной мебели и декоративного убранства парадных и жилых комнат 1880–1900 гг.

Не менее значима история дома по Инженерной ул., 9. В 1867 г. по инициативе лейб-медиков Ф.Я. Кареля и П.А. Нарановича, правоведа К.П. Победоносцева (в будущем – обер-прокурора Святейшего Синода) и военного министра Д.А. Милютина при активном участии баронессы М.П. Фредерикс и фрейлины М.С. Сабининой было создано Общество попечения о больных и раненых воинах.

Первоначально Общество занималось преимущественно помощью военно-медицинскому ведомству в уходе за ранеными. В 1879 г. Общество было переименовано в Российское общество «Красного Креста» и его деятельность приняла более широкие благотворительные формы.

В 1876 г. архитектором Д.В. Покотиловым было построено Здание Общества попечения о больных и раненых воинах – Здание Главного управления Российского общества «Красного Креста». За 140 лет своего существования внешний вид здания остался неизменным.

Здание Главного инженерного управления задает загадку. По современному адресу Инженерная ул., 13 расположены бывшие конюшни, построенные архитектором В.Ф. Бренна в 1799–1800 гг. и перестроенные в 1823–1824 гг. архитектором К.И. Росси. Здание построено в стиле классицизм, и является памятником архитектуры федерального значения. Далее по той же Инженерной ул., под тем же номером 13 находится ещё один дом, резко отличающийся по стилю.

На карте этого района видно, что к зданию Конюшен по адресу Инженерная ул., 13 примыкают другие постройки, которые вместе образуют комплекс зданий треугольной в плане формы, занимающий всё пространство по адресу Инженерная ул., 13, Караванная ул., 1х и пл. Белинского. Однако, это не единый ансамбль, так как остальные здания, примыкающие к зданию Конюшен, пристроены в 1880–1882 гг. архитекторами Покотиловым Д.В., Грейфоном Х.И., Карбоньером А.А. для Инженерного Ведомства, Главного управления казачьих войск и Главного военно-медицинского управления.

В 2001 г. дом включён КГИОПом в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность».

В заключение – несколько слов о семье Д.В. Покотилова. Был дважды женат. Первая жена (Александра Павловна) умерла в 1881 г., для второй жены – Покотиловой М.К., спустя 10 лет после смерти Д.В. Покотилова, архитектор Лялевич М.С. построил особняк в стиле неоренессанс на Каменно-островском пр., 48.

От первого брака у Д.В. Покотилова было трое детей:

– сын Дмитрий – известный учёный, китаист, российский чрезвычайный посол и полномочный министр в Китае, состоял членом правления русско-китайского и русско-корейского банков, а также Китайско-Восточной железной дороги;

– сын Алексей – российский революционер, вошедший в историю как террорист, член партии эсеров и их боевой организации, участник подготовки покушения на министра внутренних дел В.К. Плеве;

– дочь Александра – была замужем за помощником министра финансов Романовым.

А.И. Чепель

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖНИКА-АРХИТЕКТОРА ДМИТРИЯ АНДРЕЕВИЧА КРЫЖАНОВСКОГО

Д.А. Крыжановский (1871–1942), родившийся в семье потомственно-го дворянина Киевской губернии Андрея Ивановича Крыжановского и его жены Елены Яковлевны, известен, прежде всего, как архитектор, что совершенно справедливо: в известном авторитетном справочнике указано 66 зданий, построенных в Петербурге по его проектам¹. Более того, при изучении архитектурной периодики за 1897–1916 гг. мне удалось насчитать более полутора сотен заявок на разномасштабные строительные работы, поданные в Городскую управу Петербурга за подписью Д.А. Крыжановского. Тут и возведение каменных многоэтажных домов, и деревянных построек, сараев, конюшен; надстройка и ремонт строений; устройство выгребных ям, и т.д. Это только до 1917 г., а мастер работал в нашем городе и в советское время, в общей сложности проработав на берегах Невы полвека.

Тем не менее, важно отметить и другую сферу активности Д.А. Крыжановского – общественную деятельность, и этой задаче посвящена настоящая статья².

Проявлять себя не только в профессии, но и в общественной жизни, Крыжановский стал довольно рано, подходя к любому делу засучив рукава. В 1880–1888 гг. юноша учился в Иркутском техническом училище, окончил его блестяще, без единой «тройки», и в 1888 г. приехал в Петербург, где поступил в Академию художеств. И здесь обучение шло успешно, о чём говорят завоёванные им малая и большая серебряные медали. Трудясь помощником архитектора на постройках крупных зодчих К.Ф. Альмана, А.А. Степанова (1891 г.), А.И. фон Гогена (1892 г.), А.В. Иванова (1893–1894 гг.), А.Ф. Кра-

¹ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века: справочник / под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 180–182.

² О его архитектурно-строительной деятельности см.: *Чепель А.И.* Архитектор и город: к 145-летию со дня рождения художника-архитектора Д.А. Крыжановского (1871–1942) // Сборник докладов Пятой научно-практической конференции преподавателей и студентов «Память в истории культуры России: события и времена», 21 апреля 2016 года / отв. ред. И.В. Добряк. СПб., 2016. С. 97–106.

совского (1894 г.), П.Ю. Сюзора (1894–1895 гг.)³, академист наработывал профессиональную репутацию и приобретал необходимые связи. В 1895–1896 гг. он позиционировал себя как сложившегося мастера, самостоятельно построив на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде металлический павильон Общества Брянских заводов⁴. 30 октября 1896 г. Д.А. Крыжановский был удостоен звания художника-архитектора, и в 1896–1897 гг., уже в качестве дипломированного специалиста, работал у Р.Ф. Мельцера (возможно, их знакомство состоялось на выставке в Нижнем Новгороде, где по проектам Мельцера было построено три павильона); в 1898–1900 гг. заведовал художественным отделом мебельно-столярной фабрики братьев Оффенбахер; в 1899 г. сотрудничал с А.И. Векшинским, принимая участие в составлении проекта здания Электротехнического института⁵ – возможно, в ходе работы над чертежами этого здания, оформленного в духе английской готики, зародилось увлечение Крыжановского средневековыми мотивами, ярко представленными в его творчестве.

Вскоре архитектор вышел и на международный уровень. В 1902 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени за постройку православного храма в немецком курортном городе Герберсдорф, в Силезии (сейчас Соколовско в Польше). Местные санатории посещали многие русские, поэтому православная церковь, освященная летом 1901 г., здесь была необходима. Этот миниатюрный храм в «кирпичном стиле» во имя Св. Архистратига Михаила строился под наблюдением специально созданного комитета местным архитектором Гроссером по чертежам, составленным Д.А. Крыжановским⁶.

Блестяще проявивший себя зодчий был признан профессиональным сообществом, о чём говорит, в частности, избрание его 12 ноября 1902 г. действительным членом авторитетного Петербургского общества архитекторов⁷, в работе которого Крыжановский будет играть активную роль. Профессиональные качества Крыжановского и в дальнейшем оценивались по достоинству. В 1912 г. он был награждён орденом Св. Анны 3-ей степени за постройку церковного дома в местности «Дюны»; дважды – в 1913 г и в 1917 г. – баллотировался а академики⁸.

Круг профессиональной деятельности зодчего постоянно расширялся, фасады и планы спроектированных и построенных им зданий нередко появлялись на страницах архитектурной периодики. В 1899–1904 гг. он рабо-

³ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1888 г. Д. 101. Л. 53.

⁴ Никитин Ю.А. Выставочная архитектура России XIX – начала XX в. СПб., 2014. С. 200, 202.

⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1888 г. Д. 101. Л. 70 об.

⁶ Новая православная церковь за границей // Строитель. 1902. № 7–8. Стб. 295.

⁷ Зодчий. 1902. № 46. С. 522.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1888 г. Д. 101. Л. 48–51.

тал техником в столичной Городской управе («без содержания»)⁹, в 1903–1910 гг. служил архитектором Петропавловской больницы, откуда уволился по причине избрания в число гласных (депутатов) Санкт-Петербургской городской думы¹⁰. Так Д.А. Крыжановский вступил на политическую стезю. Ещё в 1905 г. зодчий дал согласие на работу архитектором в Третьей Санкт-Петербургской гимназии по предложению её директора, но попечитель этого учебного не нашёл возможным ввести для этого учебного заведения должность архитектора, и директор вынужден был извиниться перед Крыжановским за причинённое беспокойство¹¹.

Ещё в 1901 г. Крыжановский поднял на заседании Петербургского общества архитекторов вопрос «о способах достичь большей художественности фасадов столичных домов», для чего предложил Обществу учредить конкурсы с выдачей премий за лучшие фасады. Тогда «собрание не высказалось решительно за это предложение»¹², но со временем подобные конкурсы обрели популярность¹³. Вникал архитектор и в «кухню» архитектурных конкурсов, стремясь усовершенствовать их механизмы. Так, применительно к конкурсу проектов доходного дома Э.Л. Петерсена (современный адрес предполагаемого к застройке участка – Лиговский пр., 125), итоги которого подвели в начале 1905 г., Крыжановский обратился в конкурсное жюри («комиссию судей»): «Ваш отчёт по конкурсу дома Петерсен не обладает статистическими данными, являющимися важным фактором при оценке проектов доходных домов. Важно указать: площадь застройки участка; количество квартир в этажах; количество лестниц, которые отнимают много места от полезной площади и дорого стоят. Постоянно приходится сталкиваться с подобными вопросами»¹⁴. Впоследствии, возможно, благодаря посылу Крыжановского, в отзывах жюри статистические данные стали занимать достойное место.

В начале XX в. всё активнее стали применяться новые строительные и отделочные материалы: пустотелые бетонитовые камни, железобетонные конструкции, цементная штукатурка и т.д. Архитектурное сообщество стремилось идти в ногу со временем, поддерживая связи с техническими специалистами. В 1905 г. Д.А. Крыжановский был избран делегатом для взаимодействия с Союзом инженеров, был делегирован на Съезд цементных техников и заводчиков¹⁵. О том, к каким последствиям может привести пренебрежение качеством

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 164. Д. 919.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 20. Оп. 1. Д. 550.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 194.

¹² Строитель. 1901. № 4. Стб. 295.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 156. Д. 324; Ф. 528. Оп. 1. Д. 249.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 528. Оп. 1. Д. 390. Л. 25.

¹⁵ Зодчий. 1905. № 13. С. 170; № 45. С. 485.

и технологией применения строительных материалов (часто помноженное на попустительство со стороны ответственных за постройку архитекторов, домовладельцев и городских надзирающих органов), ярко продемонстрировала крупная катастрофа с многочисленными человеческими жертвами, которая произошла летом 1909 г. в ходе постройки дома братьев Залеман в Петербурге, на Разъезжей ул. 26–28; Крыжановский входил в комиссию по обследованию руин¹⁶. Чтобы вовремя получать навыки использования входящих в оборот материалов и технологий, важно было расширять профессиональное общение, и выпускники Академии художеств, стремясь преодолеть разобщенность в своих рядах, в 1903 г. создали Общество архитекторов-художников, девиз которого звучал так: «Нравственная, техническая и материальная взаимопомощь»; Крыжановский стал членом этого объединения¹⁷.

Одной из проблем столицы Российской империи были обширные участки, владельцы которых не застраивали, но и не продавали эту землю, ожидая прироста в цене. Д.А. Крыжановский входил в комиссию по выработке способа оценки незастроенной или слабо застроенной земли, и выступал за увеличение налога на пустующие земли¹⁸. При решении вопроса о способе использования территорий в Петербурге следовало учитывать и другую проблему – стремительное уменьшение площади зелёных насаждений. В 1915 г. архитектор был в числе тех, кто выступал против постройки стадиона на Ватном острове: «При крайней бедности Петрограда садами нет оснований освобождать почти в центре города место застраивать новыми каменными сооружениями, тем более что занятие спортом требует более чистого воздуха на лоне природы»¹⁹.

Одним из важнейших массовых развлечений Петербурга–Петрограда начала XX в. было кино. Кинотеатры повсеместно устраивались как в существующих зданиях, для чего проводилась реконструкция целых этажей, так и строились отдельно стоящие павильоны. После ряда трагических случаев общественное беспокойство вызывала пожарная безопасность кинематографов. Д.А. Крыжановский, построивший в городе несколько не сохранившихся до наших дней кинотеатров, входил в «комиссию по выработке правил о кинематографических заведениях»²⁰. На заседаниях Городской думы архитектор поднимал вопросы, относящиеся к строительному делу и городскому благоустройству; входил в комиссии по обследованию различных строений, по выяснению причин строительных катастроф, по борьбе с пожарной опас-

ностью (он состоял председателем городской противопожарной комиссии, председателем совета курсов пожарных техников)²¹.

Перспективы развития города, переименованного в 1914 г. в Петроград, требовали скоординированных усилий власти и общества, в том числе – архитектурного сообщества. В 1915 г. было образовано Общество архитектурных знаний, «имеющее целью научно-просветительскую деятельность в области архитектуры, в связи с благоустройством жилищ и городов», и Крыжановский стал его членом, а затем выбран председателем²². В марте 1916 г. состоялось организованное Крыжановским общее собрание архитектурных обществ города для выработки пожеланий в связи с предстоящим рассмотрением в Государственной думе законопроекта о новом городском положении. В апреле 1917 г. он был инициатором создания общего союза деятелей архитектуры, считая необходимым сформировать авторитетную организацию, способную доводить до властей взвешенное мнение профессионалов. В мае 1917 г. в Академии художеств состоялось учредительное собрание по организации Всероссийского союза зодчих²³, но последовавшие осенью 1917 г. события отодвинули реальное осуществление этой идеи.

Крыжановский живо интересовался качеством архитектурного образования, и ещё в 1909 г. предлагал замещать должности в Высшем художественном училище при Академии художеств путём конкурсов с целью привлечения к преподаванию «лучших сил»: «Как бывший академик, принимая близко к сердцу интересы учащихся в архитектурном отделении и зная по опыту, с каким огромным интересом ученики относятся к делу ведения преподавания в архитектурном классе и к делу выборов своих новых профессоров, я не могу не позволить себе сделать настоящее заявление. В данное время стоит на очереди вопрос о замещении открывшейся вакансии профессора в общих классах архитектурного отделения. Во многих учреждениях ответственные должности уже замещаются путём конкурсов..., и только почти в одном Высшем художественном училище конкурсы по замещению кафедр не устраиваются, хотя, казалось бы, что деликатное дело выбора руководителей художественного образования в России должно бы было коснуться наивозможно широких кругов, особенно принимая в соображение, что не всегда личные художественные дарования отвечают дарованиям педагогическим»²⁴.

С наступлением революционных бурь в феврале 1917 г. Крыжановский, как депутат Городской думы, озаботился охраной общественного порядка,

¹⁶ Зодчий. 1909. № 44. С. 428–429.

¹⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1903 г. Д. «З» 33. Л. 1, 104.

¹⁸ Архитектурно-художественный еженедельник. 1916. № 48. С. 463.

¹⁹ Зодчий. 1915. № 8. С. 82.

²⁰ РГИА. Ф. 1293. Оп. 146. Д. 9. Л. 32.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 103. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–2.

²² Зодчий. 1915. № 10. С. 107; № 23. С. 237.

²³ Зодчий. 1917. № 17–18. С. 125.

²⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1888 г. Д. 101. Л. 48.

организовал собрание молодёжи с целью создания городской милиции, был единогласно выбран на хлопотную должность её начальника, и рьяно взялся за наведение порядка в столице: «В каждом районе будет свой районный комитет, признано необходимым вооружить каждого милиционера»²⁵. Начальник милиции через прессу обратился к общественности, разъясняя способ формирования, права и обязанности руководимого им новоиспечённого образования: «По проекту при начальнике милиции должен быть совет из выборных лиц. Должны быть комиссары районов и подрайонов. Служба по охране Петрограда должна быть выборной и платной. Избираться должны не только должностные лица по милиции, но и рядовые милиционеры». На вопрос газетчика о случаях нападения на милиционеров Крыжановский уверил: «Эти слухи ни на чём не основаны и распространяются исключительно провокаторами, чтобы пугать милиционеров, и, пользуясь их отсутствием на местах, иметь возможность хулиганствовать и совершать грабежи. До сего времени ко мне не поступило ни одного донесения о нападении на милиционеров. Жизнь на улицах Петрограда протекает очень спокойно»²⁶. Вскоре все предложения Крыжановского относительно милиции были официально утверждены, «в целях устранения двоевластия» в этой сфере начальником милиции был избран общественный градоначальник, профессор Военно-медицинской академии В.А. Юревич, но деятельность Крыжановского, который становился заместителем милицейского начальника, была по достоинству оценена городской властью: «Городская милиция, сделавшая так много для водворения порядка в столице в революционное время, из временной превращается в постоянную, получает особый устав, переходит на платное содержание... Петроградское городское самоуправление горячо благодарило первого временного начальника милиции гласного Д.А. Крыжановского за понесённый большой труд. С 28 февраля по 13 марта сформированный им институт действовал образцово»²⁷.

Во время Гражданской войны, в 1918–1920 гг., Крыжановский занимался военно-полевым строительством. В 1920 г., впервые за долгие годы, он вынужден был покинуть Петроград – его выслали «в административном порядке» в Вологду, где архитектор заведовал отделом городского благоустройства; руководил художественным техникумом; был заведующим художественным отделением Вологодского губполитпросвета, при этом «руководя не только художественной частью работы предприятий отделения, но ведая и идеологической стороной дела», а также «принимал деятельное участие в органи-

зации народных революционных празднеств, нередко выступая сам лично в концертах совершенно бескорыстно» (архитектор хорошо пел)²⁸.

В июне 1923 г. Д.А. Крыжановский вернулся в Петроград, где сразу же был принят заведующим работами Производственного бюро Академии художеств. Город вступал в полосу возрождения после запустения периода Гражданской войны. Летом и осенью 1923 г. он руководил восстановлением лепных украшений Екатерининского дворца и Эрмитажа в Детском Селе (Пушкине); ремонтом лепнины в зрительном зале «бывшего Мариинского театра»; лепными и живописными реставрационными работами в залах университета. Вероятно, проводились завершающие работы или ремонт на Марсовом поле: в августе 1923 г. Д.А. Крыжановский подписал смету «на могильные камни к памятнику жертв революции», которые требовалось подвести к месту и установить. Архитектор руководил работами по формовке и отливке из гипса фигуры к памятнику Г.В. Плеханову работы скульптора И.Я. Гинцбурга; сооружением пьедестала к памятнику Лассалю в районе Путиловского завода²⁹. В августе 1923 г. Союз работников искусств рекомендовал Крыжановского на освобождённую должность старшего архитектора Отдела коммунального хозяйства Петроградского исполкома (вероятно, ходатайство не имело последствий), а в июле–декабре 1924 г. он работал в этом отделе в качестве производителя работ, осуществив ремонт и восстановление ряда домов Ленинграда (ул. Декабристов, 35; ул. Куйбышева, 38–40; Измайловский пр., 7; Астраханская ул., 15–17). 24 декабря 1924 г. архитектор был уволен «за сокращением работ»³⁰. В дальнейшем он заведовал проектными отделами различных трестов; был членом экспертных советов, консультантом отдела охраны памятников при Ленсовете. Архитектор внёс свыше 20-ти предложений по улучшению техники архитектурно-строительного дела³¹.

«В виду предстоящего объединения всех архитектурных обществ в уже образовавшийся единый Союз советских архитекторов», в 1932 г., на заседании Ленинградского общества архитекторов, была избрана ликвидационная комиссия, в которую вошёл и Крыжановский, вскоре ставший членом правления Ленинградского отделения союза советских архитекторов (ЛОССА)³². В рамках новой организации он участвовал в различных экспертизах, например: проекта реконструкции Чесменского дворца³³; качества наружных отделочных работ жилого дома Ленфильма – по запросу строившего дом

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 614. л. 135–137.

²⁹ НБА РАХ. Ф. 7. Оп. 18-в. Д. 2.

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 11. Д. 9510. Л. 2–11.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 150. Л. 1–38.

³² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 50. Д. 24. Л. 9–25.

³³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 7. Л. 48.

²⁵ Петроградская газета. 1917. № 55. 5 марта. С. 3; № 56. 7 марта. С. 4.

²⁶ Петроградская газета. 1917. № 57. 8 марта. С. 2.

²⁷ Петроградская газета. 1917. № 62. 14 марта. С. 5.

Д.Г. Фомичева³⁴ (Малая Посадская ул., 4-а). Архитектор входил в комиссию по определению состояния могил Выборгского католического кладбища в связи с планируемым переносом ряда могил в музей Некрополя; был привлечен к обследованию памятников архитектуры Ленинграда и области, находящихся под охраной государства³⁵.

В июне 1937 г. Д.А. Крыжановский участвовал в совещании с архитекторами Ленинграда у председателя Ленсовета, где поднималась, в том числе, острая проблема городского строительства – о надзоре архитектора-проектировщика за осуществлением своего проекта в натуре. Участвовавший в совещании архитектор А.Л. Лишневецкий заявил, что «самый прекрасный проект не гарантирует, что будет хорошая постройка», и одна из причин этого в том, что «прорабы в большинстве случаев малограмотные люди» (вызванный войнами и революциями упадок строительства не способствовал появлению квалифицированных специалистов). Коллегу поддержал Крыжановский, который, «развивая мысль Лишневецкого относительно архитектора на лесах», признал, что «это у нас слабый пункт. Появись на стройке автор проекта особенно если он опытный человек выдавший виды и работавший на постройке он является в отношении организации, ведущей работы, врагом. Если я являюсь на постройку, я вижу всё, и ясно, что, будучи честным, я не могу молчать, и буду требовать... и иной раз заставлю кое-что переделать. А это заставляет их считать меня врагом... Положение скверное и бывали случаи что выгоняли и не пускали», чтобы не пришлось по требованию архитектора что-либо переделывать. В итоге «иногда и прямо не узнаешь своей постройки, стараешься от неё отвернуться», – подытожил Крыжановский, и обратился к властям: «Ленсовету нужно наше [архитекторов-проектировщиков – А.Ч.] положение на стройке узаконить, чтобы мы были полноправными, чтобы нас там слушали, принимали бы наши замечания во внимание и к исполнению, чтобы мы не чувствовали себя чужими людьми и не тратили бы своё время даром»³⁶.

Летом 1941 г. Д.А. Крыжановский, наряду со своими пятью коллегами, занимался подготовкой бомбоубежищ города к нуждам военного времени. В списках членов ЛОССА, намеченных к эвакуации, его имени нет. Архитектор, оставшийся в блокированном городе, умер в январе 1942 г.; место его захоронения неизвестно. Его жена, Ида Густавовна, скончалась в Ленинграде в марте 1943 г., и похоронена на Волковском кладбище³⁷. Имя Д.А. Крыжановского увековечено на мемориальной доске в петербургском Доме архитектора...

³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 19. Л. 136.

³⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 35. Л. 71.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 293. Л. 4 об.–6.

³⁷ Книга памяти: Ленинград: Блокада, 1941–1944. Т. 16. СПб., 2005. С. 146–147.

А.В. Чернега

КУДРОВО. ОТ ДЕРЕВНИ К ГОРОДУ

Большинство петербуржцев, встречая топоним «Кудрово», ещё недавно ассоциировали его только с перспективными планами строительства метрополитена. Действительно, второй станцией в Ленинградской области после Девяткино должна стать именно Кудрово, расположенная рядом с развязкой Мурманского шоссе и кольцевой автодороги. Это место уже давно притягивает горожан за счёт огромного торгового комплекса «Мега-Икеа-Дыбенко».

Сразу за ним в 2010 г. началось строительство нового жилого многоэтажного района. Дома, многие из которых выросли в более чем 20 этажей, стоят на месте полей почившего в бозе колхоза «Коммунар», соседа колхоза «Выборгский». От города бывшие поля отделяет железнодорожная ветка, ведущая к уже не работающей станции «Нева». Сейчас это фактическая граница Санкт-Петербурга, рядом с которой доживает последние годы деревня Кудрово. Вот откуда берётся название будущей станции метро и нового жилого района.

Мне, как краеведу, повезло наблюдать перерождение деревни в город. Вот ещё стоят старые деревенские дома, а сразу за забором высятся новостройки, по Центральной улице то и дело проносятся автомобили новосёллов и клиентов торгового центра «Мега-Икеа». Кудрово – это уже не деревня, в 2015 г. поселение официально приобрело статус городского.

Пока на Центральной улице остаются деревенские дома, пока живут в них люди, надо успеть запечатлеть уходящую эпоху. В этом мне помог один их старожилов деревни Анатолий Иванович Павлов. В 2014 г. он отметил 90-летний юбилей. А живёт он здесь с 1930 г., то есть практически всю свою жизнь. Помнит очень много и рассказал о своей судьбе весьма интересно.

Надо признать, что это не первое интервью, взятое у местных старожилов. В 2007 г. журнал «Адреса Петербурга» опубликовал статью о Кудрово, где использовал сведения, почерпнутые из общения с жителями деревни. Кроме того, в статье были использованы материалы архива Николая Дмитриевича Солохина.

Местные жители никогда точно не знали, откуда взялось название деревни. Самым распространённым вариантом происхождения топонима является

ся тот, который рассказывает о помещике Кудрове, который якобы до революции имел на юге России своё поместье. Использовал он землю для разных сельскохозяйственных опытов, выращивал овощи на продажу. После 1917 г. его имущество национализировали. На базе барского поместья появилась коммуна, которую в гражданскую войну белогвардейцам удалось разогнать. Но в 1920-х гг. коммуна «Кудрово» возродилась рядом с Ленинградом, превратившись впоследствии в колхоз¹.

По другим, более ранним сведениям, коммуна пришла не на пустое место, а на заброшенные остатки поселения немецких колонистов². Кстати, жители этой деревни, в отличие от петербуржцев, называют свою Родину КудрОво, а не КУдрово.

Материалы архива Н.Д. Солохина рассказывают, что коммуны «Кудрово» в 1920-х гг. пытались основать на юге России и на юге Лужского уезда, на станции Батецкая, недалеко от реки Оредеж. В 1925 г. 12 больших семей во главе с Василием Ивановичем Евстильевым и Иваном Павловичем Ёлкиным переехали отсюда в Ленинград, а вскоре на берегу речки Оккервиль основали коммуны под прежним названием на новом месте. Им всё же хотелось заниматься привычным сельским хозяйством. Здесь они нашли полуразрушенный кирпичный дом и мелиорированные поля. Рядом уже была проложена железная дорога³.

К кирпичному дому, где поселились старшие коммунары, первые жители Кудрова пристроили деревянный дом для остальных и общую столовую. Первое время они жили бедно, выращивали картофель, капусту, морковь.

Семья Анатолия Ивановича Павлова приехала сюда из деревни Кострони того самого Батецкого района Новгородской области, как уже было отмечено, в 1930 г. Его отец не захотел вступать в местный колхоз, поэтому перевёз семью ближе к Ленинграду, в Кудрово, где жили его родственники. Коммуне Павловы отдали всё своё хозяйство. Себе оставили только посуду. Поселилась семья в одной из 25 квартир единственного в деревне кирпичного дома. Кроме Павловых сюда переехало 12 или 13 семей, все из Батецкого района Новгородской области, из соседних деревень⁴.

Спустя несколько лет коммуна «Кудрово» стала образцовым высокопроизводительным предприятием с молочной фермой и парниками. Овощи с полей загружались в вагоны на станции Нева. Часть урожая продавалась в Ленинграде на Мальцевском рынке, где у кудровцев были арендованы торговые места.

¹ Интервью с А.И. Павловым.

² Швеиц М. Кудрово // Адреса Петербурга. 2007. № 25/38. С. 88.

³ Швеиц М. Кудрово // Адреса Петербурга. 2007. № 25/38. С. 89.

⁴ Интервью с А.И. Павловым.

Кудрово имело весьма большое, солидное хозяйство. Кроме жилых домов здесь были построены столовая, ясли, школа, клуб, радиоузел, работали баня и, парикмахерская. Одних коров имелось более сотни, 83 лошади запрягались. На полях работали 13 тракторов (знаменитые «Фордзоны»), их обслуживала местная мастерская. Жители пользовались местными медпунктом и аптекой, водопроводом, ледником, мельницей и хлебопекарней. У плотины на речке Оккервиль располагались кузница и лодочная станция.

Кроме единственного кирпичного многоквартирного дома в деревне находилось ещё несколько многоквартирных, но деревянных зданий. В них располагалось примерно по 20 квартир. Жилых домов здесь было примерно 70.

Рядом с речкой Оккервиль существовала роща, которую называли Парк № 1. Там были спортивные площадки, тир, качели, сцена. Сюда приезжали артисты из города. В местный клуб на танцы шла молодёжь со станции Нева, с комбината имени Тельмана, из деревень Яблоновка, Малиновка, Новосергиевка, и даже из Колтушей. Всё проходило мирно, без драк. Показывали кино, была самодеятельность. Был свой оркестр.

Члены коммуны Кудрово действительно делали всё сообща. Работали в две, а иногда и в три смены, отдыхали в ленинградских театрах и цирке, отмечали праздники. В деревню приезжали городские чиновники, сотрудники газет и радио.

Благополучию Кудрово помешало свёртывание эксперимента с коммунами в 1935–1936 гг. Коммуну превратили в колхоз. В 1939 г. он участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Окружающие Ленинград колхозы и совхозы то объединяли, то разъединяли. Колхоз в Кудрово исключением не был. Некоторое время он был присоединён к колхозу «Возрождение» Яблоновского сельсовета, вёл совместное хозяйство с соседними деревнями Яблоновка, Малиновка, Заневка и Новосергиевка. Многие жители Кудрово работали на производствах в Ленинграде, то есть колхоз не был «градообразующим предприятием».

Так как детей в Кудрово было не так много, местная школа обучала их только 4 года. Её посещал Анатолий Иванович, а потом и его дочь Тамара. Потом дети посещали школу в Ленинграде, куда ходили пешком, через поля. Дорога в одну сторону занимала около часа.

С началом войны Анатолий Иванович был призван в армию, не закончив 10-й класс. Его приписали к 47-й запасному артиллерийскому полку. После обучения на курсах спецчастей Ленинградского фронта в Токсово его отправили на прорыв блокады. На фронт и на «Дорогу жизни» ушли многие из мужчин Кудрово. Женщины продолжали выращивать овощи, отправляли их

в детские дома и детские сады блокадного Ленинграда. Боёв рядом с Кудрово не было, но поля бомбили во время прохождения по ним наступающих советских войск.

В Кудрово во время войны находился аэродром с «уточками». Так ветеран называет самолёты У-2 (ночные бомбардировщики). Здесь проходила линия обороны, начинавшаяся от станции Нева и проходящая вдоль железной дороги и местных парков. Окопы здесь остались до сих пор. Вдоль дороги на Новосергиевку стояли бетонные доты, орудия, пулемётные точки, были вырыты выложенные деревом окопы.

Закончил войну Анатолий Иванович на немецком острове Рюген, в порту Засниц. Демобилизовался он в апреле 1947 г., сразу же вернулся в Кудрово, где всю войну ждали его родители. Анатолий Иванович остался работать в колхозе. Сразу же решил построить дом. В нём он и дал мне интервью.

Квартира его родителей в кирпичном доме была по современным меркам тесной, всего 32 кв. м, куда помещалось две комнатки, кухня, прихожая. В ней обитало пять человек (у Анатолия Ивановича были брат и сестра).

Кирпичный дом был частью мызы Косая Гора, в XIX в. принадлежавшей помещице Полторацкой. По словам дочери Анатолия Ивановича, которая родилась в этом самом доме, никаких намёков на барский дом (например, изразцовых печей) там никогда не было. Полы в нём были земляные, от них по всему дому распространялась сырость.

После войны в Кудрово появились новые переселенцы из других деревень. Деревня росла, строились новые деревянные дома.

В местных парниках и теплицах продолжали выращивать огурцы, помидоры. Последние удавалось выращивать даже в открытом грунте. В один год здесь собрали пшеница до четырёх центнеров с гектара. Сена, травы, клевера удавалось собирать до 12 тонн с гектара. Капустой было засажено около 60 га. Урожай кудровского колхоза сравнивали с урожаем в Украине. За тяжёлый труд люди получали ордена.

В 1970-х гг. здесь было электричество, водонапорная башня, водопровод (колонки на улице). Центральную улицу покрыли асфальтом.

Идея застройки территории к востоку от Невского района Ленинграда появилась ещё в советское время, в генеральном плане 1966 г. Подробное проектирование жилого района Кудрово было произведено в связи с разработкой генерального плана Ленинграда на период 1986–2005 гг. В 1980-е гг. осуществлялось проектирование объектов, необходимых для подачи сюда воды, электричества, тепла, связи. Тогда же от станции метро «Улица Дыбенко» начали прокладывать подземный тоннель в сторону будущей конечной станции «Кудрово».

В журнале «Ленинградская панорама» в сентябре 1990 г. был приведён подробный анализ проекта детальной планировки района Кудрово⁵. Главной магистралью здесь должно было стать продолжение Мурманского шоссе, которое соединялось не с Народной улицей, а с проспектом Большевиков между улицами Тельмана и Крыленко. В сторону Народной улицы от парадной въездной площади прокладывалась магистраль, с основными центрами обслуживания населения.

Всего в Кудрово создавалось 10 жилых кварталов, 5 коммунальных зон и 5 рекреационных зон, в том числе вдоль реки Оккервиль.

В месте пересечения Мурманского шоссе и продолжения Народной улицы создавался Центр организации досуга, который должен был стать визитной карточкой района. Рядом с ним организовывалась двухуровневая транспортная развязка.

На одном из перекрёстков с продолжением Народной улицы в 1993 г. планировалось открыть станцию метро «Народная». Рядом с ней должна была появиться междугородняя автобусная станция. Этот транспортный узел завязывался с рынком, центром бытового обслуживания, магазинами продовольственных и промышленных товаров, ателье, столовыми и кафе. Часть соседнего квартала отдавалась под площадь перед проходной ремонтного завода подвижного электросостава, с которым бы соседствовало электродепо «Правобережное».

Отделяющую Кудрово от Весёлого Посёлка железнодорожную ветку в процессе проектирования предлагалось упразднить. Но в связи с тем, что вдоль неё уже были проложены водоводы и линии электропередач, а Мурманское шоссе с городом связывал переброшенный через железную дорогу виадук, от ликвидации путей отказались. Их предлагалось поднять на насыпь высотой 7 м., под которой проложить проезжие части новых магистралей. В защитной зоне железнодорожных путей были бы созданы временные и сезонные спортивные площадки с искусственными покрытиями и сборно-разборными крытыми сооружениями.

Характерной чертой нового спального района стало бы активное вписывание в ансамбль городской застройки элементов природы и ландшафтной архитектуры. Транзитные пешеходные направления оживлялись рельефами оврагов, видовыми площадками, искусственными водными бассейнами. Последние были бы созданы на базе многочисленных естественных ручьёв.

Вдоль реки Оккервиль проектировался обширный пейзажный парк с тренировочными беговыми дорожками, которые зимой становились бы местом для катания на лыжах. К лесопарку в проекте примыкал спортивный ком-

⁵ Кудрово // Ленинградская панорама. 1990. № 1. С. 1.

плекс со стадионом, центр досуга с бассейнами и крытыми гимнастическими залами.

В ландшафтной зоне рекомендовалось построить диспансер со стационаром и станцией скорой помощи, больницу с медицинским училищем, детскую больницу и родильный дом.

Вдоль Мурманского шоссе архитекторы предлагали создать бульвар с элементами парковой скульптуры и фонтанами. На макете района, а также на приложенном к нему эскизе застройки показана церковь, размещённая на пересечении Мурманского шоссе и одной из меридиональных улиц района.

Точкой роста нового Кудрово должен был стать квартал, примыкающий к продолжению Народной улицы и виадуку через железнодорожные пути. Для начала его застройки не требовалось создания новых транспортных подходов. Застройка продолжения Народной улицы должна была вестись комплексно, так как она стала бы рекламой всего района в целом.

Первая очередь строительства ограничивалась продолжением Товарищеского проспекта с севера и Южным проездом на юге. Здесь на территории 247 га планировалось создать 1020000 кв. м жилой площади (19400 квартир), где бы поселились 56000 человек. Для достижения этих параметров приходилось повышать среднюю высоту жилых зданий до 12 этажей. При этом большую часть учреждений обслуживания населения пришлось бы встроить в их первые этажи. Закончить строительство района Кудрово планировалось к 1998 г.

К 1990 г. большая часть полей близ Кудрово не использовалась по назначению. Судя по документам, под пашнями находилось 43% территории, сенокосом было занято 8%, приусадебными хозяйствами – 0,5%. Река Оккервиль была превращена в сточную канаву для свиноводческого фермерского хозяйства в Новосергиевке. В Кудрово проживало 300 человек, из них 120 детей и инвалидов. 165 человек работали в городе и только 15 – в колхозе. Жилой фонд деревни находился в аварийном состоянии. Уже не работали клуб, библиотека и баня⁶.

Развал советской экономики в начале 1990-х гг. привёл к отсутствию средств на осуществление проекта. В связи со сменой экономического и социального уклада государства реализовать проект на основе созданной документации оказалось невозможным.

После «голодных» и безденежных 1990-х гг. пришли «сытые» 2000-е. С ними вернулась и идея превращения Кудрово в новый городской район. Этому поспособствовало строительство кольцевой автодороги, проложенной через поля бывшего колхоза. Предпринимателями предлагалось устро-

ить здесь, ни много ни мало, петербургский Лас-Вегас с многочисленными казино и зонами игровых автоматов. Но в 2006 г. был принят закон об игровых зонах, согласно которому существование казино здесь оказалось невозможным. Поэтому руководство Всеволожского района вернулось к идее строительства в Кудрово новых жилых кварталов.

На месте деревни и прилегающих полей предложено расселить 65000 человек. На территории 495 га планируется построить 2 000 000 кв. м жилья, 220 000 кв. м коммерческой недвижимости, пятнадцать детских садов, пять школ, пожарную часть, организовать зону отдыха с аквапарком (открыт в 2013 г.).

Строительство нового района началось в 2010 г. Первоначально его собирались возводить по единому проекту «Семь столиц». Но впоследствии территория была поделена между разными застройщиками, которые единого плана придерживаться, конечно, не стали. Первые жилые дома здесь были сданы в эксплуатацию в мае 2012 г. – это несколько разноцветных девятиэтажных корпусов рядом с торговым комплексом «Мега-Икеа», входящие в состав квартала «Вена».

К маю 2013 г. от единственного в деревне Кудрово кирпичного дома оставались одни руины. Летом исчезли и они.

Пройдёт ещё несколько лет и, скорее всего, не останется на берегу реки Оккервиль старых деревянных домов, хотя окончательного решения об их сносе пока не принято. Мало того, на Центральной улице в Кудрово ведётся не только жилищное строительство – возводится новая небольшая церковь. А на другом берегу реки облагорожен парк, которым пользуются жители соседних новостроек. По дорожкам парка гуляют родители с детьми, проезжают велосипедисты. И конечно, от их взора не скрываются покосившиеся заборы и полузаброшенные дома старого Кудрово. Пока они не исчезли окончательно, будет не лишним напомнить новым обитателям района о судьбе приютившей их земли.

⁶ Швец М. Кудрово // Адреса Петербурга. 2007. № 25/38. С. 90.

А.А. Штерич

ШТЕРИЧ ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ. ХУДОЖНИК АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ

Штеричи – известный дворянский род, берущий свое начало в Сербии. Герб семьи Штеричей известен с 1010 г., о чём свидетельствует запись в Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи. Самая известная представительница рода Штеричей – Мария Алексеевна Щербатова, урождённая Штерич (1820–1879). М.Ю. Лермонтов посвятил ей знаменитое стихотворение «Отчего» («Мне грустно, потому что я тебя люблю»). Дочь Марии Алексеевны – Варвара Ивановна Иксуль фон Гильденбанд (1850–1928). Она была литератором, благотворительницей, общественным деятелем.

В статье речь пойдёт об одном из представителей рода – Петре Алексеевиче Штериче (1905–1976)¹.

Пётр Алексеевич родился в Литве в 1905 г., его отец Алексей Алексеевич Штерич проходил службу в городе Ковно (Каунас), где познакомился со своей женой Еленой Николаевной Кудрявцевой из дворянского рода. Брак вскоре распался, и Елена Николаевна в 1910 г. вместе с сыном Петром переехала в Петербург к родственникам. Поселилась в доме своего дяди Иосифа Ксаверьевича Ченгери на Николаевской ул. (ул. Марата), 11. В этой квартире Пётр Алексеевич жил до 1960 г., то есть 50 лет.

В 1917 г. денежные трудности заставили Елену Николаевну хлопотать о зачислении Петра Алексеевича, на казённый счёт во 2-ой кадетский корпус Императора Петра Великого на Ждановской ул., 13. Сейчас в этом здании располагается Военно-космическая академия имени Можайского.

Пётр Алексеевич в своих мемуарах упоминает, о том, что кадетский корпус представлял собой закрытое военное учебное заведение старой, до-революционной России, наполненное обычаями и традициями. Были среди них хорошие, но были и безобразные. Одним из таких явлений было так называемое «цукание» – это глумление и издевательство кадетов старших рот и классов над младшими. Несчастливого на «тёмную» ночью накрывали шинелью и избивали. Обычно, испытавший «тёмную» потом должен был, долго отлёживаться в корпусном лазарете.

Пётр Алексеевич вспоминает: «Рисовать я всегда любил. Всюду, где я учился, за рисование у меня всегда были хорошие отметки. А в кадетском корпусе рисование даже сослужило мне хорошую службу и очень выручило меня. Я на отлично выполнял работы по черчению и рисованию за старшекурсников тем самым избавился от «цукания» на всё время моего пребывания в корпусе».

К лету 1918 г. корпус был расформирован. Пётр Алексеевич к этому времени поступил в училище Единоверческого братства при церкви святителя Николая (на углу нынешней ул. Марата и Кузнечного пер.; теперь там помещается музей Арктики и Антарктики).

По счастливой случайности, учителем рисования в этой школе оказался известный художник-карикатурист Алексей Александрович Радаков (1877–1942), до революции долго работавший в журнале «Сатирикон», издаваемом Аркадием Аверченко, а после революции – в газетах и сатирических журналах «Лапотъ», «Бегемот», «Бич», «Смехач». Алексей Александрович, заметив способности 13 летнего Петра Алексеевича к рисованию, предложил приходить к нему для индивидуальных занятий. Жил он на углу Итальянской ул. и Михайловской площади (ныне пл. Искусств). Учился Пётр Алексеевич у Радакова 2 раза в неделю чуть больше года.

К середине 1918 г. голод охватил всю страну. Заработка Елены Николаевны не хватало и Петру Алексеевичу пришлось в свободное от школы время подрабатывать. Он брался пилить, колоть и складывать дрова. На Николаевском (ныне Московском) вокзале работал грузчиком. Платили за это не деньгами (они ничего не стоили), а натурой. То краюхой хлеба, то картошкой. Магазины и рынки в городе не работали. Вместо них на бойких углах и перекрестках стихийно собирались толпы предприимчивых обывателей и образовывали толкучие рынки для торговли провизией собственного изготовления.

Из воспоминаний Петра Алексеевича: «Однажды, проходя мимо толкучки на углу Владимирского, мы с мамой услышали вопли какой-то престарелой дамы. Она выкрикивала: «А вот бочоночные селедки! Месье, мадам жёву при! Настоящие бочоночные селедки!». Селедки оказались обыкновенными ржавыми, тощими. На вопрос, почему вы называете их бочоночными. Дама, ничуть не смущаясь, ответила, что под таким наименованием их лучше покупают, что для успешной торговли надо знать психологию покупателей. В результате дама пригласила маму зайти к ней, т.к. у неё есть вещицы, которые мать могла бы попытаться продать и заработать комиссионные.

Через несколько дней Пётр с матерью зашли к этой даме. Жила она где-то на углу Стремянной ул. и Дмитровского пер. Со слов этой престарелой

¹ Исследование основано на материалах семейного архива.

дамы, она являлась Голенищевой-Кутузовой, правнучкой великого полководца. Она рассказала, что раньше неплохо торговала шоколадом, который сама варила. По просьбе матери она сообщила рецепт этого шоколада. Приготавливался он из фасоли, кокосового жира и чего-то ещё. На вид шоколад получился совсем как настоящий. Так юный Пётр и его мать открыли производство.

Через некоторое время Пётр стал торговать этим шоколадом. Торговля пошла успешно и продолжалась целый месяц. Пока однажды какой-то человек не забрал у него весь товар, ничего не заплатив. После этого торговлей Пётр не занимался. Но зарабатывать чем-то надо было обязательно. Какое-то время пробовал выступать на улице в качестве артиста-балалаечника.

И наконец, удача улыбнулась Петру Алексеевичу. В самом начале 1920 г. он поступил в Мариинский театр на должность ученика декорационной живописи. Тогда в 15 лет Пётр Алексеевич и не предполагал, что эта работа будет делом всей его жизни. Школу пришлось оставить и продолжать обучение в вечерней школе для взрослых.

Из воспоминаний: «Очень тяжёлое и трудное было время, а вспоминается с каким-то умилением и даже удовольствием. Видимо, слишком необыкновенным и неповторимым оно было. Одежда на мне была чудная и фантастическая. Представьте себе: кадетский мундир с золотым шитьем на воротнике, изумрудно-зеленые суконные штаны, сшитые из подкладки портьеры, шафранно-жёлтые обмотки, сделанные из остатков детского маскарадного костюма и самодельные тряпочные тапочки с подметкой густо обшитой рядами веревки. Этот костюм у меня был единственный. В нём я ходил на работу, в гости, в будни и в праздники. По правде говоря, мой костюм меня никогда не смущал. Все тогда ходили одетыми во что попало».

Устроиться в театр Петру помогла хорошая знакомая, Лидия Александровна Даровская, приходившаяся родной племянницей известному театральному деятелю Анатолию Евграфовичу Молчанову, основателю Русского театрального общества, Дома ветеранов сцены.

По рекомендации Молчанова в январе 1920 г., захватив папку с рисунками, Пётр отправился в театр, чтобы представиться художнику Петру Борисовичу Ламбину (1863–1923), декоратору Императорских театров. После просмотра работ автору объявили о принятии на должность ученика декорационной живописи.

Из воспоминаний Петра Алексеевича: «Домой я шёл, не чувствуя под собой ног от счастья и гордости. Я стал работником театра. Не кто-нибудь, а я, Штерич Пётр! И не какого-нибудь театра, а МАРИИНСКОГО, того самого Мариинского театра, который до сих пор представлялся мне жилищем

богов, как Олимп или Валгалла, обителью высших существ, отмеченных печатью гениальности и таланта. И вдруг я теперь буду тоже среди них! Ведь это же самое настоящее чудо!».

Когда он рассказал Радакову, что поступает учеником к художнику П.Б. Ламбину в Мариинский театр, Алексей Александрович очень обрадовался, т.к. считал, что о лучшем учителе и мечтать трудно. При этом он рассказал, что в своё время тоже учился у П.Б. Ламбина в училище Штиглица.

Из воспоминаний Петра Алексеевича: «Первое, что поразило меня, когда я попал за кулисы Мариинского театра, это запах. Ни одно помещение никогда и нигде не имеет такого специфического запаха, как театральная сцена. Это совершенно особенный, таинственный и сказочный запах. Он волнует, настораживает и как бы обещает что-то необычайное и опьяняющее. Вероятно, это просто смесь запахов старых, пыльных холстов и дерева, столярного клея и какой-то косметики (пудры, духов, грима и вазелина). Потом я к нему привык и перестал ощущать. Наверное, этот необыкновенный запах поражает только новичков, чтобы отравить театром на всю жизнь и навсегда приобщить к касте влюблённых в театр людей».

Незадолго до поступления на работу Петра Алексеевича Мариинский театр переживал большие перемены, в которых огромную роль сыграл последний директор императорских театров Владимир Аркадьевич Теляковский. Он привлекал к работе таких замечательных художников, как Александр Яковлевич Головин, Константин Алексеевич Коровин, Александр Николаевич Бенуа. Эти художники своей работой заявляли, что на театральную декорацию надо смотреть другими глазами, подходить к решению декоративного оформления с другими мерками. До прихода В.А. Теляковского при директоре И.А. Всеволожском в императорских театрах царил рутина, продолжали писать декорации так, как их писали в первой половине XIX столетия. Все дела, касающиеся музыки, либретто опер и живописного оформления спектаклей, он решал единолично, руководствуясь лишь своим вкусом.

Перед старыми художниками Теляковский поставил вопрос так: или оставаться в театре и работать по-новому, или уходить. Ламбин выразил желание остаться.

Образовались две живописно-декорационные мастерские: художника П.Б. Ламбина и художников А.Я. Головина и М.П. Зандина.

Старые художники до этого времени всегда сами делали эскизы заказанных им декораций и сами же их выполняли. Теперь и им пришлось время от времени выступать в роли исполнителей декораций по чужим эскизам. Так появилась новая категория театральных художников-исполнителей, в частности, в мастерской П.Б. Ламбина.

В то время художники и их ученики работали в бывшем Николаевском кавалерийском училище на Лермонтовском пр., где в большом актовом зале строилась сцена. Работали в бывшем помещении театра «Кривое зеркало» на канале Грибоедова, 88, где располагался Клуб краснофлотской части. В Николаевском училище писали основной портал сцены, повторяя на нём всю орнаментацию зала, с таким расчётом, чтобы написанная лепка портала совершенно сливалась с настоящей лепкой зала. В «Кривом зеркале» писали декорации к операм: «Царская невеста», «Русалка», «Севильский цирюльник».

В мастерскую А.Я. Головина, часто приезжали журналисты, критики, музыканты и артисты. Зачастую в этой мастерской бывал Ф.И. Шаляпин. В этой мастерской Шаляпин позировал Головину, когда тот писал его портреты в костюме Олоферна и в костюме царя Бориса.

Из воспоминаний: «Шаляпин всегда выглядел очень величественно, высокого держа свою красивую голову. Каждое его движение было каким-то отточено-сделанным, но вместе с тем, очень свободным и естественным. Сразу чувствовалось, что перед тобой находится большой артист старой театральной закалки».

В начале своей театральной карьеры Петру Алексеевичу выпала честь работать рядом с такими артистами балета как Ольга Иосифовна Преображенская, Ольга Александровна Спесивцева.

Агриппину Яковлевну Ваганову в своём дневнике он вспоминает так: «Глядя на А.Я. Ваганову, всегда было ясно, что она мучительно переживает за каждую воспитанницу, внимательно следит за каждым их движением, машинально отсчитывая счёт рукой, как будто бы на сцене танцует сама».

В семейном архиве сохранились афиши гастрольных спектаклей Партпрофклуба под руководством режиссера Александринского театра Н.В. Петрова в августе 1924 г. в город Вытегра.

В 1928 г. Пётр Алексеевич был свидетелем выпускного спектакля хореографического училища – балета «Шопениана» М. Фокина. В этом спектакле танцевали выпускницы Глина Уланова, Татьяна Вечеслова. Галина Уланова сразу же покорила публику своим выступлением. С этого дня начался блистательный творческий путь замечательной балерины.

В конце 1920 г. Пётр Алексеевич женится на Анне Николаевне Муравьёвой (1896–1942). Она являлась правнучатой племянницей известного декабриста Муравьёва Александра Николаевича. Родственники рассказывают, что брак этот был не по любви. Несмотря на государственные перевороты, Муравьёвы искали мужа для Анны Николаевны дворянского происхождения, и Пётр Алексеевич в этом отношении их устраивал. В 1930 г. у них рождается дочь Татьяна.

Из старых афиш, сохранённых в семейном архиве, мы видим, что в 1930-х гг. Пётр Алексеевич был декоратором к таким спектаклям как «Мазепа», «Садко», «Травиата», «У Парижской заставы» «Кармен», «Пиковая дама», «Катерина» и др.

В 1941 г. Пётр Алексеевич был призван в армию, в звании лейтенанта служил в роте связи. Жена и одиннадцатилетняя дочь оказались в осаждённом Ленинграде. Жили по-прежнему на ул. Марата, 11. Из воспоминаний дочери Татьяна: «Дома папа почти не бывал. Я помню, как иногда приходила к нему на Ленфронт, это было в районе станции метро Пролетарской. В начале войны мы с мамой были вдвоём, а в марте 1942 мама ушла за хлебом и не вернулась, три дня я была одна. От слабости и поразившей меня цинги я не могла ходить, помню, как лежала на кровати и мысленно готовилась к смерти. А потом пришла двоюродная тётя, которая жила в этом же доме в другой квартире, и отнесла меня к себе».

Из архивного документа о награждении орденом Отечественной войны 2-ой степени: «21 февраля в 1943 году лейтенант Пётр Алексеевич Штерич получил приказ проложить связь с головным батальоном. Оказался под миномётным огнём противника, был ранен, раненым добрался до действующего батальона. После А.П. Штерич был отправлен в госпиталь в Шексне (Вологодской области)».

В Шексне он встретил Веру Никандровну Петрову, которая была медсестрой в госпитале, где Пётр Алексеевич проходил лечение. После ранения Пётр Алексеевич сильно хромал всю оставшуюся жизнь. В 1944 г. был отправлен в г. Архангельск, где работал художником в доме Красной армии. Туда к нему тогда же приехала дочь. В апреле 1945 г. переведён в г. Кемь, а уже в декабре 1945 г. вернулся вместе с дочерью в Ленинград. И вскоре женился на Вере Никандровне.

Из воспоминаний дочери Татьяна: «Жену свою папа очень любил. Никого и ничего не видел кроме неё. От этого брака родилось двое детей: Александр и Екатерина».

После Великой Отечественной войны Пётр Алексеевич устроился на работу в Ленинградский Малый оперный театр. В конце 1940-х гг. был художником-декоратором таких оперных спектаклей, как «Тихий дон» режиссёра З.В. Закусова, «Вертер» Н.И. Соловьёва и др.

В 1952 г. вместе с В.М. Ходасевичем он был художником-декоратором балета Леонида Яковсона «Сольвейг». Позже Пётр Алексеевич вернулся в Мариинский театр, в котором прослужил до 1976 г.

В 1958 г. работы Петра Алексеевича, такие как: эскизы декорации к опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин», Ж. Массне «Вертер», к опере

Ш.Ф. Гуно «Ромео и Джульетта», к опере С. Прокофьева «Война и мир», экспонировались на выставке художников-декораторов, работающих в мастерских ленинградских театров. Выставка проходила в доме работников искусств им. К.С. Станиславского.

В 1960 г. состоялась большая персональная выставка работ Петра Алексеевича, освещённая в журнале «Огонёк». На выставке были представлены эскизы костюмов к опере Д. Верди «Травиата», к комедии А. Островского «Волки и овцы», эскизы костюмов XVIII в., эскизы венецианских костюмов XVIII в., маскарадных и японских костюмов, а также декорации к балету П. Гертеля «Тщетная предосторожность», к пьесе В. Шекспира «Комедия ошибок», к опере А. Чернова «Первые радости» и др.

Несмотря на все трудности жизни, выпавшие на долю Петра Алексеевича, ему удалось реализовать свои таланты и по-настоящему стать профессионалом своего дела. В семейном архиве Петра Алексеевича хранятся многочисленные награды и знаки отличия: грамоты за хорошую организацию профсоюзной работы театра, за высокие производственные показатели, за успехи в социалистическом соревновании, за долголетний и добросовестный труд, благодарственные письма от союза художников и от коллег, а также символы воинской славы за участие в Великой Отечественной войне.

Н.Т. Юлычева

ИОГАНН БЕРНГАРД И БЕРНГАРДОВКА

Всеволожск, за которым закрепилось звание «город-лес», славится целебным воздухом и входит в число наиболее зелёных и экологически чистых городов России, здесь сохранилось множество высокоствольных сосен, елей и лиственниц. Относительная близость к столице и красивые ландшафты, маленькие речки в сосновых берегах всегда делали окрестности Всеволожска популярными среди дачников. Много интересных страниц истории связано с этой местностью. Обратимся к некоторым из них.

В XVII в. земли Карельского перешейка, в том числе и территория нынешнего Всеволожска, принадлежали Швеции и входили в Ингерманландию. Лишь в ходе Северной войны в 1702–1708 гг. удалось вернуть эти земли России. Пётр I раздавал освобождённые земли своим сподвижникам с условием заселять и обустраивать их. Земля на территории, где сейчас располагается Всеволожск, была подарена Александру Даниловичу Меншикову. На карте 1727 г. она отмечена как мыза Рябово¹.

Когда А.Д. Меншиков попал в опалу, имение отошло в казну. Далее хозяевами были герцог Эрнст Иоганн Бирон, барон Иван Юрьевич Фредерикс. Потом земли продавались по частям, в том числе один из участков 772 десятины у реки Лубьи приобрели у барона Фредерикса в 1795 г. супруги Алексей Николаевич и Елизавета Марковна Оленины, дав своей усадьбе название Приютино. В 1841 г. усадьба продана коллежскому советнику Фердинанду Матвеевичу Адамсу.

В 1847 г. владелец усадьбы «Приютино» Адамс продал земли в долине реки Лубьи под маленькие мызы частным лицам. В результате на этих землях во второй половине XIX в. располагалось несколько частных мыз: «Елизаветино» (39 десятин), «Васильевка» (13 десятин), «Марьино» (36 десятин), «Христиновка» (78 десятин), «Софиевка» (11 десятин). Для сравнения 1 десятина равна 1.09 Га. Некоторые из этих мыз отмечены на карте 1860 г.²

¹ Исторические карты Всеволожского района // Всеволожск–информация: [сайт]. URL: <http://www.vsevinfo.ru/plans6.html>. (Дата обращения: 09.12.2012).

² Там же.

Сейчас на части указанных территорий расположен один из живописных микрорайонов Всеволожска – Бернгардовка, о котором и пойдёт речь ниже. Но прежде обратимся к теме, казалось бы далекой от нашей.

Швейцарцы в Петербурге

Прошлое Швейцарии не раз переплеталось с Россией, с жизнью и деятельностью выдающихся русских людей, с её историей. В Петербург швейцарцы стали приезжать вскоре после основания города: архитекторы, художники, ученые. Швейцарцем по национальности был известный сподвижник Петра I Франц Лефорт. В стенах Петербургской академии наук работали выдающиеся учёные Леонард Эйлер, Якоб Бернулли. В XVIII в. выходцы из Швейцарии составляли 8 % членов Академии наук. В строительстве Петербурга принимали участие талантливые швейцарские архитекторы и строители. Один из наиболее известных – первый архитектор города Доменико Трезини. Новая столица была притягательна и для швейцарских инженеров, ремесленников, промышленников и предпринимателей в таких отраслях как текстильная, машиностроительная, пищевая, производство часов. В 1857 г. В Петербурге было зарегистрировано 327 швейцарцев, в 1900 г колония швейцарцев насчитывала уже более 1000 человек³.

Для оказания помощи нуждающимся соотечественникам и сохранения национальной культуры в 1814 г. было создано Швейцарское благотворительное общество. Затем в конце 1870-х гг. в Петербурге появилось Общество взаимного вспоможения швейцарцев, основной задачей которого была медицинская помощь соотечественникам. Чаще всего петербургские швейцарцы, если это позволяли средства, были членами обоих обществ. По инициативе швейцарского Консульства и указанных обществ в национальный день Швейцарии 1 августа организовывались коллективные выезды за город сначала в Териоки, Юкки, а с 1889 г. в усадьбу Христиновка, принадлежавшую члену общества швейцарскому кондитеру Иоганну (Гансу) Бернгарду (Hans Bernhard). В выездах участвовала вся петербургская колония. Более 200 швейцарцев собиралось на эти праздники, которые проходили в местности, сейчас носящей название Бернгардовка⁴. Поговорим теперь подробнее о последнем владельце усадьбы.

³ Люти М.И., Тарханова Е.М. Швейцарцы // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: в 3 т. СПб., 2011. Т. 2, кн. 8. С. 42–51.

⁴ Емельянцева Е. Швейцарское благотворительное общество (1814–1918) // Швейцарцы в Петербурге: сборник статей. СПб., 2002. С. 69–81; Раубер У. Швейцарские промышленники в Санкт-Петербурге // Там же. С. 331–340.

Иоганн Бернгард и мыза Христиновка

Иоганн Бернгард (Johann Bernhard) родился в 1826 г. в самом крупном кантоне Швейцарии Граубюнден (Graubünden), расположенном на юго-востоке страны⁵.

В Россию он приехал в семнадцатилетнем возрасте. В 1848 г. открыл в Петербурге на Васильевском острове кондитерскую «Бернгард». Это заведение, славившееся гостеприимством хозяина и его жены, с удовольствием посещали студенты, преподаватели и сотрудники научных учреждений. Дела шли хорошо.

В 1870 г. кондитер купил за 6 000 рублей мызу Христиновка в Рябовской волости Санкт-Петербургского уезда с 78 десятинами земли, устроил в ней двухэтажный усадебный дом и молочную ферму и начал заниматься животноводством. Ранее, в 1847 г., безымянная мыза была приобретена у коллежского советника Ф.М. Адамса сенатором, действительным тайным советником Егором Фёдоровичем фон Брадке, затем продана им в 1862 г. провизору О.Ф. Генцлеру, который назвал её «Христиновка».

Вскоре Христиновка стала походить на родину бывшего кондитера. В хозяйстве Иоганна Бернгарда занимались выращиванием пород редких коров. Были у него и фруктовые сады, и оранжереи. Стада тут, к изумлению местного населения, пасли сенбернары, а коров доили только мужчины. В имении свято соблюдались обычаи, традиции, свойственные народу Альп. По состоянию на 1889 год, в хозяйстве у Г. И. Бернгарда было 10 лошадей, 31 корова и 2 быка холмогорской породы. Почва имения — чернозём и песок. Четыре комнаты верхнего этажа господского дома сдавались в наём.⁶

Как уже упоминалось, каждый год 1 августа в Христиновку приезжала вся петербургская колония швейцарцев: с 1889 г. Бернгард предоставил своё имение для проведения праздников с целью «укрепления дружеских связей между членами Общества», как было прописано в уставе швейцарского Общества взаимного вспоможения. Поднимался национальный флаг. Устраивались пикники, лотереи, танцы. В особом почёте были национальные игры — стрельба по мишеням, борьба. Среди гостей бывали представители семейств Бенуа, Медем⁷.

⁵ Люти М.И., Тарханова Е.М. Наиболее известные швейцарцы в Петербурге XVIII – начала XX в. // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: в 3 т. СПб., 2011. Т. 2, кн. 8: приложение. С. 811–813.

⁶ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. X. Частновладельческое хозяйство в Шлиссельбургском уезде. СПб., 1889, С. 26.

⁷ Емельянцева Е. Швейцарское благотворительное общество (1814–1918). С. 69–81.

Замечательным событием стало празднование в 1908 г. в Христиновке золотой свадьбы Иоганна и его жены Вероники, на которую съехались многочисленные гости.⁸

В октябре 1892 г. начала функционировать Ириновская железная дорога, которая прошла через мызу Бернгарда. Это первая в России узкоколейная дорога с шириной колеи 750 мм (до этого использовались узкоколейки шириной 1067 мм). Дорога использовалась вначале для перевозки торфяных брикетов, позднее начали осуществлять и пассажирские перевозки для удобства дачников. В «Памятной книжке С.-Петербургской губернии на 1905 г.» (Издание С.-Петербургского Губернского Статистического Комитета) об Ириновской железной дороге сказано: «Ириновская узкоколейная жел. дорога сост. из двух ветвей: 1) Охта–Борисова Грива – 41 вер., 2) Шлиссельбургская ветвь (Рябово–Шереметевка) – 21 вер, дорога обязана своим существованием барону П.Л. Корфу (бывшему Петербургскому городскому голове). Служит она, главным образом, для сообщения с дачными посёлками: Рябовым, Ильинским и остальными, расположенными между ст. Христиновкой и Мельничным Ручьём, а также и для товарного движения, доставляя в СПб. топливо, строительные материалы и проч.».

Таким образом, железной дорогой была использована часть земель Бернгарда. Позднее Иоганн Бернгард подал ходатайство в правление Ириновско-Шлиссельбургского промышленного общества «о переименовании станции Христиновка в станцию Бернгардовка, мотивированное тем, что на Юго-Западных железных дорогах имеется одноименная ст. Христиновка, куда зачастую засылается корреспонденция, адресованная на ст. Христиновка Ириновской железной дороги». Далее указанным правлением было направлено прошение в Управление железных дорог (№ 727 от 12.08.1910): «Принимая во внимание, что названная станция расположена в имении господина Бернгарда, который в данной местности есть наиболее крупный землевладелец, <...> правление просит управление железных дорог разрешить переименовать с 1 января 1911 года станцию Христиновка в станцию Бернгардовка»⁹. Данное прошение вскоре было удовлетворено.

Хозяином усадьбы в это время был уже не сам Иоганн Бернгард, а один из его сыновей. Он, как и отец, увлечённо занимался разведением коров редких пород. В 1909 г. В.П. Всеволожский, ближайший сосед Бернгардов, устраивает в своей усадьбе Рябово первую сельскохозяйственную выставку,

в которой приняли участие более сотни участников и несколько тысяч посетителей. На выставке демонстрировались достижения в животноводстве, птицеводстве и овощеводстве. Медали выставки получили владелец мызы Христиновка и сам В.П. Всеволожский¹⁰.

После смерти Иоганна Бернгарда в 1913 г. (похоронен на Северном кладбище) праздники петербургских швейцарцев в имении продолжали устраивать до событий 1917 г. его дети. После революционных событий, в 1918 г. все члены семьи Бернгарда по мужской линии вернулись через Финляндию на родину предков. В Петербурге осталась только внучка главы рода Елизавета Александровна.

Иоганн Бернгард и Петербург

Основной адрес в Петербурге, связанный с Иоганном Бернгардом – это Дом Кенигов (наб. Лейтенанта Шмидта, 9 – 8-я линия В.О., 1 – Академический пер. 20).

Дом был построен в первой трети XVIII в. (автор не установлен). Затем неоднократно перестраивался. В 1832–1833 гг. архитектор Г.Р. Цолликофер надстроил корпус, который выходит на 8-ю линию, вторым этажом и мансардой по центру. (В 2001 г. дом включён КГИОП в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»).

В 1740-х гг. дом принадлежал белгородскому губернатору П.М. Салтыкову.

В 1836–1840 гг. году здесь снимал квартиру крупный банковский служащий С.Н. Даргомыжский. С ним жил и его сын, 23-летний чиновник Государственного казначейства А.С. Даргомыжский, впоследствии знаменитый композитор. В этом доме он работал над оперой «Эсмеральда».

В 1848 г. Иоганн Бернгард открыл в этом доме кондитерскую «Бернгард»¹¹. Позднее кондитерская была преобразована в кафе–ресторан. Этот тип заведения объединял характерные особенности трактиров, рестораций и кофейных домов. В «кафе-ресторанте» разрешено было подавать и продавать: «1) Всякого рода прохладительное, а также чай, кофе, шоколад, глинтвейн, сабанон и т.п. 2) Конфеты и разное пирожное. 3) Бульон, бифштекс и другия припасы потребные для закусок. 4) Разные ликеры, наливки, вина Российския и иностранныя лучших доброт, портер, иностранный и пиво российское лучших доброт. 5) Табак и сигары. Дозволяется иметь в заведении: 1) Все выходящие в свет, как Российския, так и иностранныя

¹⁰ Александрова Е.Л. Санкт-Петербургская губерния. Исторический очерк. СПб., 2011. С. 533.

¹¹ Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д. Дома и люди Васильевского острова. М., 2007. С. 176–177.

⁸ Ратникова М.С. История Рябово с древнейших времён. В 3 т. СПб., 2009. Т. 1. С. 150.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 273 (Управление железных дорог МПС). Оп. 14. Ч. 2. 1910 г. Д. 1275 (О переименовании станции Ириновской железной дороги).

газеты, правительством дозволенные и 2) Биллиард, кегли, домино и шахмат»¹².

«Единственный на Васильевском острове перворазрядный ресторан „Бернгард“ – излюбленное место встреч василеостровских немцев, профессоров и студентов университета и Императорской академии художеств, врачей и художников – был открыт в конце XIX – начале XX столетия на углу 8-й линии и Николаевской набережной. Как и большинство мест такого рода, он привлекал посетителей не только добротной кухней, но и бильярдными столами»¹³.

В одной из статей журнала «Ресторанное дело» о ресторане «Бернгард» писали: «На этой густозаселенной окраине (имеется в виду Васильевский остров – Н. Ю.) есть несколько ресторанов, одинаково претендующих на 1 разряд <...> «Счастливым», попавшим в высший ранг, является ресторан, прежде принадлежавший Бернгарду, а ныне эксплуатируемый товариществом официантов и находящийся на углу 8 линии и Николаевской набережной»¹⁴.

Об Иоганне Бернгарде можно найти много упоминаний в различных справочниках XIX – начала XX вв. Необходимо отметить, что в различных источниках адрес дома различается в связи с изменением нумерации домов, изменением названий улиц. В частности, набережная Большой Невы, имевшая единую нумерацию домов с Университетской набережной, с 1887 г. на отрезке от 7-й до 22-й линии стала Николаевской набережной с собственной нумерацией.

В Санкт-Петербургском путеводителе за 1854 г. указано имя Бернгарда как «Бернард, купец и кондитер, Васильевский остров у большой Невы по 8 линии дом Кенига 68»¹⁵.

Имя Иоганна Бернгарда упоминается с 1876 по 1890 г. во всех ежегодных справочных книгах о лицах петербургского купечества. В них сказано, что купец второй гильдии Иоганн Бернгард – швейцарский гражданин, в купечестве состоит с 1866 г., житель дома Кенига по Набережной Большой Невы в Васильевской части, содержит кафе ресторан в том же доме.

В первой столичной справочной книге в разделе «Санкт-Петербургское купечество и их местожительства» находим сведения: «Бернгардт, Иоганн, В.О. набережн. Б.Невы, 35»¹⁶.

¹² Русский трактир есть место столкновения старинной Руси с Европою // Allcafe: [сайт]. URL: <http://allcafe.ru/readingroom/history/185> (Дата обращения: 09.12.2012).

¹³ Демиденко Ю.Б. Рестораны, трактиры, чайные: Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX века. М., 2011.

¹⁴ Причастный. Аномальность ресторанного дела на Васильевском острове // Ресторанное дело. 1911. № 7. С. 4.

¹⁵ С.-Петербургский путеводитель. 1854: [В 2 ч.] / сост. Матвеев В.М. СПб., 1853. С. 39.

¹⁶ Первая столичная справочная книга 1886, июнь – 1887: до 25000 адресов и справок / сост. Александр Англин. СПб., 1886. С. 60.

На карте Санкт-Петербурга для приезжих отмечены наиболее известные столичные рестораны, среди которых ресторан «Бернгард» (В.О., 8-я линия, 9)¹⁷.

В списке петербургских ресторанов на 1914 г., зарегистрированных Городской управой, числился и ресторан «Бернгард», по адресу Николаевская наб. д. 9¹⁸.

Бернгардовка после Бернгардов

Бывшие хозяева Бернгардовки оставили все постройки, в том числе и свой дом, в идеальном состоянии. Усадьбу вскоре опечатали и на её территории создали совхоз «Бернгардовка». Летом 1918 г. в нём числилось 14 человек, а всё животноводческое хозяйство насчитывало 15 коров и 3 лошади. В посёлке, ещё недавно имевшем налаженный быт, образцовое хозяйство, начался голод. Позднее, в 1930 г., на территории бывшей мызы Бернгардов возник колхоз, в котором действовали лесопильный завод, кузница, столярная мастерская. В октябре этого же года Всеволожский сельсовет отвёл в Бернгардовке рабочей жилищной организации «Стандартстрой» участки под дачи. С этого момента посёлок стал местом отдыха горожан.

В годы Великой Отечественной войны в Бернгардовке, как и в других населённых пунктах Всеволожского района, избежавших оккупации, размещали детей, вывезенных из осаждённого Ленинграда. Здесь в годы блокады работали школы. А в усадебном доме Бернгардов был дом отдыха для бойцов Красной армии. Там отдыхали бойцы 6-го, 7-го и 8-го полков ВВС, а также летчики 1-го минно-торпедного авиаполка.

Близ Бернгардовки был разбит ложный аэродром. На нём из досок и фанеры сколачивали макеты истребителей, очень похожие на настоящие. Почти в одно и то же время два «Мессершмитта» прилетали и штурмовали эти деревянные макеты. Заведовал «аэродромом» командир сводного Лужского комсомольского отряда А.Г. Романов. Бомбили местность нещадно. Впрочем, затем и был задуман «аэродром», чтобы принимать удары на себя...

После войны началось возрождение посёлка. В это время в Бернгардовке появились двухэтажные дома, которые и сегодня стоят на Советской улице. На территории Бернгардовки, вдоль бывшего полотна Ириновской железной дороги, где тогда уже проходил Христиновский проспект, в 1970-е годы были построены летние лагеря, летний кинотеатр «Октябрь» и база отдыха

¹⁷ План С.-Петербурга с показанием: гостиниц, меблированных комнат, ресторанов, трактиров, ренсковых погребов, кухмистерских, столовых и парикмахерских. СПб., 1903.

¹⁸ Список петербургских ресторанов на 1914 год // История Петербурга. XX век: фрагменты: [сайт]. URL: http://fragments.spb.ru/restaurants_1914.html (Дата обращения: 09.12.2012).

одного из петербургских предприятий, а также ПТУ № 28. В начале 1990-х детские лагеря пришли в запустение и сейчас на их территории построены «элитные» частные дома. Слева от железной дороги в 1990-е годы появилась небольшая церковь святых Константина и Елены и торговые ряды, а справа – многоэтажные жилые дома.

В 1926–1929 гг. узкоколейную дорогу «перешли» на 1524 мм. В 1958 г. дорога была электрифицирована. Сейчас платформа Бернгардовка расположена на двухпутном участке между платформой Ковалёво и станцией Всеволожская. В Бернгардовке останавливаются все проходящие через неё пригородные электропоезда.

Одним из центров Бернгардовки является школа № 3. Её история ведёт отсчёт с 1933 г., когда на берегу озера в небольшом домике открылась Бернгардовская начальная школа. В военные и блокадные годы школа продолжала работать. С 1941 по 1942 г. в здании школы был открыт детский дом, сюда привозили ленинградских детей, спасая их от голодной смерти¹⁹.

В послевоенные годы она становится семилеткой, а затем становится и средней общеобразовательной. В 1985 г. в рекордно короткие сроки было построено новое здание школы с другой стороны железной дороги. В школе работает музей истории и культуры края. В 2013 г. школа отметила свое восьмидесятилетие.

Напротив школы разбит скверик с памятным камнем, посвященным народу-победителю в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., ведь история Бернгардовки тесно связана с событиями военного времени, с Дорогой жизни, героизмом ее жителей. Школа находится на улице, которая названа в честь победы в Великой Отечественной войне. А как хранят в поселке память о ее последних владельцах?

Встречи на земле предков

Потомки не забывают места, где жил Иоганн Бернгард. Такие встречи на земле Бернгардовки были не раз. Каждую из встреч гостей сопровождала директор Всеволожского историко-краеведческого музея Марина Семёновна Ратникова. Эти встречи описаны ею в журналах «Мызы и музы»²⁰, книге «История Рябово с древнейших времён»²¹, а также в местной газете «Всеволожские вести»²².

¹⁹ Муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа с углублённым изучением отдельных предметов № 3 г. Всеволожска [сайт]. URL: // <http://vsev3.ru/> (Дата обращения 25.11.2016 г.).

²⁰ Мызы и музы. Вестник Всеволожского государственного историко-краеведческого музея. Всеволожск, 1992–2005.

²¹ Ратникова М.С. История Рябово с древнейших времен. В 3 т. СПб., 2009. Т. 1.

²² Ратникова М.С. Бернгарды – в гости к нам // Всеволожские вести. 2004. № 56(992). С. 5.

Летом 1990 г. из Швейцарии в Бернгардовку приезжали две внучки Иоганна Бернгарда, родившиеся в 1907 г., Екатерина и Мелита. Екатерина родилась в Бернгардовке, а Мелита – в Сибири. Потомки Бернгардов посетили бывшую мызу, Всеволожский государственный историко-краеведческий музей. Их сопровождал житель Петербурга правнук Бернгарда Никита Юрьевич Баймаков. Гости оставили запись в книге отзывов: «Потомки Бернгардов из Швейцарии, Финляндии, и ленинградец сердечно благодарят Марину Семеновну за её огромную инициативу, направленную на сохранение памяти больших людей – хозяев этих земель, которые в своё время вложили много в дело благополучия России. И мы, внуки и правнуки основателя Бернгардовки, выражаем искреннюю признательность».

8 июля 2004 г. Всеволожский государственный историко-краеведческий музей встретил более 50 потомков Бернгардов, приехавших к нам из Швейцарии, Финляндии и Санкт-Петербурга. Среди них были старые знакомые, уже бывавшие в музее в 1990 г., с которыми на протяжении четырнадцати лет не прерывалась связь. Это Керту и Пенти Вуоли из Финляндии. Именно они и стали инициаторами общего сбора в месте бывшей мызы, где в последней трети XIX в. жили их потомки Вероника и Иоганн (Ганс) Бернгарды. В этот раз сюда приезжали правнуки и правнучки, уже в преклонном возрасте, но были среди них потомки и помоложе – праправнуки.

После экскурсии обменялись фотографиями и краеведческой литературой. Затем путь лежал во Всеволожскую администрацию. Гостей здесь ждали. Представитель от потомков Бернгард прочёл привезенное из Швейцарии благодарственное послание в адрес музея и подарил копию старинной фотографии семьи. Вся встреча была заснята местным телеканалом.

Далее путь лежал в бывшую мызу Бернгардов. В этой поездке музею помогали учителя школы № 3 – Елена Алексеевна Чистякова и бывшая учительница этой школы Мария Георгиевна Арсеньева. Вместе с учащимися они смогли убрать территорию перед исторической встречей. Ещё совсем недавно (до 1995 г.) в парке можно было увидеть господский двухэтажный дом на пруду, гостевые постройки. Ныне же сохранилась только часть фруктового сада и прекрасные лиственные аллеи. Но и сегодня в бывшем господском парке любят отдыхать жители микрорайона, носящем имя этого рода. Во время прогулки потомки и местные жители искали и находили знакомые места по старинным фотографиям. За сердечный приём потомки Бернгарда поблагодарили администрацию и музей, а также тех, кто их окружал во время этой непродолжительной, но незабываемой встречи, особенно Марину Семёновну Ратникову, не пожалевшую своих сил и времени на поддержание традиций Бернгардовки и чтущей память усадьбы Христиновки и её бывших обитателей.

О петербургских ветвях Бернгарда

Как уже ранее упоминалось, после революции, в 1918 г., все члены семьи Бернгарда по мужской линии покинули Россию. В Петербурге осталась только внучка Иоганна Бернгарда от сына Александра – Елизавета Александровна. Впоследствии она вышла замуж за профессора Политехнического института Юрия Владимировича Баймакова. Профессор Юрий Владимирович Баймаков (1894–1980) более 60 лет своей жизни посвятил развитию отечественной металлургии цветных металлов. Ю.В. Баймаков был главным металлургом завода «Красный выборжец», осваивал производство алюминия вначале на опытной площадке, затем в качестве главного инженера строительства Волховского алюминиевого завода. Им написан ряд учебников и учебных пособий, которые изучали многие поколения студентов и аспирантов²³. На одном из стендов историко-технического музея Санкт-Петербургского политехнического университета можно увидеть его фотографию в числе видных учёных, связанных с этим известным учебным заведением.

Сын Елизаветы Александровны и Юрия Владимировича Баймакова, правнук Иоганна Бернгарда, как и отец, посвятил свою жизнь научным исследованиям, разработкам и их внедрению. Баймаков Никита Юрьевич (1927–2004) окончил Ленинградский политехнический институт. Специалист в области телевидения. Трудовой путь начал рабочим в Ленинградском политехническом институте (1942–1945). Один из главных разработчиков первой радиостанции цветного телевидения. Во ВНИИ телевидения (1953–1992) вырос от инженера до главного конструктора многих проектов. Руководитель разработки радиолинии, осуществлявшей передачу широкополосного космического телевизионного сигнала. Входил в группу специалистов, осуществивших первые телевизионные передачи с борта космического корабля. Начиная с космического корабля «Союз» – технический руководитель по разработке и обеспечению жизнедеятельности систем связи, входящих в состав различных комплексов космического телевидения. Главный конструктор антенной системы «Фобос», ведущий разработчик систем ТВ связи для обеспечения совместного полёта космических кораблей «Союз» и «Аполлон». Автор идеи и руководитель разработки аппаратуры для передачи ТВ сигнала с Земли на борт космических кораблей. Зам. главного конструктора ТВ космических систем, предназначенных для пилотируемых космических объектов и самолетного сопровождения МКС «Бу-

²³ История кафедры цветных металлов СПбГПУ // Кафедра «Металлургические технологии» СПбГПУ: [сайт]. URL: <http://www.kafedra-cm.ru/0/0/kafedra-tcm/istoriya-kafedri/> (Дата обращения: 09.12.2012).

ран». Почётный радист СССР. Награжден Государственной премией СССР (1971)²⁴.

Изучение различных материалов по истории Бернгардовки и её основателей явилось очень увлекательным занятием. Конечно, хотелось бы впоследствии расширить рамки работы – связаться с кем-то из рода Бернгардов, узнать больше об основателе рода, о его потомках, глубже раскрыть информацию о самой Бернгардовке, событиях происходивших после 1917–1918 гг.

Большой утратой является то, что уже нет дома Бернгардов, который простоял долгое время, пережил блокаду и послевоенные годы, но не устоял в 1990-е годы. К счастью, остался парк на месте бывшей усадьбы, который называется «Софиевка» и который является любимым местом отдыха местных жителей. Здесь есть замечательные водоёмы, могучие сосны и ели, уютные поляны. Можно погулять с детьми, покататься на лыжах, поиграть в различные игры, подышать ароматным лесным воздухом.

Радует, что власти Всеволожска собираются провести реконструкцию парка, о чём писал в статье «Будущее парка Софиевка» в местной газете «Ветеранская правда» № 2 от 26.09.12 заместитель главы администрации г. Всеволожска Юрий Павлов: «Администрация Всеволожска объявила конкурс по реконструкции территории парка «Софиевка». Среди условий – совместить характер народного парка для отдыха жителей города с пейзажем садов и парков, характерных для петербургских поместий XIX века».

Будем надеяться, что всё задуманное исполнится.

²⁴ Баймаков Н.Ю., Лоцинская М.Г. Надёжная связь «Фобоса» // История космического телевидения в воспоминаниях ветеранов. СПб., 2009. С. 90.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений названий учреждений и организаций

- ВВС – Военно-воздушные силы
- ВНИИ – Всесоюзный научно-исследовательский институт
- В.О. – Васильевский остров
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- КГИОП – Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры
- МПС – Министерство путей сообщения
- МХАТ – Московский художественный академический театр
- НБА РАХ – Научно-библиографический архив Российской академии художеств
- НЭП – Новая экономическая политика
- ПВО – Противовоздушная оборона
- П.С. – Петроградская Сторона
- ПТУ – Профессионально-техническое училище
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- СНК – Совет народных комиссаров
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
- ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
- ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Дипломные работы 2014 года

Гринёва Надежда Викторовна

Цикл экскурсий «Современные кадетские корпуса Санкт-Петербурга и Ленинградской области»

Дзелянович Эдуард Эдуардович

Краткая история семьи в письмах и документах (от прадеда к правнукам)

Козий Ольга Владимировна

В.А.Линская-Неметти – жизнь, судьба, театральная деятельность

Кулепова Ирина Борисовна

Страницы истории одной жизни. Шукалов Сергей Петрович (по материалам семейного архива).

Неганова Анастасия Александровна

Педагогическая мастерская «Живая душа Петербурга» (Методическая разработка для учащихся 9-х классов)

Петрова Светлана Юрьевна

В поисках правды на улице Правды (Биография ДК пищевой промышленности)

Ромашева Елена Евгеньевна

Как в Петербурге появились Зошенко. Детство и юность писателя.

Дипломные работы 2015 года

Гутова Лидия Николаевна

«Тайны Новой Голландии и утраченный Благовест площади Труда» (Экскурсия)

Золотарёва Наталья Дмитриевна

«Мятеж реформаторов. Декабристы в Петербурге» (Автобусная экскурсия)

Мелькова Елена Андреевна

«Забытые и реализованные мечты о «Новом Петербурге» на острове Голодай» (Экскурсия)

Риктер Наталия Юрьевна

История создания церкви во имя Свт.Николая Чудотворца при Убежище Престарелых Сценических Деятелей в память Императора Александра III.

Силаева Светлана Юрьевна

Зарождение и становление подготовки электротехников и связистов для русской императорской армии (1840–1917 гг.).

Чуприна Любовь Викторовна, Шарыгина Ольга Владимировна

«Страж у истока Невы» (автобусная экскурсия)

Дипломные работы 2016 года

Бояройц Анна Александровна

История земельного участка по адресу Садовая улица №7-9-11.

Гоголев Владимир Юрьевич

Николай Густавович Линден – предприниматель, издатель, меценат.

Лейес Екатерина Олеговна

История Казанской кладбищенской церкви и ее настоятели.

Рослякова Татьяна Шамильевна

«От скромной церкви в Пулковое к ампиричному триумфу Нарвских ворот» (Раннее творчество Джакомо Кваренги в Петербурге)

Силина Вероника Анатольевна

История Школы Народного Искусства Императрицы Александры Федоровны.

Троицкая Ирина Юрьевна

Будущий король на службе у императора (Биографический очерк о принце Леопольде Саксен-Кобургском, короле бельгийцев Леопольде I).

Шевченко Татьяна Ивановна

Биография Николая Яковлевича Марра в историко-культурном контексте.